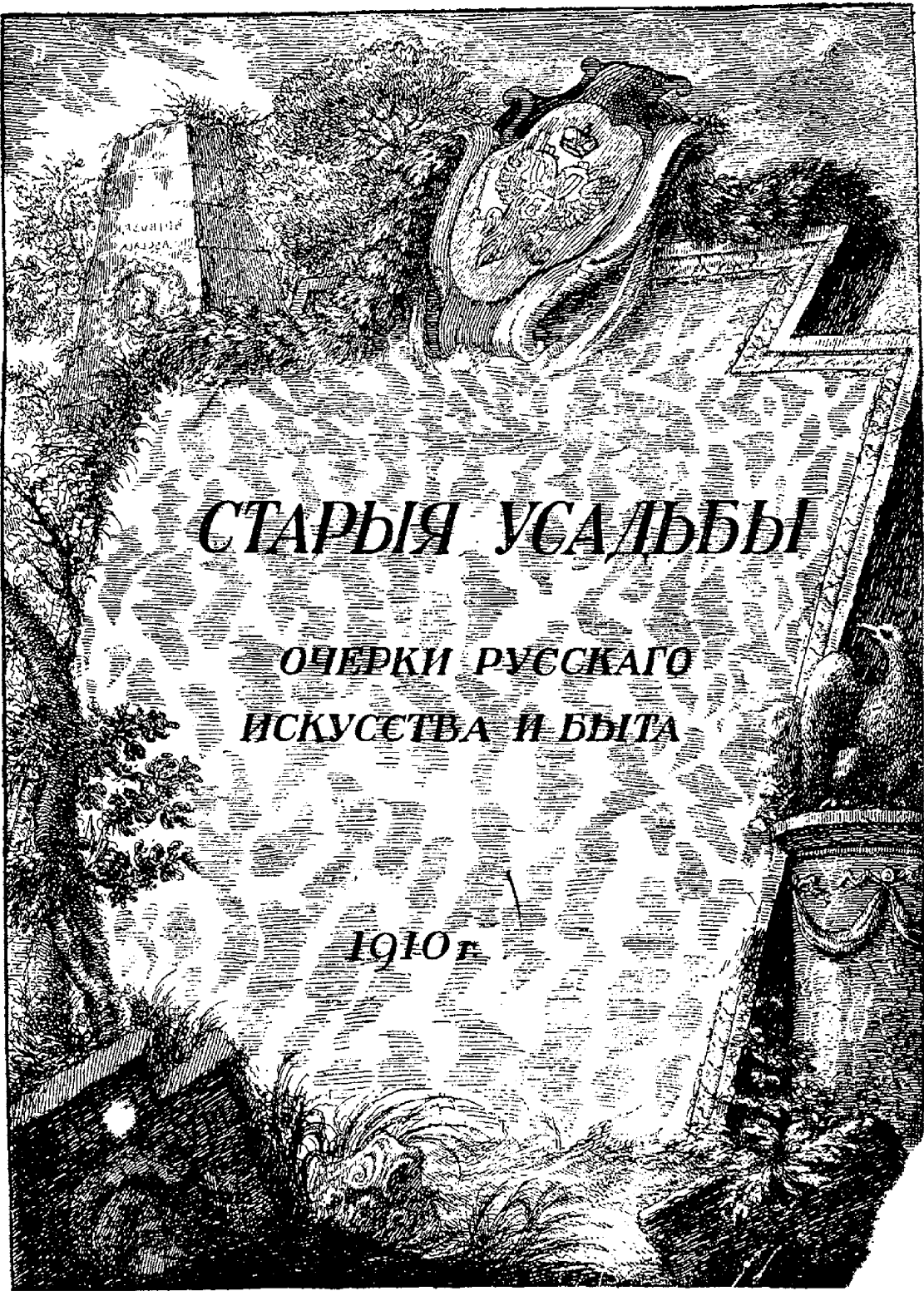

СТАРЫЯ УСАДЬБЫ

ОЧЕРКИ РУССКАГО
ИСКУССТВА И БЫТА

1910 г.

ПОМѢЩИЧЬЯ РОССИЯ

(Baron N. Wrangell: La vie des châteaux russes).

Бѣлые дома съ колоннами въ тѣнистой чашѣ деревьевъ; сонныя, пахнушіе тиною пруды съ бѣлыми силуэтами лебедей, бороздящихъ лѣтнюю воду; старыя нянюшки, снимающія пѣйки съ варенья; жирныя, обжорливыя моськи, ворчащія отъ сахара и злости; дѣвки-арапки, отгоняющія мухъ отъ спящей барыни; Митька-казачекъ, таскающій длинныя чубуки для раскуриванья гостямъ; мухи, летающія, жужжащія, назойливыя, кусающіяся, скучныя, противныя мухи; мухи, засиживающія окна и стѣны, и книги, и все; пѣтухи, кричащіе на задворкахъ; мычащія коровы; блеющія овцы; бранящіеся хозяева-помѣщики; бабушки въ чепцахъ; никому ненужныя, штопающіе чулки, старые лакеи; босоногія дѣвки, сѣнныя дѣвушки; крѣпостныя актрисы, живописцы, форейторы, музыканты, борзые псы, художники, карлики, крѣпостные астрономы. Внутри, въ комнатахъ — чинныя комфортабельныя стулья и кресла, привѣтливыя круглыя столы, развалистыя безконечныя диваны, хрипящіе часы съ ржавымъ басистымъ боемъ, и люстры, и подсвѣчники, и софиты, и ширмы, и экраны, и трубки, трубки до безконечности. И опять мухи: сонныя, злыя, назойливыя, липнущія, кусающія и засиживающія все. Вотъ она — крѣпостная Россія прошлаго, отъ которой остались только мухи и домашняя скотинка, старыя нянюшки, хозяйская воркотня и быль и небылица о крѣпостной жизни, о роскоши, о красотѣ быта, о чудачествѣ дѣдушекъ и бабушекъ. Вотъ крѣпостная Россія обжорства и лѣни, добродушнаго послѣобѣденнаго мечтанія, чесанія пятки на ночь и игры на гитарѣ при лунѣ. Вотъ страна «Евгенія Онѣгина», потомъ «Мертвыхъ Душъ», потомъ «Дѣтства и Отрочества», потомъ «Оскудѣнія» Сергѣя Атавы. Вотъ «Помѣщичья Россія» отъ Петра Великаго и до Царя Освободителя, полтора вѣка особой жизни, культуры, занесенной изъ чуждой страны, сдѣлавшейся родной и опять чуждой. Старая повѣсть о самодурахъ-помѣщикахъ, засѣкающихъ крестьянъ,

о тѣхъ же помѣщикахъ въ часы досуга, занимающихся меценатствомъ также охотно, какъ ловлей зайцевъ и лисицъ, какъ заказомъ вкуснаго обѣда или поркой провинившихся дѣвокъ. Странное дѣло, но въ этой повѣсти о прошломъ какая то особенная, можетъ быть только намъ однимъ русскимъ понятная своеобразная прелесть; прелесть грубаго лубка, чудо простонародной русской рѣчи, сказка и бѣсенъ, пропѣтыхъ въ селѣ, ухарство русской пляски. Все на фонѣ античныхъ храмовъ съ колоннами, увѣчанными капителями іоническаго, дорическаго или коринтскаго орденовъ. Пляска русскихъ босоногихъ Маланекъ и Дунекъ въ «храмѣ любви», маскарадъ деревенскихъ парней въ костюмахъ боговъ и богинь древности. Или гдѣ нибудь въ Саратовской или Симбирской губерніи — дѣвки-арапки съ восточными опахалами на фонѣ свѣжыхъ сугробовъ. Что можетъ быть нелѣпѣе и забавнѣе, печальнѣе и умильнѣе?

Русское самодурство, главный двигатель нашей культуры и главный тормазъ ея, выразилось какъ нельзя ярче въ бытѣ помѣщичьей Россіи. Безудержная фантазія доморожденных меценатовъ создала часто смѣшныя, чудаческія затѣи, часто курьезныя пародіи, но иногда и очаровательныя, самобытныя и тѣмъ болѣе неожиданныя волшебства.

Вся эта культура, весь этотъ бытъ, все это прошлое, столь близкое по времени, теперь, съ каждымъ годомъ кажется будто удаляется на нѣсколько столѣтій. И какъ чужда, непонятна, и далека казалась людямъ Екатерининскаго вѣка были ихъ прадедовъ время Алексѣя Михайловича, такъ навсегда безвозвратно ушелъ бытъ крѣпостной Россіи, жившій полтора столѣтія. И потому, быть можетъ, нѣжно ласкаетъ и манитъ насъ старая повѣсть о дѣдушкахъ и бабушкахъ, объ арапахъ и крѣпостныхъ, о мебели краснаго дерева и о домахъ съ колоннами на берегу сонныхъ прудовъ?

Въ Россіи никогда не было своей послѣдовательной, наслѣственной культуры. Все созданное варягами, пришедшими княжить въ Россію было уничтожено татарскимъ игомъ. Потомъ опять новая смѣшанная культура Востока и Запада, пышно расцвѣтшая въ царствованіе первыхъ Романовыхъ, была вырвана съ корнемъ тѣмъ, кого потомство окрестило именемъ Великаго Преобразователя Россіи. И черезъ полтора столѣтія помѣщичья крѣпостная культура, давшая столько нѣжныхъ и красивыхъ дѣлцовъ искусства, смѣнилась опять новой, совсѣмъ другой жизнью, которая до сихъ поръ еще не улеглась въ опредѣленное русло. Естественно, что и искусство, «не имѣвшее предковъ», развивалось въ Россіи также случайно, неожиданно и капризно. Но «крѣпостной періодъ» въ исторіи нашей живописи и, главнымъ образомъ, архитектуры и прикладнаго искусства далъ много весьма занимательнаго, характернаго, а иногда даже и подлинно-красиваго. Конечно не въ смыслѣ grand art, но все же интимнаго, такъ ярко и рѣзко рисующаго духъ и вкусы

своего времени. А эта картина была уже свидетельствует о томъ какъ живо и жизненно запечатлѣвали художники въ своихъ созданіяхъ свои робкія мечты.

Въ этой массѣ «средняго уровня», въ безконечномъ количествѣ любопытныхъ и дорогихъ намъ, но все же заурядныхъ въ смыслѣ художественномъ помѣщичьихъ усадьбахъ, встрѣчаются иногда и созданія высокаго мастерства. Понятно, это рѣдкость. Только крупные помѣщики времени Екатерины, а главнымъ образомъ ея фавориты могли создать волшебныя сказки изъ своихъ имѣній, не только не уступающихъ, но даже превосходящихъ грандіозными затѣями то, что было сдѣлано въ эту же эпоху на Западѣ. Русскіе люди всегда были самодурами, а въ искусствѣ самодурство не разъ помогало имъ. Но по странной на-смѣшкѣ судьбы созданное столь быстро, распалось еще быстрѣе.

Фантастическіе дворцы Потемкина, имѣнія князя Зубова, дворецъ Завадовскаго, подмосковное Ноево Дмитріева-Мамонова, дворцы Елизаветинскихъ любимцевъ Разумовскихъ — все погибло.

Раззорены и обывѣшали торжественныя дома съ античными портиками, рухнули храмы въ садахъ, а сами «Вишневые сады» повыврублены. Сожжены, сгнили, разбиты, растерзаны, раскрадены и распроданы безчисленныя богатства фаворитовъ русскихъ Императрицъ: картины и бронза, мебель и фарфоръ, и тысячи другихъ великолѣпій. По странной игрѣ судьбы любимцы Государынь не оставили мужского потомства, дошедшаго до насъ. Вспомните Шувалова, Румянцева, Разумовскихъ, Потемкина, Зорича, князя Зубова, Александра Ланского, Мамонова, Завадовскаго. А для нихъ строили дворцы Ринальди и де ла Моттъ, Менеласъ и Кваренги; имъ дарились лучшіе портреты Государынь, присылались лучшіе художники и служили сотни тысячъ крѣпостныхъ. Даже въ фаворитизмѣ у насъ не сохранилось традицій.

Но не одна судьба зло подшучивала надъ Россіей. Русскіе люди дѣлали все возможное, чтобы исковеркать, уничтожить и затереть слѣды старой культуры. Съ преступной небрежностью, съ нарочитою лѣнью и съ усерднымъ вандализмомъ нѣсколько поколѣній свело на нѣтъ все, что создали ихъ праотцы.

Вѣдь культурнымъ было русское дворянство отъ Екатерины Великой и до освобожденія крестьянъ, берегло и любило красоту жизни. А потомки надругались надъ тѣмъ немногимъ, о чемъ могли бы говорить съ гордостью и, Богъ вѣсть, придетъ ли день, когда снова объ этомъ вспомнить?

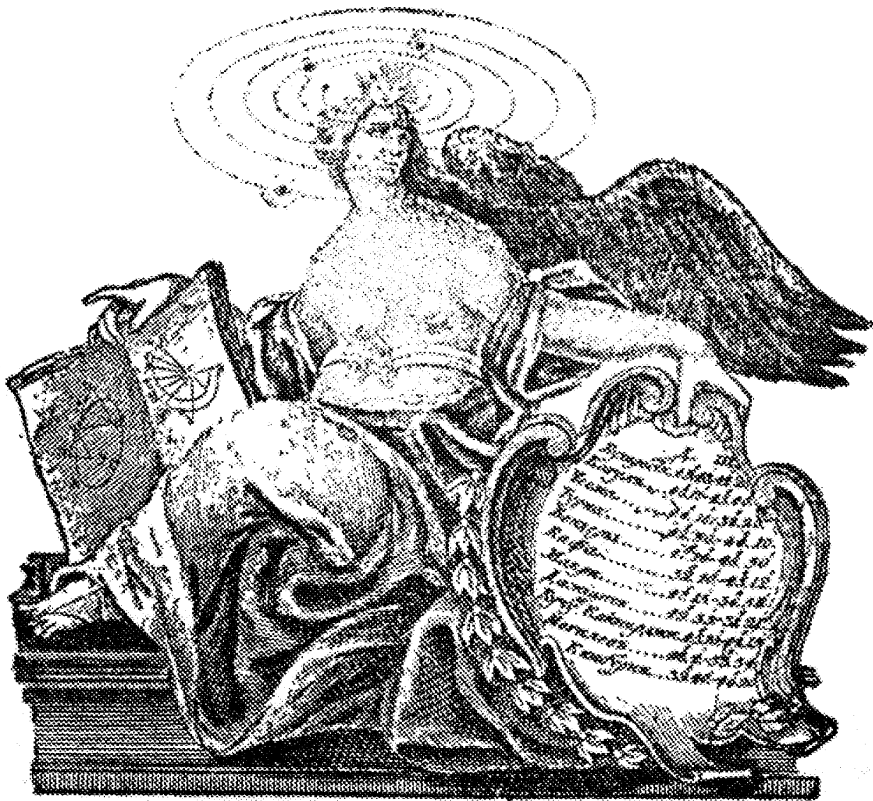
Всюду въ Россіи, въ южныхъ губерніяхъ, на сѣверѣ и въ центрѣ можно наблюдать тотъ же развалъ стараго, развалъ не только денежный, но развалъ культурный, невниманіе и нелюбовь къ тому, что должно украшать жизнь. Тогда какъ въ Европѣ изъ рода въ родъ много столѣтій переходятъ и хранятся имѣнія и сокровища предковъ, въ Россіи наперечетъ нѣсколько помѣстій, находящихся двѣсти лѣтъ въ одной семьѣ. И нѣтъ ни одного примѣра дошедшей до насъ цѣликомъ сохранившейся помѣщичьей усадьбы XVIII вѣка. Только въ Покровскомъ княгини Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой часть дворца еще до-реформенной Руси. Даже отъ Петра, отъ Анны Іоанновны, даже отъ Елиса-

веты дошли до насъ жалкіе остатки, нѣтъ имѣнія, цѣликомъ сохранившагося съ тѣхъ временъ.

Отъ Екатерины лучшее также погибло и только эпоха Александра I еще ярко и жизненно глядитъ изъ усадебъ дворянскихъ гнѣздъ. Но и тутъ Грузино Аракчеса, полу-развалившееся, обкраденное, запущенное, съ призракомъ убитой Настасьи и образомъ «обезьяны въ мундирѣ», засѣкающей крестьянъ...

Такъ, быть можетъ, ничего и не осталось отъ волшебныхъ чудачествъ крѣпостной Россіи, быть можетъ, не стоитъ и говорить о томъ, что у насъ есть?

Нѣтъ, еще стѣбитъ. Еще можно спасти дорогіе остатки старины, сохранить и уберечь отъ окончательной гибели красивыя воспоминанія, плеснѣющія въ грязныхъ деревняхъ, въ провинціальной глуши отдаленныхъ губерній. Еще стѣбитъ подумать прежде чѣмъ рушить дома, прежде чѣмъ продавать скупщикамъ картины и предметы убранства. Въ Россіи еще есть старое искусство, пока цѣлы Дубровицы, Кузьминки, Архангельское, Останкино, Кусково, Петровское, Марьино, Ольгово, Бѣлая Колпа, Быково, Покровское-Стрѣшнево, Полотняный Заводъ, Очкино, Диканька, Суханово, Андреевское, Воронцовка, Ивановское, Братцево, Никольское-Гагарино и Никольское-Урюпино, Большія Вяземы, Дугино, Яготинъ, Каченовка, Корсунъ, Гомель, Отрада, Бѣлая Церковь...

УСАДЬБЫ И ИХЪ ОБИТАТЕЛИ.

При словѣ «усадьба» намъ обыкновенно рисуется бѣлоколонный домъ екатерининскаго или александровскаго времени, тѣнистый садъ, «храмы любви» и «дружбы», мебель корельской березы или краснаго дерева. Благодаря тому, что все, сохранившееся до насъ, рѣдко насчитываетъ болѣе 100—150 лѣтъ, такое представленіе объ русской усадьбѣ совершенно понятно. Но вѣдь и до Екатерины и даже въ до-реформенной Руси была помѣщичья жизнь, были деревенскіе дома, обитаемыя князьями и боярами.

На основаніи отрывочныхъ свѣдѣній писцовыхъ книгъ и любопытныхъ описаній заѣзжихъ иностранцевъ, можно въ общихъ чертахъ нарисовать себѣ типъ средняго помѣщика и дворянской усадьбы въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Тѣ представленія о пышности и роскоши «боярской жизни», которыя держатся у большинства, рѣшительно ни на чемъ не основаны.

Земельная Россія въ до-реформенное время была по отношенію къ Западной Европѣ вродѣ того, что теперь Полинезія для Россіи. И всѣ путешественники, пріѣзжавшіе въ Московію, описываютъ ее именно какъ диковинную варварскую страну. «Когда наблюдаешь русскихъ въ отношеніи ихъ душевныхъ качествъ, нравовъ и образа жизни», пишетъ Олеарій: «то ихъ, безъ сомнѣнія, не можешь не причислить къ варварамъ». ¹

Естественно, какъ и у всѣхъ варваровъ, русскій бытъ дѣлился на двѣ части: роскошную и прихотливую пышность наиболѣе знатныхъ вельможъ-горожанъ и грязную и почти убогую, скудную жизнь средняго дворянина.

Въ подмосковныхъ дворцахъ Романовыхъ царилъ великолѣпіе. Въ Измайловѣ былъ чудесный дворецъ, «регулярный садъ» съ разными загѣями; еще прихотливѣе былъ

Россійскій Выхеевъ,
Коломенско село,

Которое на свѣтъ Петра произвело.

Не даромъ Симеонъ Полоцкій называлъ эти имѣнія царей Московскихъ «восьмымъ чудомъ свѣта, Соломоновою прекрасною палатою». Но безконечно далеки отъ такой роскоши были дворянскія усадьбы.

«Помѣщики XVI вѣка, время Грознаго, жили бѣдно и непривѣтливо. Богатѣйшія дѣти боярскія выслуживались до придворныхъ чиновъ, попадали въ списки московскихъ дворянъ, жильцовъ и т. д. Менѣе счастливые, все бѣднѣя, опускались до владѣнія 20—40 десятинами, скоро исчезли въ толпѣ вольныхъ людей, казаковъ и однодворцевъ». ²

Если богатому землевладѣльцу и удавалось выстроить болѣе роскошныя палаты, то почти всегда черезъ нѣсколько лѣтъ онѣ погибали отъ огня. Страшные пожары уничтожали до тла деревянныя постройки, а въ старину дома, даже у очень богатыхъ людей, строились изъ дерева. Флетчеръ, посѣтившій Россію въ 1588 г., ужасается опустошеніямъ, которыя огонь каждый годъ производитъ въ Россіи. «Пожары тамъ случаются очень часто», пишетъ онъ: ³ «и бываютъ очень страшны по причинѣ сухости

и смолы, заключающейся въ деревѣ, которое, разъ загорѣвшись, пылаетъ подобно факелу, такъ что трудно бываетъ потушить огонь, пока все не сгоритъ».

Вслѣдствіе этихъ причинъ, а главнымъ образомъ отсутствія потребностей къ роскоши и удобствамъ русскіе люди въ XVI и XVII в. жили очень просто и даже грязно. Объ убранствѣ домовъ Олеарій говоритъ:⁴ «Мало видать оловянной и еще меньше серебряной посуды — развѣ чарки для водки и меду. Не привыкли они также прилагать много труда къ чисткѣ и полировкѣ посуды. Даже великокняжескіе серебряные и оловянные сосуды, изъ которыхъ угощали пословъ, были черные и противные на видъ, точно кружки у нѣкоторыхъ дѣйныхъ хозяекъ, немытыя въ годъ или болѣе того».

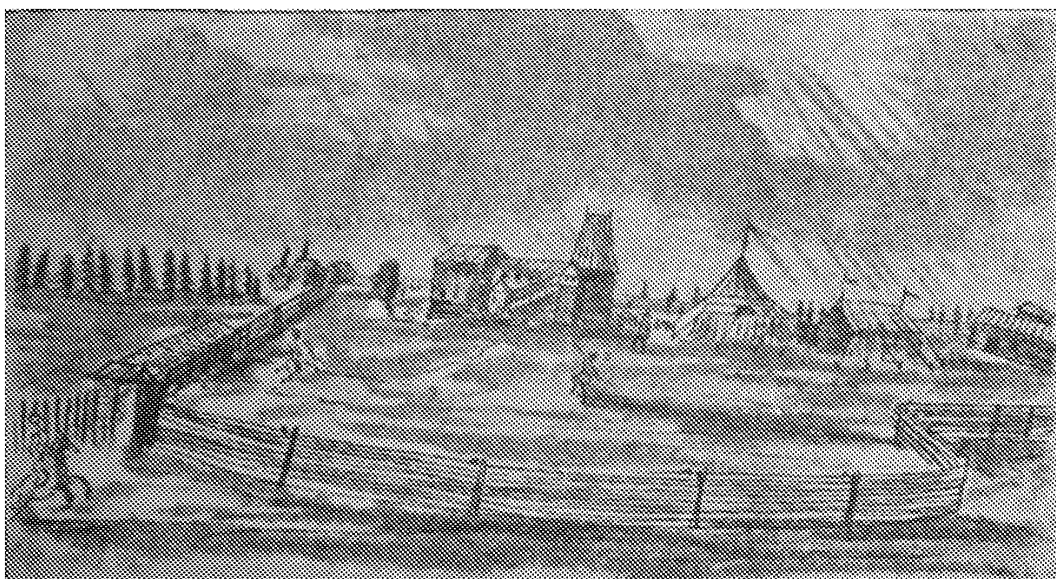
Болотовъ въ своихъ любопытныхъ «Запискахъ» рассказываетъ жизнь своихъ предковъ въ царствованіе Михаила Федоровича.⁵ На одномъ помѣщичьемъ дворѣ, въ кѣлѣхъ и избахъ, жили семьи двухъ женатыхъ братьевъ. На деревнѣ у нихъ было всего на всего два крестьянскихъ двора — одинъ пустой, а въ другомъ крестьянинъ съ двумя племянниками, — да въ двухъ меньшихъ дворахъ сидѣло по одному бо-былю. На всю помѣщичью семью приходилось пять взрослыхъ работниковъ и вполнѣ естественно, что помѣщики жили чуть ли не впроголодь, работали въ полѣ, наравнѣ со своими крестьянами.

Такъ было въ варварской Россіи XVII вѣка, послѣ эпохи Возрожденія въ Италіи и наканунѣ фееричнаго расцвѣта французскаго величія временъ Короля-Солнца!

Поразительная неурядица и отсутствіе порядка были всегда характерны для русской жизни. Въ XVII вѣкѣ, крестьяне, зачастую покидали помѣщиковъ, оставляя на произволъ судьбы все имѣніе и хозяйство. Даже богатые родовитые семьи разорялись благодаря этому и не могли совладать съ крестьянами. В. Б. Шереметевъ жаловался царю Алексѣю Михайловичу:⁶ «Нѣкто недругъ мой внесъ въ люди на Москвѣ, что будто я, холопъ твой, въ непріятельскихъ нечестивыхъ рукахъ въ Крымѣ умеръ. И слыша то, холопы мои учинились непослушны сынишку моему въ домишку его объявилось отъ холопей воровство великое... И въ деревнишкахъ хлѣбъ мой они покрали и мужиченковъ разогнали, а иныхъ мужиченковъ моихъ роздали и распродали. Изъ Нижегородскихъ моихъ деревнишекъ человекъ мой, Войка Корсаковъ многихъ мужиченковъ роздалъ дѣтямъ боярскимъ безъ записки и безъ очныхъ ставокъ, для своей корысти поймалъ у нихъ многія деньги. И на остальныхъ мужиченковъ человекъ мой, Войка, правилъ деньги, рублевъ по сороку и по пятидесяти, невѣдомо по какимъ варварскимъ запискамъ. Человекъ же мой Мишка Збосевъ... воровалъ наругался надъ крестьянами, впрягалъ въ сохи и на нихъ пахалъ, и отъ сохъ крестьяне помирали. И такова поруганья надъ крестьяны и въ нечестивой сторонѣ бусурманскаго закону и злова народу не бываетъ... Такъ жаловался Шереметевъ, одинъ изъ именитѣйшихъ помѣщиковъ! Что же тогда происходило у среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ? Они были всецѣло во власти грубой и безудержной толпы своихъ же рабовъ, которые, собираясь шайками, грабили помѣщиковъ.

«Въ августѣ мѣсяцѣ, когда убираютъ сѣно, изъ за этихъ работъ крайне опасны дороги по сю сторону Москвы милъ на 20, — рассказываетъ Адамъ Олеарій въ 1636 г.,⁷ — здѣсь у бояръ имѣются ихъ сѣнокосы и они сюда высылаютъ эту свою дворню для работы. Въ этомъ мѣстѣ имѣется гора, откуда они могутъ издали видѣть путешественниковъ, тутъ многіе ими были ограблены и даже убиты и зарыты въ песокъ. Хотя и приносились жалобы на этихъ людей, но господа ихъ, едва доставляющіе имъ, чѣмъ покрыть тѣло, смотрѣли на эти дѣла сквозь пальцы».

Понятно, что пожары и разбои уничтожали помѣщичьи дома: усадьбы сгорали черезъ каждые два три года, и гибла та незатѣйливая обстановка, которая составляла убранство сельскихъ домовъ. О вѣшнемъ видѣ этихъ

Вокрепная усадьба XVII вѣка.
(Изъ „Альбома Мейерберга“).

Maison de campagne d'un boyard russe au XVII siècle.
(Album de Meyerberg).

усадѣбъ мы можемъ судить по рисунку временъ Алексѣя Михайловича, находящемся въ извѣстномъ альбомѣ барона Мейерберга 1661 — 62 годовъ. Деревянный домъ съ покатыми крышами и узенькими окошками окруженъ простымъ деревяннымъ заборомъ. Во 2-ой этажъ ведетъ деревянная лѣсенка. Это средній типъ «boïeren Hoff»,⁸ зарисованный заѣзжимъ иностранцемъ.

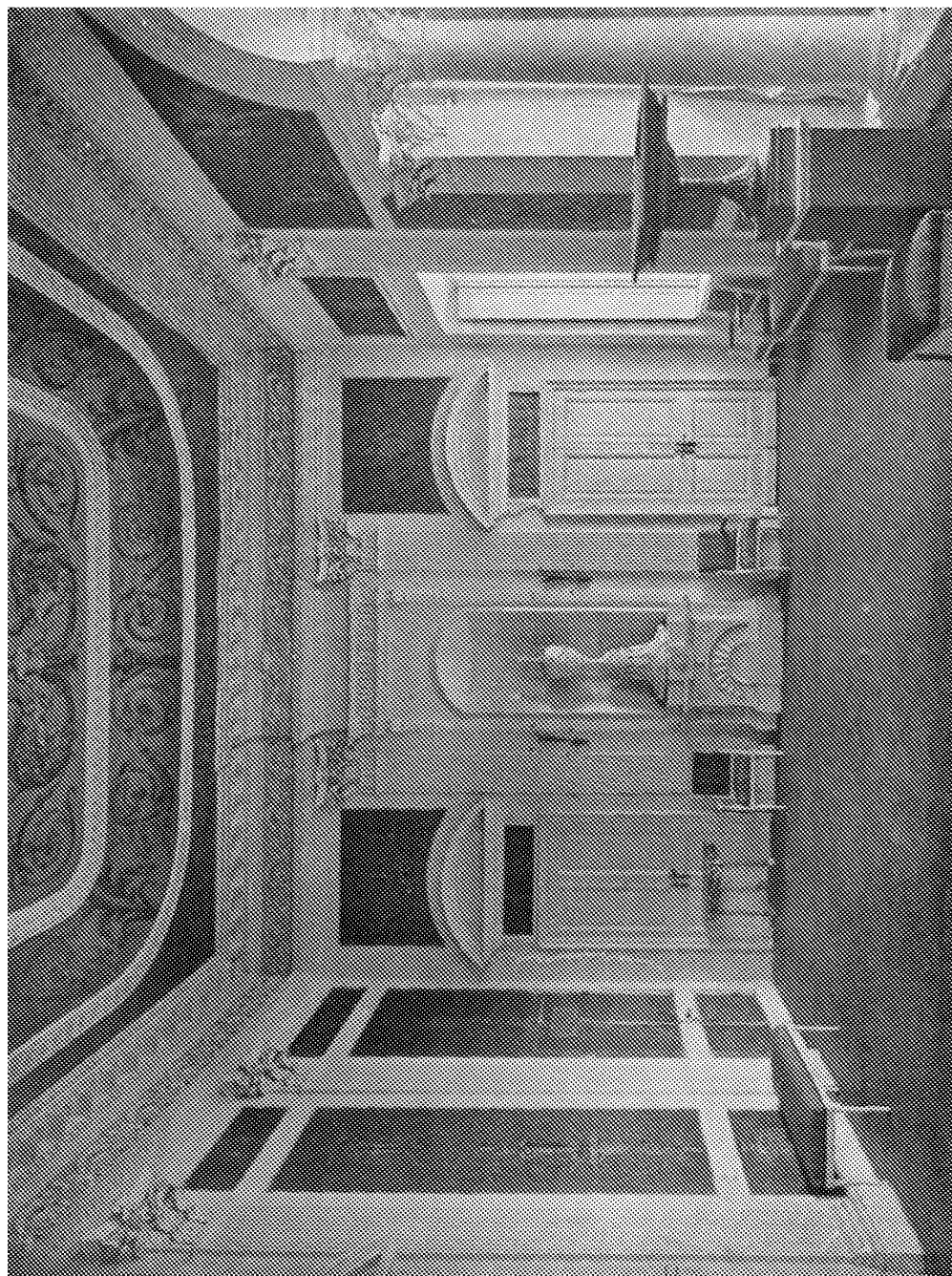
О внутреннемъ устройствѣ дворянской усадьбы въ послѣдніе годы XVII вѣка и объ ихъ бытѣ также встрѣчаются свѣдѣнія въ запискахъ иностранцевъ. Въ интереснѣйшемъ «Дневникѣ путешествія въ Московію» Іоганна Корба находятся нѣкоторыя краткія указанія о помѣщичьихъ домахъ и жизни ихъ обитателей.

Недалеко отъ Можайска находилась въ 1698 г. усадьба. «Бояринъ Ивановъ, — пишетъ Корбъ, — владѣетъ хорошо устроеннымъ помѣстьемъ; есть тамъ огородъ со многими грядами, насаженная роща съ тамъ и сямъ искусственно насыпанными горками. Довольно уютныя комнаты соблазнили насъ здѣсь пообѣдать».⁹

Въ дневникъ того же I. Корба отъ 28-го іюля 1698 года записано: 10
«Два дня тому назадъ Князь Голицынъ просилъ Господина Посла, чтобы тотъ не поставилъ себѣ въ трудъ посѣтить его помѣстье. По этой причинѣ и желая показать, что онъ высоко цѣнитъ расположеніе этого Князя, Господинъ Посолъ выѣхалъ туда на разсвѣтѣ. Помѣстье называется «Дубровицы» (Dobroviza). Оно отстоитъ отъ столицы на 30 верстъ или шесть нѣмецкихъ миль. Мы добрались до мѣста ко времени обѣда. Самъ Князь, ожидая съ Господиномъ Архіепископомъ нашего пріѣзда, осматривалъ всѣ окрестности съ колокольной церкви, роскошно выстроенной на княжескій счетъ. Церковь имѣетъ видъ короны и украшена снаружи многими каменными изваяньями, какія выдѣлываютъ италіанскіе художники. По окончаніи обѣда, приготовленнаго съ большою роскошью, мы предались пріятнымъ разговорамъ въ восхитительной бесѣдкѣ, выстроенной въ прелестнѣйшемъ саду. Бесѣда затянулась до вечера, когда вниманіе гостей привлекъ къ себѣ приготовленный намъ тамъ усердіемъ слугъ ужинъ».

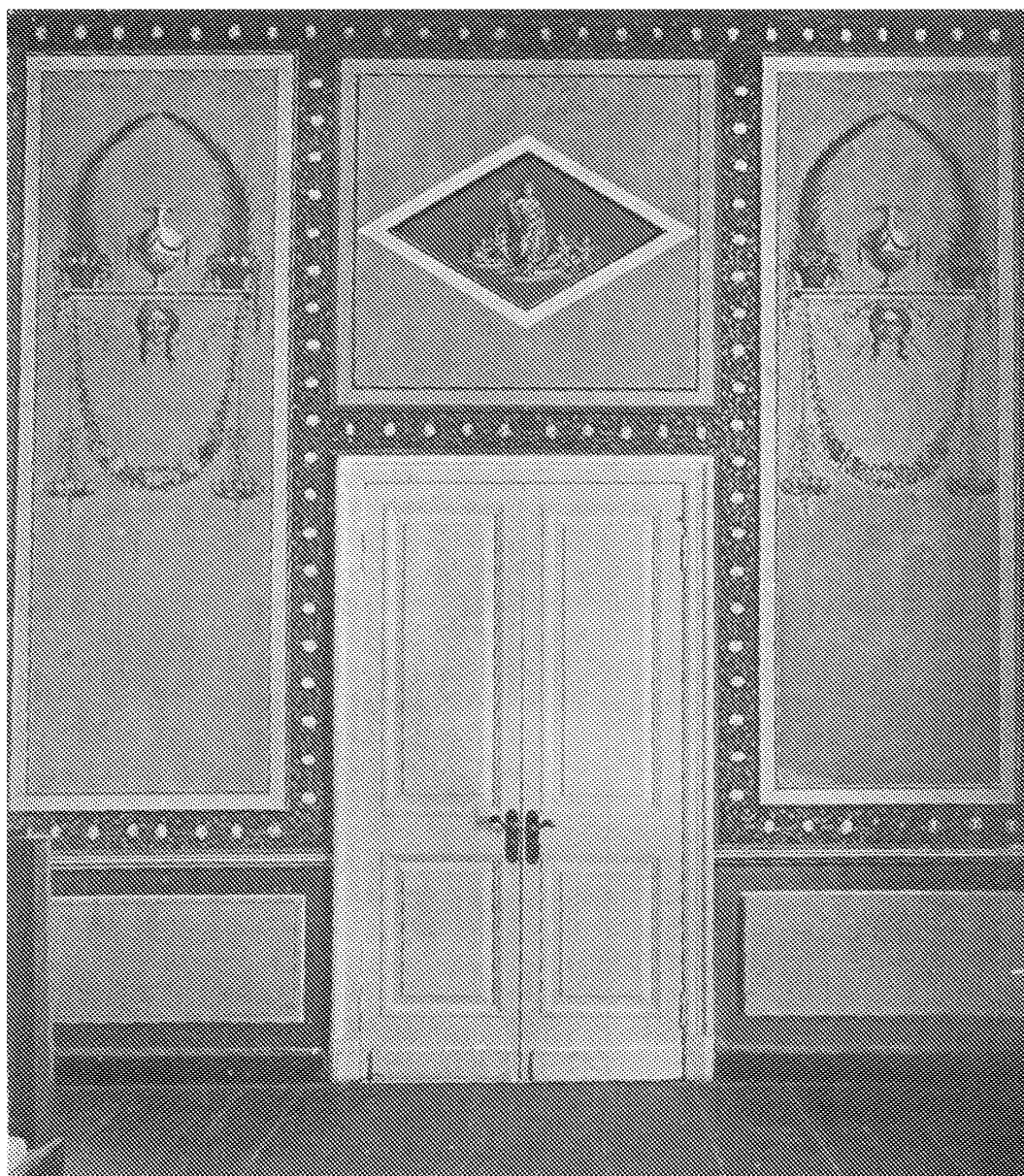
Это было уже при Петрѣ Великомъ, когда многіе бояре начали усваивать обычай и вкусы культурныхъ европейцевъ. Но все же и теперь, и еще долгіе годы, захолустная помѣщичья Россія жила по старымъ обычаямъ и въ обстановкѣ своихъ дѣдовъ. Можно смѣло сказать, что до царствованія Анны Іоанновны, т. е. до середины XVIII вѣка, русская глухая провинція и деревня почти не пзмѣнились съ конца XVII столѣтія, и сельскій бытъ средняго помѣщика былъ такимъ же, какъ въ реформенной Руси.

По запискамъ Тимофея Болотова можно нарисовать себѣ въ общихъ чертахъ обстановку домовъ у помѣщиковъ средняго достатка. «Усадьба широко раскидывалась по обѣимъ сторонамъ деревенскаго проѣзда, по одну сторону барскій дворъ, по другую овины, скирдникъ, конопляникъ и пруды. Домъ стоялъ среди двора и отдѣлялъ чистую переднюю половину отъ задняго двора. Одноэтажный, безъ фундамента, онъ вмѣщалъ очень мало жилыхъ комнатъ; огромныя, по старинному, сѣни и кладовыя занимали большую часть его. Переднія и заднія сѣни отдѣляли три жилыхъ покоя отъ двухъ холодныхъ кладовыхъ; изъ переднихъ дверь вела въ переднюю же комнату, залъ; самая большая изъ всѣхъ, эта комната была холодная, безъ топки, и въ ней никогда не жили; ея тесовые стѣны и потолокъ почернѣли и закоптились отъ времени, что при маленькихъ оконечкахъ придавало комнатѣ мрачный видъ; вдоль темныхъ стѣнъ, по старинному, тянулись узкія деревянныя лавки, а у передняго угла стоялъ длинный стычной столъ, покрытый ковромъ». «Вторая угольная комната была главнымъ, почти единственнымъ жильемъ хозяевъ; въ ней было больше оконъ и свѣту, а огромная печь изъ разноцвѣтныхъ кафлей давала много тепла. Здѣсь опять сіяло много образовъ; древній кіотъ съ мощами и неугасимой лампадой занималъ передній уголъ. Нѣсколько стульевъ и почернѣвшій комодъ одни напоминали Европу. Здѣсь же стояла и кровать». «Третья меньшая комната имѣла много назначеній; она сообщалась съ задними сѣнями, и служила одновременно дѣвичьей, лакейской и дѣтской». Вотъ и все. А если такъ жили зажиточные помѣщики, то что же дѣлалось у болѣе мелкихъ? — Ихъ жизнь и обста-

Королевский зал.

Le salon blanc.

Комната съ фресками.

Le salon aux fresques.

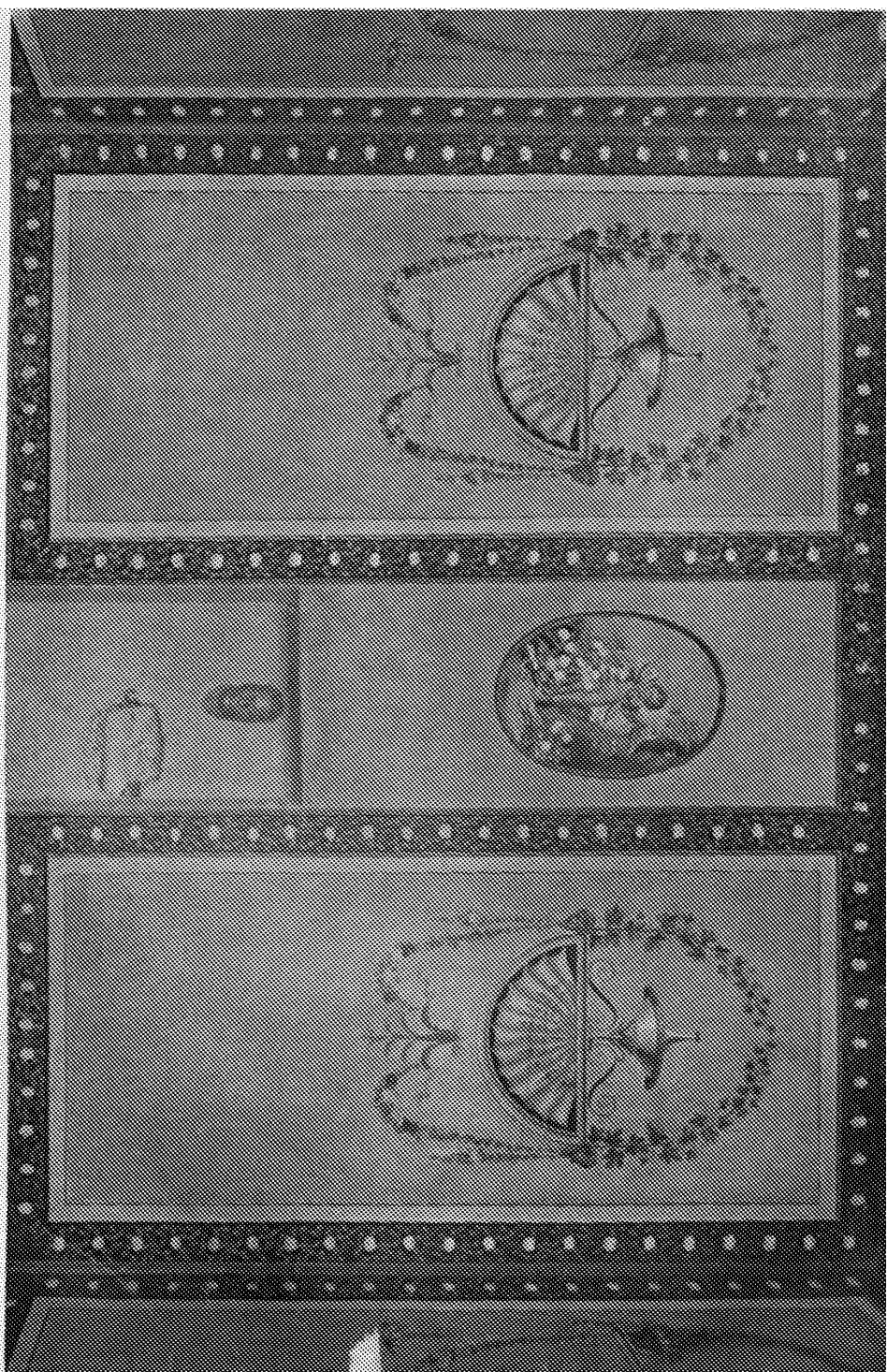
„Никольское“, подъ Москвою. Собств. илл. А. Н. Голитвиной.
 „Nikolskoïe“, près Moscou. App. à la princesse A. Galitzine.

Зеленая комната.

Le salon vert.

„Николаевское“, парк Москов. Собор, им. А. Н. Тихомиров.
„Николаевское“, парк Москов. Собор, им. А. Н. Тихомиров.

Сторона со стороны

Министерство культуры, науки и образования Республики Беларусь

See also: *Witz. Irony.*

новка были, вѣроятно, бѣдѣ и неуютѣ теперешняго жилья богатаго крестьянина.¹¹ Впрочемъ, бывали и исключенія, нѣкоторые помѣщики жили болѣе богато и даже украшали предметами роскоши свое жилье.

Въ одномъ дѣлѣ Калужскаго губернскаго архива¹² сохранилось любопытное описаніе разгрома разбойниками имѣнія помѣщика Домогадкаго. Изъ этого дѣла видно, каковъ былъ обиходъ зажиточнаго дворянина и какъ много вещей погибло въ Россіи, благодаря погромамъ и грабежамъ.

Въ списокъ вещей, награбленныхъ разбойниками у Домогадкаго, упоминаются: кружка серебряная, 12 серебряныхъ стакановъ обыкновеннаго размѣра, 3 стакана серебряныхъ съ крышками, 3 серебряныхъ солонки, 24 серебряныхъ чаши для вина, 5 золотыхъ перстней съ алмазами и яхонтами, серебряная вызолоченая чарка, 6 золотыхъ колецъ, золотыя запонки, четверо серегъ золотыхъ съ алмазами, трое серегъ золотыхъ съ яхонтами, черепаховая съ серебромъ табакерка, 8 нитокъ крупнаго жемчуга, 30 кошельковъ, шитыхъ золотомъ и длинный списокъ великолѣпныхъ одѣяній: камзоловъ и кафтановъ, шитыхъ золотомъ, перчатокъ, шубъ, шапокъ, бѣлья и кружевъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ жизнь средняго помѣщика до реформенной Руси и первой половины XVIII вѣка.

Съ водареніемъ Анны Іоанновны Россія вступила на новый путь поклоненія пышной красотѣ и торжественной роскоши. Нѣтъ словъ описать празднества, которыя давались при Дворѣ и которымъ всѣ старались слѣдовать. Тѣ же иностранцы, которые полѣзка назадъ отзывались о Россіи, какъ о странѣ варварской, называютъ ее волшебной, а праздники Царицы и ея приближенныхъ — неподражаемыми. «Великолѣпіе, введенное у Двора», пишетъ князь М. М. Щербатовъ,¹³ «понутило вельможъ, а слѣдуя имъ и другихъ, умножить свое великолѣпіе. Уже вмѣсто сдѣланныхъ изъ простаго дерева мебели стали не инныя употреблять какъ аглинскія, сдѣланныя изъ краснаго дерева мѣгагенія; дома увеличились, и вмѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству стали имѣть, яко свидѣтельствуя сие того времени построенныя зданія; начали дома сіи обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопрістойнымъ имѣть комнаты безъ обои; зеркалъ, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большія стали употреблять». Придворной модѣ слѣдовали сперва наиболѣе знатные горожане, но вскорѣ и помѣщики захотѣли перенести въ свои имѣнія ту роскошь, которой пользовались въ городѣ. Герцогъ де Лирія писалъ: «Здѣсь всѣ отъ скипетра и до посоха только и мечтаютъ о сельскихъ развлеченіяхъ».

Такова была жизнь русскихъ придворныхъ временъ Анны и Елисаветы, и провинція, какъ и всегда, съ нѣкоторымъ опозданіемъ, слѣдовала городской модѣ. Но вся первая половина XVIII вѣка осталась до сихъ поръ загадкой въ исторіи русскихъ помѣщичьихъ усадебъ. До насъ не дошло дѣликомъ сохранившихся деревенскихъ домовъ этой эпохи; можно полагать, что внѣшняя роскошь, привитая Анной, главнымъ образомъ касалась горожанъ и «опозданіе», съ какимъ слѣдовала за ними деревня, надо считать десятками лѣтъ. Часто очень родовитые

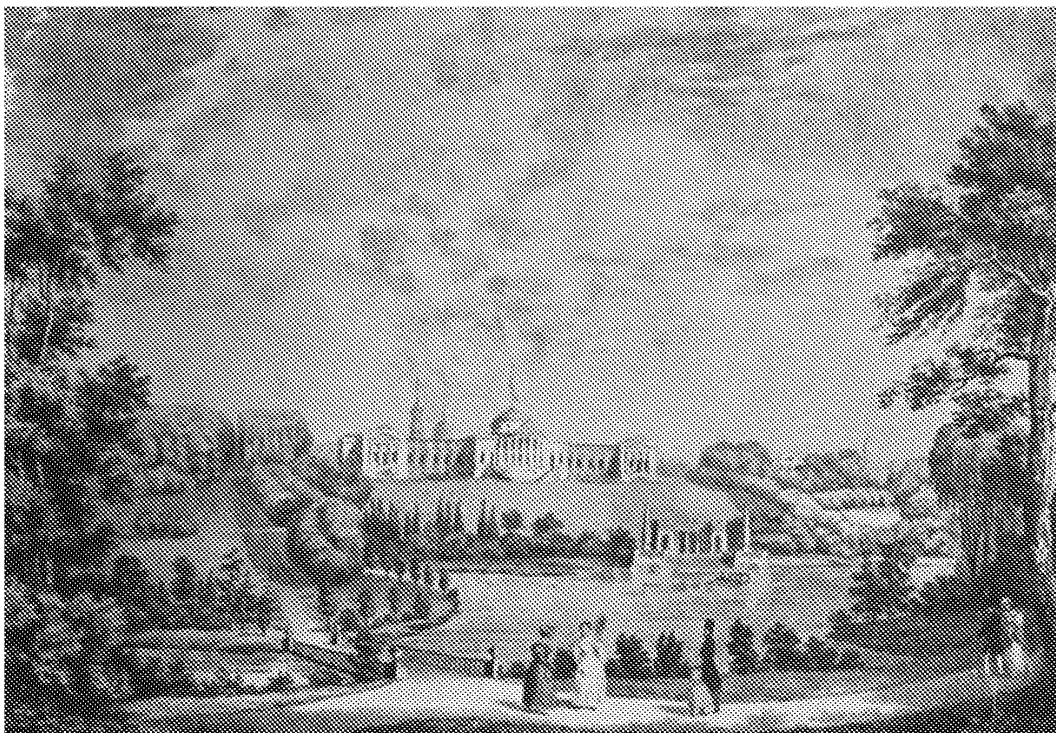
и знатные люди жили безъ удобствъ. Когда князю Бѣлосельскому досталось имѣніе Кіасовка, Тульской губ., отъ отца жены его, урожденной Наумовой, то «онъ не могъ довольно удивится старику господину Наумову, которому сія волость прежде принадлежала, и село сіе было настоящимъ его жилищемъ, какъ онъ могъ сгородить такой вздорной и глупой для себя домъ, и какъ могъ жить и располагаться въ ономъ. Нище всего дивились мы тому, что во всемъ верхнемъ и лучшемъ этажѣ не было ни одной печи». ¹⁴ Вигель разсказываетъ о жизни пензенскихъ помѣщиковъ 1760 годовъ. ¹⁵

«Чтобы судить о неприхотливости тогдашняго образа жизни дворянъ, надобно знать, что ни у одного изъ нихъ не было фанисовой посуды, у всѣхъ подавали глиняную, муравленую, за то чистѣйшую, хотя нѣсколько достаточный, не сажали за столъ безъ двадцати четырехъ блюдъ, похлебокъ, студней, взваровъ, пирожныхъ. У одного только Михаила Ильича Мартынова, владѣльца тысячи душъ, болѣе другихъ гостепріимнаго и роскошнаго, было съ подюжины серебряныхъ ложекъ; ихъ клали передъ почетными гостями, а другіе должны были довольствоваться оловянными. Многочисленная дворня, псарня и конюшня, поглощали тогда всѣ доходы съ господскихъ имѣній».

Болотовъ — человѣкъ по своему времени культурный — сообщаетъ столь паничныя свѣдѣнія объ убранствѣ домовъ, что весьма вѣроятно и другіе помѣщики жили такъ же какъ и онъ невзыскательно и просто. Въ его дневникѣ подъ 1773 г. записано: ¹⁶ «Теперь надобно мнѣ одну учиненную около сего времени выдумку сообщить. Печь въ моемъ кабинетѣ была кирпичная и складенная фигурно и довольно хорошо. Я сначала бѣлялъ ее все мѣломъ на молокѣ и по немъ расписывалъ сперва краснымъ сандаломъ, раковинами и картунами, но какъ она замаралась, то выбѣлили ее около сего времени вновь и мнѣ издумалось расписать ее разными красками и разбросанными по всей печи цвѣточками. Чрезъ сіе получила она еще лучший видъ; а въ сіе время издумалось мнѣ положить ее зубомъ, и я увидѣлъ, что симъ средствомъ можно и на всю ее навести лоскъ и придать ей тѣмъ красы еще болѣе. Она стала какъ фарфоровая и такъ хороша, что не уступала почти кафеленной. Краски распускалъ я на обыкновенной камедной водѣ».

Весьма вѣроятно, что и «камедная вода» и «зубъ» были придуманы Болотовымъ очень удачно и его печи были дѣйствительно хороши, но во всякомъ случаѣ эти «открытія» свидѣтельствуютъ, какъ сравнительно низки были требованія помѣщика средней руки даже въ началѣ царствованія Екатерины.

Стиль дворянскихъ усадебъ, какъ вполне ясное понятіе, можетъ быть разсматриваемъ лишь со второй половины XVIII столѣтія, такъ какъ только съ этого времени дошли до насъ цѣликомъ сохранившіеся помѣщичьи дома. Я не говорю объ отдѣльныхъ садовыхъ павильонахъ, маленькихъ охотничьихъ домикахъ или даже архитектурныхъ болѣе крупныхъ постройкахъ. Для характеристики обитателей домовъ и ихъ вкусовъ часто важнѣе мелкіе предметы убранства комнатъ, бездѣлушки, мебель, словомъ все то, что составляетъ такую живую рамку домашняго обихода, что говорить не о наружной официальной жизни, а объ

„Ахтырка“ князя И. Н. Трубецкого (Моск. губ.).
Съ литографіи изъ собр. кн. В. Н. Аргутинскаго-
Долгорукаго.

„Akhtyrka“ du pr. I. Troubetzkoï (près Moscou).
D'après une lithographie app. au pr. W. Argou-
tinsky-Dolgoroukoff.

интимномъ существованіи. Но и внѣшняя парадная сторона — остовы и фасады домовъ — интересный матеріалъ для исторіи строительства въ Россіи. Первые крупные дворцы-усадьбы были воздвигнуты заѣзжими иностранцами, такъ какъ они больше русскихъ архитекторовъ строили въ городахъ и естественно получали и заказы отъ богатыхъ вельможъ, желающихъ имѣть дворцы среди сельской природы.

Можно навѣрное сказать, что Растрелли — сынъ, обстроившій полъ Россіи, долженъ былъ имѣть заказы и отъ русскихъ помѣщиковъ, хотя большинство теперь приписываемыхъ ему въ имѣніяхъ построекъ не имѣютъ рѣшительно ничего общаго не только съ нимъ, но даже съ его школой.

Впрочемъ, весьма вѣроятно, что маленькій охотничій домикъ Елисаветино, находящійся по Балтійской дорогѣ недалеко отъ Петербурга и нынѣ принадлежащій В. Н. Охотникову, дѣйствительно построенъ авторомъ Смольнаго, Пажескаго корпуса и Зимняго дворца. Но даже и этотъ очаровательный, архитектурный капризъ частично измѣненъ и, будучи совершенно переделанъ внутри, очевидно не можетъ считаться «елисаветинской усадьбой». Отъ построекъ иностранцевъ второй половины XVIII столѣтія сохранилось больше достоверныхъ свѣдѣній. Известно, что Ринальди строилъ Батурино (1755 г.) для гр. К. Г. Разумовскаго,¹⁷ де ла Мотъ — Почепъ,¹⁸ Фельтенъ — дворецъ Чесменскій¹⁹ (1780 г.), Вальи (1788 г.) — Кусково,²⁰ Кваренги — Степановское,²¹ Ляличи,²² Останкино,²³ усадьбу М. П. Миклашевскаго въ его черниговскомъ имѣніи,²⁴ дачу кн. Гагарина,²⁵ Менеласъ — Яготинъ.²⁶ Къ сожалѣнію, большинство этихъ имѣній погибло, а то

что сохранилось частью измѣнено. Однако, почти во всѣхъ помѣщичьихъ усадьбахъ замѣчаются явныя черты исполнѣ опредѣленныхъ вкусовъ ихъ обитателей. Вся вторая половина XVIII вѣка и все царствованіе Александра I были господствомъ стиля Имперіи и тогда всѣ дома не только въ городахъ, но и въ имѣніяхъ строились въ этомъ типѣ. При этомъ далеко не всегда русскіе самодуры считали нужнымъ обращаться къ опытнымъ архитекторамъ за совѣтомъ. Часто дома строили сами помѣщики, безъ помощи архитектора, «какъ придется». Вигель разсказываетъ, что его отецъ былъ одержимъ маніей строительства и, не имѣя никакихъ познаній по архитектурѣ, самъ строилъ у себя и церковь и домъ.²⁷

Въ книгѣ «Начертаніе художествъ», изданной въ 1808 г., помѣщенъ любопытный анекдотъ, характеризующій отношеніе помѣщиковъ къ архитектурнымъ постройкамъ въ ихъ имѣніяхъ:²⁸

«Однѣя русскій художникъ чертилъ планъ зданію для зажиточнаго помѣщика, и нѣсколько разъ перечерчивалъ; ибо помѣщикъ находилъ тутъ худой видъ кровли, тамъ столбцы не хороши. — Да позвольте васъ спросить, говоритъ зодчій, какого чина или ордена угодно вамъ строеніе? — Разумѣется, братецъ, отвѣтствуетъ помѣщикъ, что моего чина штабскаго, а объ орденѣ мы еще подождемъ, я его не имѣю. Тутъ то зодчій увидѣлъ, что имѣетъ дѣло съ невѣждою упрямую и тщеславною». Этотъ разсказъ, приведенный, какъ анекдотъ, въ сущности исполнѣ правдоподобенъ. Вѣдь построилъ же помѣщикъ Дурасовъ свой подмосковный домъ Люблино въ видѣ ордена св. Анны и со статуей этой святой на крышѣ — въ память полученія имъ давно желасмаго отличія. И что всего курьезнѣе — домъ вышелъ совсѣмъ красивый и до сихъ поръ является однимъ изъ милыхъ подмосковныхъ памятниковъ не только русскаго чудачества, но и вкуса.

Параллельно съ увлеченіемъ строгими формами классицизма, такъ оригинально и, въ то же время, хорошо идущимъ къ русской природѣ, въ послѣдней четверти XVIII вѣка стали возводиться во множествѣ постройки болѣе «экзотическаго» характера, такъ какъ все, что шло въ разрѣзъ съ прямыми линіями емпіе казалось тогда замысловатымъ, причудливымъ и сказочнымъ. Въ типѣ «готики Louis XVI», если можно такъ выразиться, построена Чесма (1780 г.) Орловымъ, Вишенки (1769 г.) — Румянцевымъ,²⁹ Островки Потемкинымъ. Въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія, при увлеченіи романтизмомъ, множество помѣщичьихъ усадебъ были также построены въ такъ называемомъ «рыцарскомъ стилѣ», «на подобіе замковъ феодальныхъ», но все же русское дворянское гнѣздо всегда мерещится намъ античнымъ зданіемъ съ рядомъ бѣлыхъ колоннъ, греческимъ храмомъ въ саду и тѣмъ же языческимъ храмомъ представляется намъ захолустная помѣщичья церковь въ старыхъ имѣніяхъ. И, какъ ни странно, но этотъ, прежде чуждый намъ стиль, привился и сроднился съ реформированной Россіей ближе и дружнѣе, чѣмъ «боярскіе хоромы», которые умерли со смертію Алексѣя Михайловича. И вся древняя Русь манитъ и влечетъ насъ только какъ красивая и причудливая загадочная сказка, которая когда то снилась на яву.

Въ стилѣ домовъ разбивались и сады помѣщичьихъ усадебъ. Георги пишетъ: «Всѣ большіе сады имѣютъ знатный лѣсъ, древнѣйшіе въ Голландскомъ вкусѣ, съ прямыми, частію покрытыми дорожками аллеями и новѣйшіе по Англическому расположенію, съ извивающимися дорожками въ лѣсу и кустарникѣ, съ каналами, островами и пр. Большее число оныхъ имѣютъ подлѣ увеселительныхъ лѣсковъ, также открытые увеселительные, великолѣпные, и частію плодоносные сады, иные съ оранжереями, и пр.»³⁰ Въ царствованіе Елисаветы въ пригородныхъ дачахъ графини Бестужевой³⁰ и барона Вольфа³¹ проводились аллеи и стриглись деревья еще по традиціямъ Ленотра, потомъ появились прихотливые напризы Надеждина «бриллиантоваго князя», потомъ уютныя и самодурныя безсистемныя помѣщичьи затѣи...

Любовь къ землѣ, къ саду, къ деревьямъ, — ко всей природѣ была всегда сильна у русскаго человѣка. Лѣнивые помѣщики нѣкогда не лѣнились, когда дѣло доходило до садовъ, и всѣ приказанія, сохранившіяся въ «домовыхъ конторахъ», показываютъ какъ Румянцевъ, Разумовскіе, Шереметевы и даже бездушный Аракчеевъ любили, холили, берегли природу и заботились о своихъ садахъ. Въ 1816 году Александръ Босиковъ перевелъ «Книгу о садахъ» Делиля и дополнилъ ее описаніемъ русскихъ парковъ:³²

Примѣръ Двора священъ вельможамъ, богачамъ;
Во всѣхъ родилась страсть изысканъ къ садамъ:
Въ Архангельскомъ сады, чертоги и аллеи,
Какъ бы твореніе могущей нѣкой Феи,
За диво бы почли и въ Англіи самой
Село Кусково, гдѣ Бояринъ жилъ большой,
Любившій Русское старинно-хлѣбосольство,
Народны праздники и по трудахъ спокойство.
Люблино милое, гдѣ легкой, свѣтлый домъ
Любуется собой надъ серебрянымъ прудомъ.
Нескучное, отколь съ чертогами, съ церквами
Великая Москва лежитъ передъ глазами
Съ Кремлемъ, возвышеннымъ во образѣ вѣнца;
Предъ взорами Москва — и нѣтъ Москвы конца.
О Муза! Зрѣлицемъ роскошнымъ утомлены,
Въ деревню поспѣвшимъ подъ кровъ уединенный,
Туда, гдѣ Лопухинъ съ Природой жизнь ведетъ,
Древъ тѣнью Савинскихъ укрывшись отъ заботъ;
Не знаешь, въ садъ его вошедъ, чему дивиться;
Сюда манитъ лѣсокъ, туда пріятный лугъ;
Тутъ воды обошли роскошныя вокругъ;
Тамъ Юнгъ и Фенелонъ, въ дали кресты, кладбище
Напоминаютъ намъ и вѣчное жилище
И узы жизни сей; умѣютъ научать,
Не разрывая ихъ, помалу ослаблять.
Здѣсь памятникъ Гюёнгъ, селъ жены почтенной,
Христовой ратницы святой и изступленной,
Которая, сложа грѣховной плоти прахъ,
До смерти, кажется, жила на небесахъ,
Которая славна и у враговъ закона
Примѣрной жизнію и дружбой Фенелона».

УБРАНСТВО КОМНАТЪ И ЛЮБИМЫЕ ПРЕДМЕТЫ.

Отъ прежнихъ домовъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ до сихъ поръ вѣетъ теплымъ уютомъ и благодушіемъ. Высокія колонны залы въ два свѣта, привѣтливыя «диванныя», помѣщичьи кабинеты съ коллекціями древняго оружія и безконечнымъ рядомъ трубокъ, низенькія приземистыя антресоли «для дѣтей» и гувернеровъ, тѣсныя людскія и обширныя псарни, все это, жившее еще наканунѣ, теперь кажется далекимъ міромъ какой то совсѣмъ другой страны. Кажутся стародавними бисерныя вышивки терпѣливыхъ бабушекъ или крѣпостныхъ дѣвокъ, диваны и ширмы съ турками въ чалмахъ, костяныя чесалки отъ блохъ, «блошницы», часы, играющіе «Коль славенъ». И часто въ теплыхъ, какъ то особенно мило хлѣбомъ и вареньемъ пахнущихъ, старыхъ комнатахъ намъ мнится все это дорогимъ и вновь желаннымъ. Трудно порой разобраться въ томъ, что подлинно красиваго, «вѣчнаго» въ этомъ ушедшемъ бытѣ, что только хорошо, потому что безвозвратно ушло.

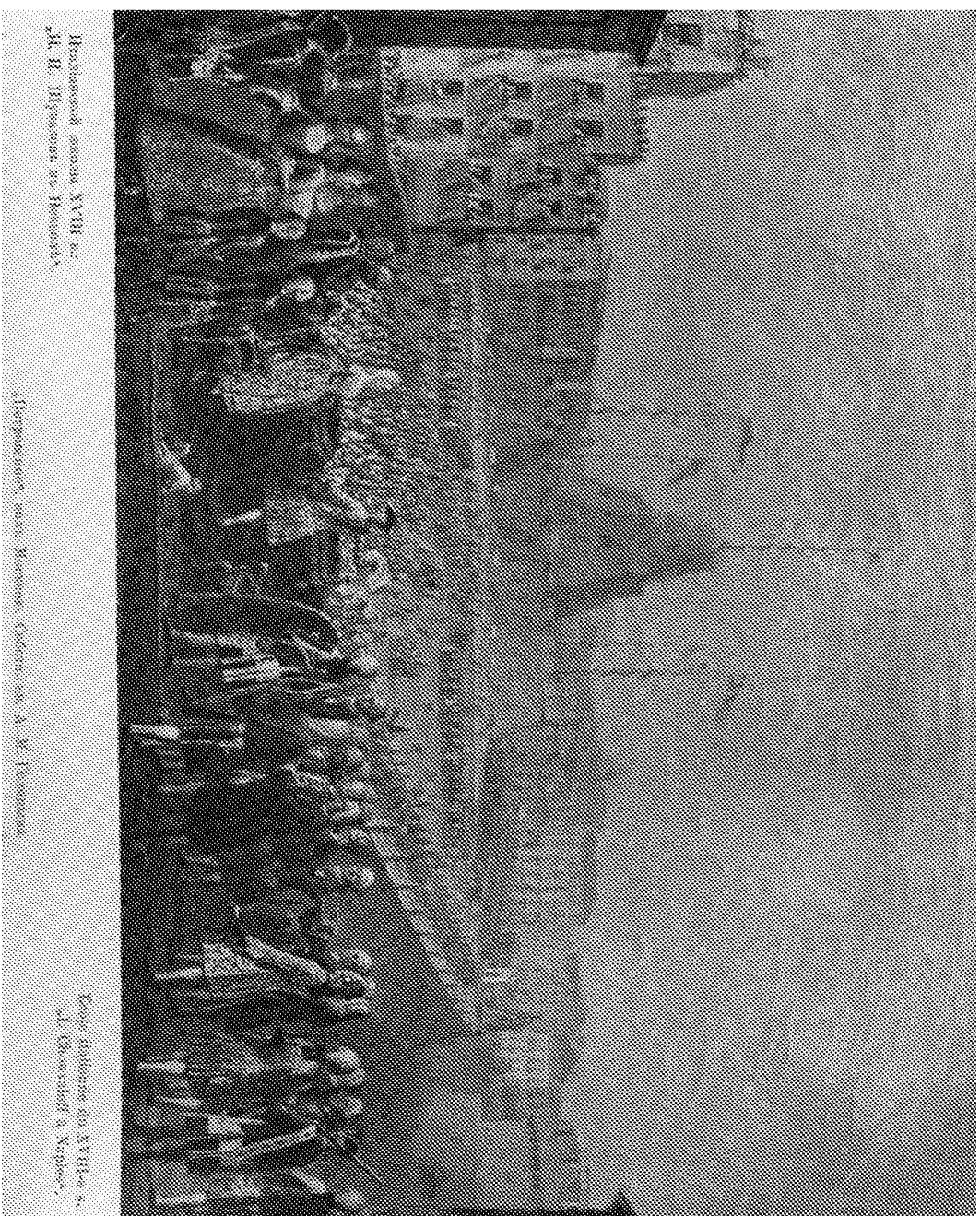
Трудно понять и высказаться, есть ли хоть частица искусства въ криволидыхъ портретахъ бригадировъ, глядящихъ изъ облупившихся рамъ, въ пестрой живописи букетовъ, намалеванныхъ крѣпостнымъ самоучкой... Но во всемъ этомъ миломъ хламѣ, дорогомъ намъ воспоминаніями дѣтства и курьезами своей неповторяемости, несомнѣнно есть своя особая, интимная поэзія, та теплота «Дворянскаго гнѣзда», что такъ совершенно вылилась во всемъ творествѣ послѣдняго «писателя-помѣщика» Тургенева. И какъ ни любить и ни желать воскресить эту наивную безыскусственность прежней жизни — все же никогда больше она не вернется въ Россію. Эпоха дѣтской, почти смѣшной вѣры «въ серьезъ» во все то, что теперь кажется намъ ребяческой забавой — вотъ что таила эта помѣщичья жизнь «въ комнатахъ». И потому теперь всякій даже мелкій предметъ этого безвозвратно ушедшаго времени является для насъ не простой курьезной забавой «любителей рѣдкостей», но драго-

Часы эрменъ. Имперія.

Pendule empire.

„Петровское“, нѣтъ Москвы. Собств. на. А. М. Гуманна.
„Petrovskian“, près Moscou. App. au pr. A. Galitzine.

Исторический снимок XVIII в.
Ж. П. Ипполита из Мюнхена.

„Портрет“ или Картина Огюста де А. М. Леонарда.

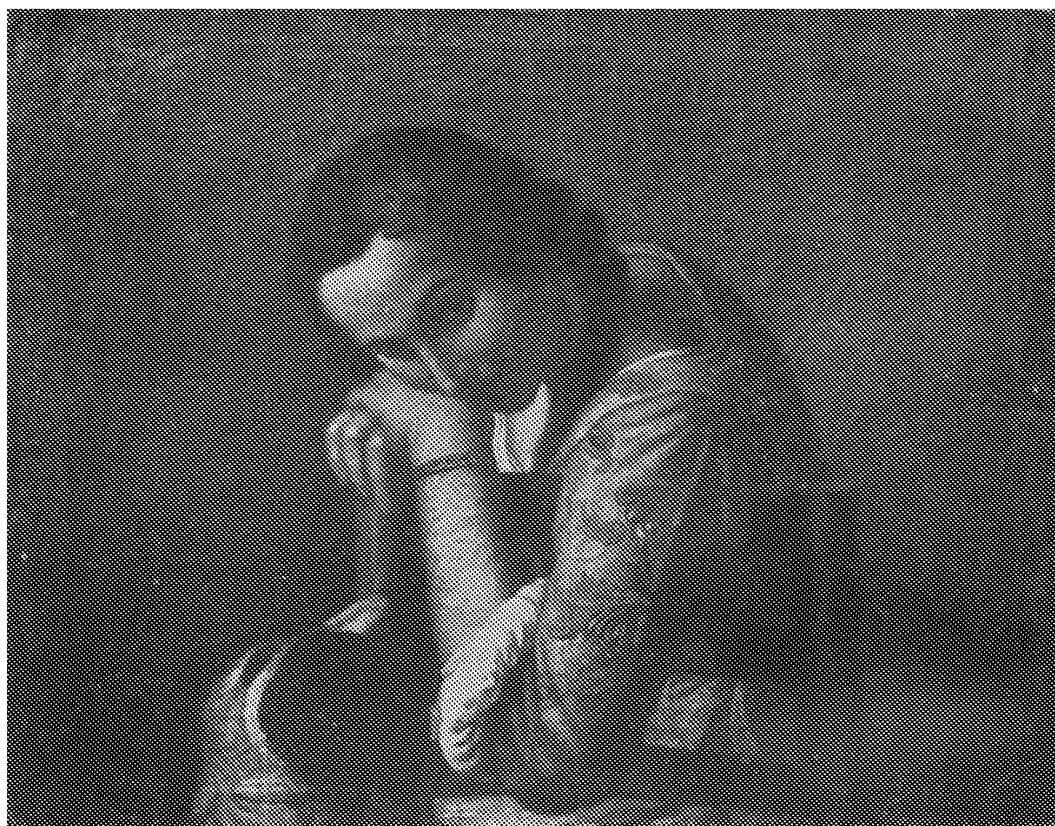
Еще история из XVIII в.
Л. Огюст де А. М. Леонарда.

И. Иванов. «Борьба».

«Нерепетов», near Moscow. Copy. in. A. M. Garmash.
«Petersburg», near Moscow. App. in pr. A. Gailitsin.

Владимир Паламаров: «Отец и дед».

Гр. Н. Даргомыжский. «Абаймен өз еңбегі».

Гр. П. Ротарь. «Жуноу еиле өзүн едиле».

«Бергенде», нәтижесинде. Гр. А. М. Голубина.
«Петровское», пәтә. Босон. Апп. ан пе. А. Галкина.

Комодъ съ медальономъ уроджудъ.

Commode avec médaillon wedgwood.

„Никольское“, нѣдѣ Москвою. Собств. кн. А. Н. Голицыной.
„Nikolskoïé“, près Moscou. App. à la princesse A. Galitzine.

Венецианской школы XVII века:
„Мужской портрет“.

École vénitienne du XVII siècle:
„Portrait d'homme“.

„Евangelismo“, near Дерогбурга. Codex B. H. Oxoniensis.
„Elisavetino“, près St.-Petersbourg. App. à M. W. Okhotnikov.

А. Бродяга: „Курьенка“.

А. Бродяга: „Le Téméraire“.

„Lancaster“, м.м. Деревянный, Собор. Б. Б. Островская.
 „Elisavetino“, près St-Petersbourg. App. à M. W. Okhotnikov.

Д. Рашетты: Молодая девушка (мрамор).

D. Rachette: Jenne fille priant.

„Козанское“, Киевской губ. Собств. кн. М. А. Куракина.

„Cosatzkoé“, près Kiell. App. au pr. M. Kourakine.

дѣиной реликвиѣй старыхъ завѣтовъ, какимъ то талисманомъ, о которомъ мы еще грезимъ по дѣтскимъ воспоминаніямъ. И если выѣстѣ съ этой интимной поэзіей въ помѣщичьей жизни прошлаго встрѣчаются созданія подлиннаго искусства, то тѣмъ болѣе вдвойнѣ дороги и пужны они намъ. А слѣды высокой культуры екатерининскаго вѣка и «дней alexandrovыхъ прекраснаго начала» все еще сохранились, несмотря на страшную разруху помѣщичьихъ усадебъ. То въ видѣ цѣлыхъ архитектурныхъ построекъ комнатъ, то въ живописно-декоративныхъ украшенияхъ, то въ старинныхъ картинахъ иностранныхъ и русскихъ мастеровъ, въ бронзѣ, мебели и фарфорѣ сказывается изысканный вкусъ и толковое пониманіе красоты, которое въ Россіи было еще сравнительно такъ недавно. Это пониманіе высказалось во первыхъ въ томъ, что заказано специально для украшенія стѣнъ. Я говорю о фресковыхъ узорахъ на потолкахъ и стѣнахъ, о живописной росписи комнатъ. Иногда это пейзажные виды холмовъ, лѣсовъ и рѣчекъ, иногда узорные «а ля грекъ», иногда веселые амурѣ или барельефы en grisaille. Превосходные фрески-пейзажи сохранились въ домѣ купца Прохорова въ Полотняномъ Заводѣ; быть можетъ онѣ сдѣланы тѣмъ же искуснымъ живописцемъ, что распясалъ въ Калугѣ стѣны дома Кологривова.

Очаровательна роспись кисти отличнаго мастера въ Никольскомъ, Московской губерніи; особенно хороша она въ старомъ домѣ екатерининскаго времени, въ комнатѣ, гдѣ орнаментъ на золотомъ фонѣ. Чудесно написаны «сѣрое съ бѣлымъ» барельефы въ стилѣ empire въ подмосковной Люблино, прекрасенъ плафонъ Скотти³³ въ томъ же домѣ.

И не говорю уже о великолѣпныхъ, вполнѣ европейскаго уровня, росписяхъ такихъ загородныхъ дворцовъ, какъ Ляличи, Кусково, о тѣхъ исключительно интересныхъ фрескахъ, что прекрасно сохранились въ Мѣдномъ подѣ Петербургомъ, въ бывшемъ домѣ Саввы Яковлева. Часть (увы, ничтожная!) росписи видна и въ руинахъ Гореноекъ, бывшемъ имѣніи Разумовскаго подѣ Москвой. Но это только жалкіе остатки, тамъ и сямъ проглядывающіе на обветшалыхъ стѣнахъ разваливагося гиганта-дворца, дворца, превращеннаго въ фабрику и потомъ опустѣлаго, съ выбитыми окнами, штукатуркой, облупившейся со стѣнъ, съ дрожащими ступенями распатанныхъ лѣстницъ...

Въ старыхъ усадьбахъ красивы были печи: то бѣлыя, кафельныя съ рельефными фигурами и орнаментами, то росписныя вазами Louis XVI или гирляндами и цвѣтами — синими по бѣлому фону.

Отличныя печи сохранились еще во многихъ усадьбахъ Калужской губерніи — въ Полотняномъ Заводѣ, въ Сивцевѣ (Е. В. Миллеръ), въ подмосковной Голицыныхъ, Петровскомъ. Мебель, которою обставлены комнаты русскихъ усадебъ, въ общемъ довольно однообразна по стилю. Это почти всегда мебель empire, рѣже Людовика XVI и еще рѣже болѣе ранней эпохи. Но за то превосходно и какъ нигдѣ разработаны эти формы empire'a, — безконечные варианты греческихъ орнаментовъ. Иногда попадаются болѣе ранніе предметы: италянскіе кессоны XVII столѣтія въ Богородицѣ, Тульской губерніи, и отличный голландскій шкафъ съ инкрустированной фигурой Петра Ве-

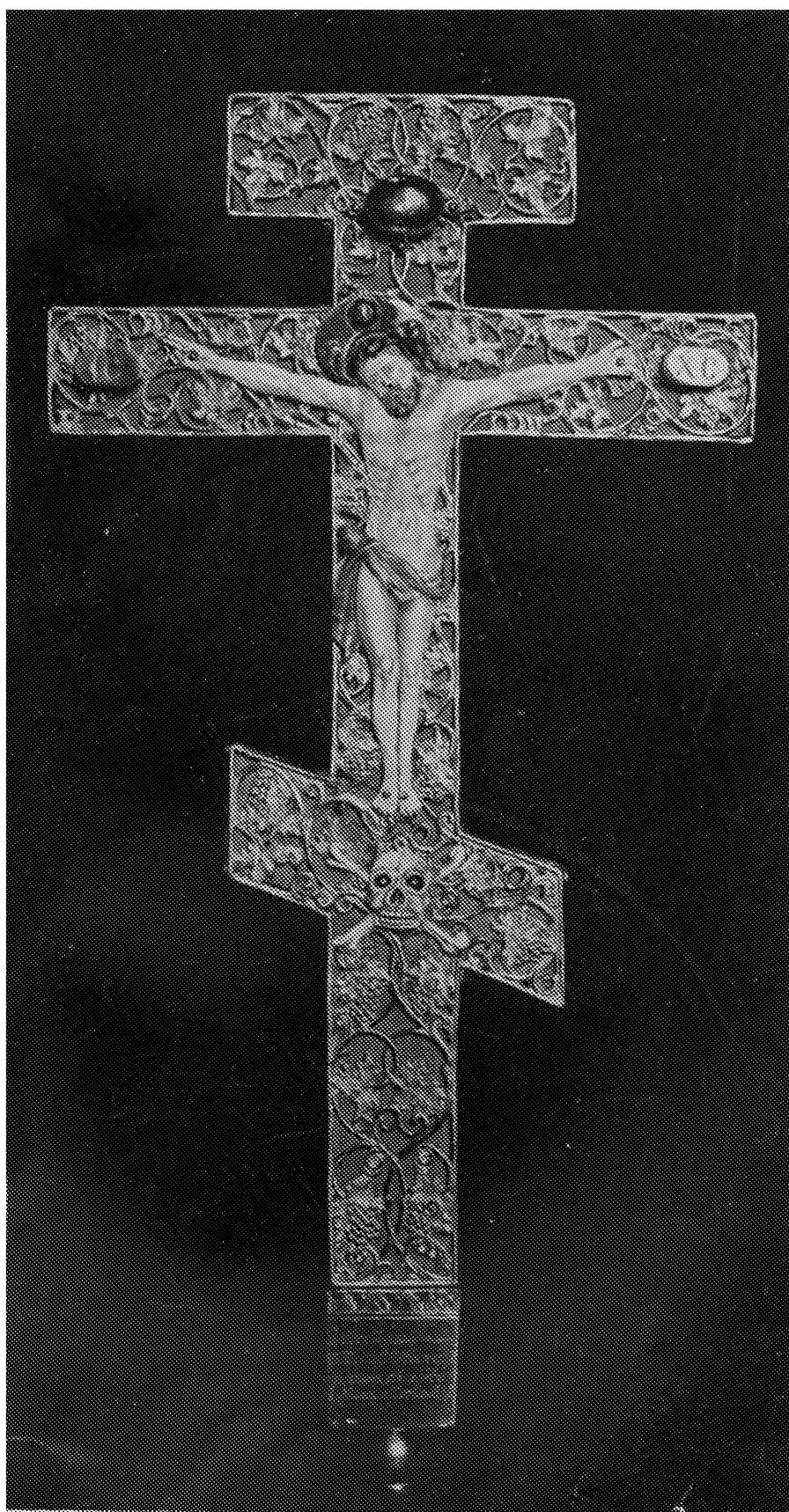
ликаго — тамъ же; хорошіе шкафы и диванъ въ Рябовѣ подѣ Петербургомъ, прелестное бюро Louis XV въ Елисаветинѣ В. Н. Охотникова, два чудныхъ шкафа съ медальонами уѣдждудъ въ Никольскомъ, Московской губерніи, петровскіе стулья въ Полотняномъ Заводѣ и въ Богородицкѣ, красивыя золоченныя зеркала въ Ясной Полянѣ, доставшіяся гр. Льву Николаевичу отъ Волконскихъ. Бронзы и фарфора еще меньше, если не считать дивныхъ вещей въ подмосковныхъ Шереметевыхъ и въ Архангельскомъ, превосходныхъ часовъ въ голицынскомъ Петровскомъ, фарфора Саксъ въ Богородицкѣ. Но это все рѣдкіе предметы; большинство помѣщиковъ или увезли лучшія вещи въ городъ или, что чаще, продали ихъ заѣзжимъ скупщикамъ. Множество вещей просто погибло: передѣлано «на новый стиль», изломано и даже, какъ ни дико сказать — сожжено. Одна пожилая помѣщица Калужской губерніи рассказывала мнѣ, какъ въ молодости, лѣтъ 40 назадъ, ею было получено въ наслѣдство старинное имѣніе, биткомъ набитое мебелью. Но «старая» обстановка не нравилась новой владѣлицѣ, которая хотѣла имѣть ее болѣе «модную». Таковая была заказана въ сосѣднемъ городѣ и привезена. Но такъ какъ помѣщичій домъ былъ не великъ, то не знали куда дѣвать старую мебель. Домъ отъ желѣзной дороги находился въ разстояніи 60 верстъ и нашли что такъ далеко везти для продажи «рухлядь» не стоитъ. Ее просто сожгли, устроивъ огромный костеръ, гдѣ долго горѣли и не хотѣли сгорать старинные диваны, столы, стулья, шкафы, бюро и ширмы...

Картинъ въ русскихъ усадьбахъ теперь также сравнительно мало. Отъ старыхъ временъ до-петровскаго времени, естественно, что ничего не осталось; во первыхъ пожары, сѣдѣвшіе всѣ усадьбы, во вторыхъ то странное отношеніе, которое было ко всему достойно предковъ.

На предметы искусства въ Россіи было всегда какое то непонятное гоненіе. Разрушали все что могли и просто изъ любви къ разрушенію, свойственной русскимъ и по принципу. Даже иконы — священные реликвіи, — дивныя, вдохновенныя, экстазные лики Бога и Его святыхъ яростно уничтожались русскими. «Когда ихъ иконы становятся старыми», говоритъ Адамъ Олеарій:³⁴ «такъ что молъ ихъ поѣдаетъ (sic!), они ихъ или опускаютъ въ текущую воду, давая имъ плыть, куда имъ угодно, или же на кладбищѣ или въ древесномъ саду закапываютъ ихъ глубоко въ землю».

Можно себѣ представить сколько иконныхъ картинъ погибло такимъ образомъ въ Россіи. Сколько скрыто на днѣ бѣгущихъ рѣкъ или въ сѣни покосившихся крестовъ кладбищъ прекрасныхъ «русскихъ примитивовъ»! Вотъ почему даже въ старинныхъ помѣщичьихъ гнѣздахъ, даже у удѣльшихъ старыхъ семей сравнительно мало иконъ древнѣйшаго времени.

Что же касается до картинъ европейскихъ школъ, мода на которыя пошла со временъ Петра Великаго, то такого рода собранія зачастую составлялись безъ всякихъ знаній и случайно. Самодуры-помѣщики, зараженные примѣромъ Двора и близкихъ къ нему лицъ, покупали безъ разбора по совѣту ловкихъ комиссіонеровъ иностранцевъ, часто оптомъ, цѣлыя галереи. Конечно были знатоки, подобные И. И. Шувалову, гр. А. С. Строганову, А. Н. Оленину, А. Р. Томилову, собрав-

Нарочетский крест. XVII век (enamel).

Crucifix en émail (XVII siècle).

„Петровское“, near Moscow. Собор, и. А. М. Голыгина.
„Petrovskoe“, près Moscou. App. au pr. A. Galitzine.

Часы „Гиле Пайнэ à Paris“ (XVIII вѣкъ).

Pendule „Gille l'aîné à Paris“ (XVIII-e siècle).

„Верпанское“, уоуѣ Москоу. Собора. кн. А. М. Голицына.

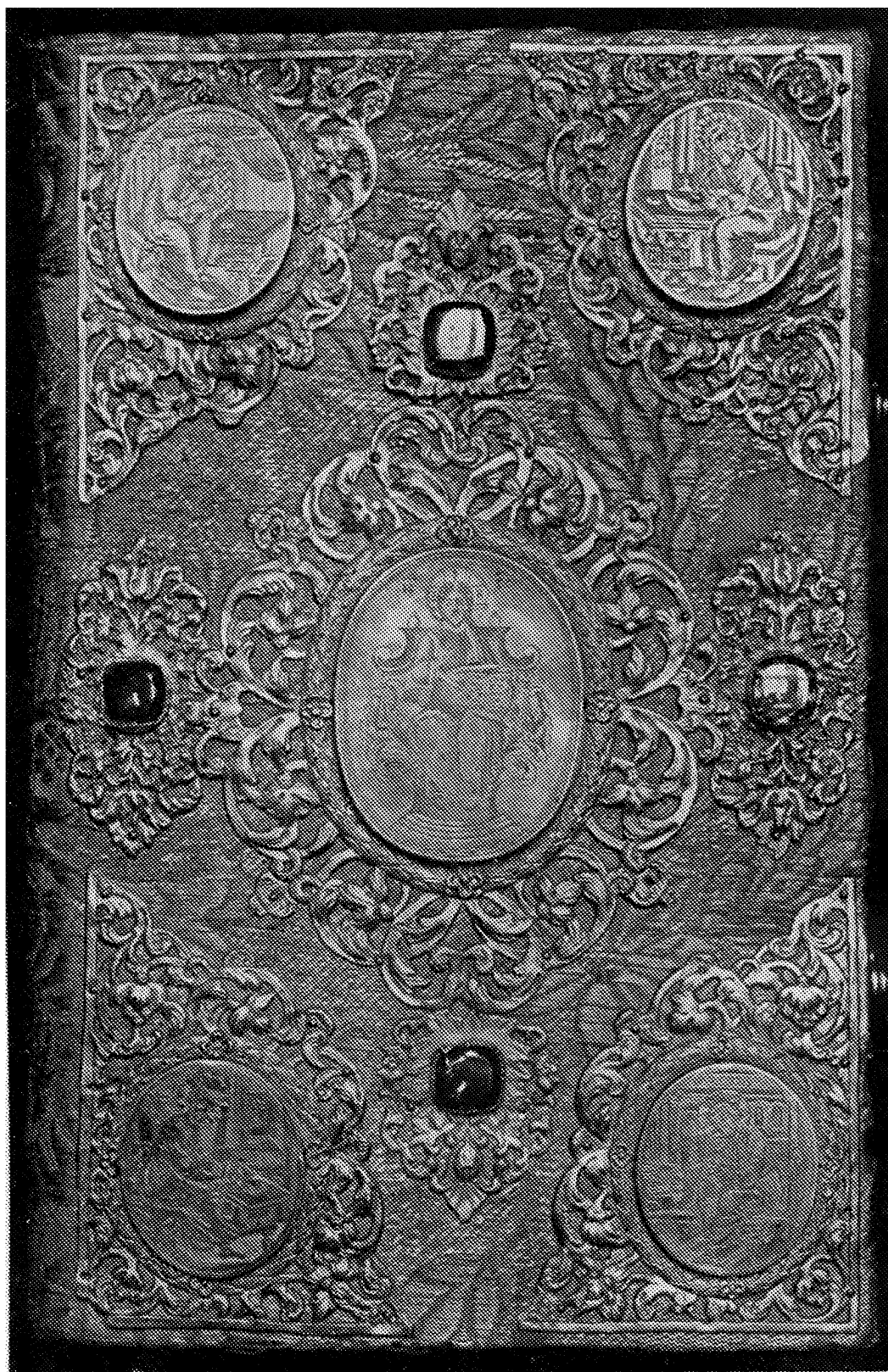
„Петровское“, прѣс Москоу. Апп. ан пр. А. Галитина.

Чакла „Cronier à Paris“ (XVIII вѣка).

Pendule „Cronier à Paris“ (XVIII-е вѣкѣ).

„Перовское“, близъ Москвы. Собери. нн. А. М. Голицына.
„Petrovskoe“, près Moscou. App. au pr. A. Galitzine.

Занеже XVII века.

Couverture d'Evangil (XVII siècle).

„Переплетное“, под Москвою. Собств. кн. А. М. Голицына.
„Петровское“, près Moscou. App. au pr. A. Galitzine.

Икона Л. Бойца: „Св. Прима и Возрождение“.

Икона де Д. Бойца: „S-to Irenu et S-to Barbu“

„Косицкое“, Киевской гв. Собор. и. м. Т. Г. Нуровской и гв. дома Герасимов.
 „Косицкое“, под Кіев. App. à la princesse Koscakine et à la comtesse de la Gherardesse.

Италянской школы XVII века: «Мужчина с
бутылкой».

«Розанное», Киевской губ. Собств. ии. Т. Г. Куракиной и гр. деаа Герардеска.
«Cosaizko», près Kiell. App. à la pr. Kourakine et à la comtesse della Gherardesca.

Ecole italienne du XVII siècle:
«Le buveur».

Г. Морен: „Холодильник“.

Г. Мелан: „La ménagère“.

„Холодильник“, Киевской рыб. фабрики, ул. Т. Г. Курганской и пр. долаз. Гераклеска.
 „Холодильник“, прес. Киев. Апп. à la pr. Kourakine et à la comtesse della Gherardesses.

T. van Thulden et L. van Uden:
„Hetn, verpauwen en verpauwen“.

T. van Thulden et L. van Uden:
„Enfants jouant avec des tigres“.

„Boulevard“, Krasnol'nyĭ, Coöper. un. T. P. Vyssotskiĭ et sp. et al. Vyssotskiĭ.
„Gostiki“, près Kieff. App. à la princesse Kourakine et à la comtesse de la Glazovskaia.

Эльсгеймеръ: „Диогенъ и Александръ
Македонскій“.
„Козацкое“, Кіевской губ. Собств. кн. Т. Г. Ку-
ракиной и гр. де-ла Герардеска.

A. Elshelmer: „Diogène et Alexandre
le Grand“.
„Cosatskoïé“, près Kieff. App. à la princesse
Kourakine et à la comtesse della Gherardesca.

шіе чудесныя коллекціи, но большинство картинъ въ русскихъ усадьбахъ посредственны или плохи. Хорошія собранія имѣлись также у графа Вязмитинова,³⁵ отличныя картины на прежней Мятлевской дачѣ подъ Петербургомъ, въ Полтавской губерніи въ Яготинѣ — нынѣ имѣнія кн. Н. В. Репнина. О галереѣ Яготина находятся свѣдѣнія, записанныя А. Глаголевымъ въ 1823 году.³⁶

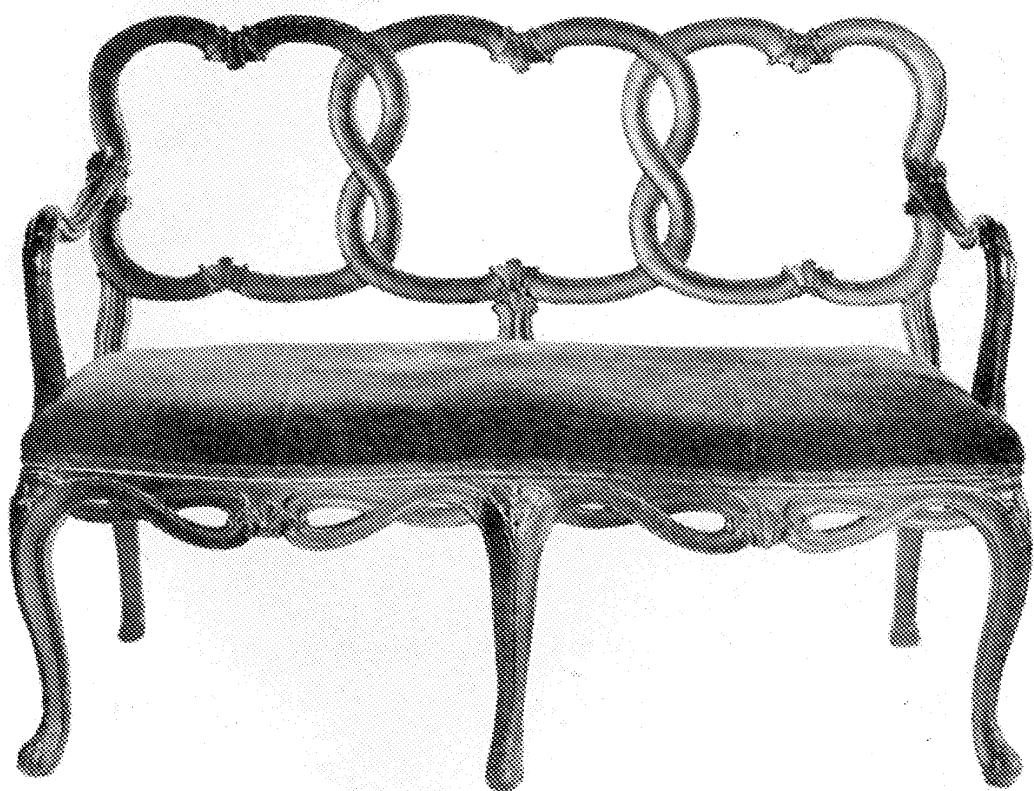
«Въ домѣ», пишетъ онъ: «богатое собраніе картинъ, оставшихся послѣ Графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Изъ произведеній Италіанской школы лучшее есть Тиціанова Даная; обнаженныя прелести ея груди, полнота членовъ и роскошное положеніе тѣла обворожаютъ зрѣніе. Къ ней сходитъ Юпитеръ въ видѣ золотого дождя, а передъ нею въ тѣни испугавшійся купидонъ. Эта Даная достойна примѣчанія по тому, что она служила образцомъ многимъ другимъ картинамъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ художниковъ. — Мать, кормящая дѣтей, произведеніе Лазарини (1665); двѣ картины Гвизольфа (1623), представляющія Христа проповѣдующаго въ храмѣ; Пантеонъ и своды Церкви Св. Петра, Антіоли (1713); Велизарій съ мальчикомъ неизвѣстнаго художника; двѣ новыя картины: слѣпецъ съ мальчикомъ и Св. Магдалина, и травля кабановъ Снейдерса (1579) * также составляетъ украшеніе галереи».

Англійскій путешественникъ Кларкъ, бывшій въ Россіи въ началѣ XIX вѣка восторгается русскими собраніями картинъ, особенно тѣми,

* Это явилось ошибкой, такъ какъ 1579 г. — годъ рожденія Снейдерса.

что онъ видѣлъ въ Московскихъ коллекціяхъ. ³⁷ «Le nombre de tableaux existant à Moscou est réellement prodigieux», пишетъ онъ: «quatre ou cinq des principaux marchands ont dans cette ville de nombreuses collections; les palais des nobles en sont remplis et il n'est aucun d'eux qui ne vendit avec plaisir tous ceux qu'il possède. On dirait que toute l'Europe s'est depouillée pour former ces collections. Au premier aspect, une pièce ornée de ces peintures offre un coup d'oeil pompeux et très imposant; mais, à un examen plus attentif, le charme disparaît: on les reconnaît pour des copies dont la plupart sont venues de Vienne; comme je l'ai déjà fait observer, les Russes eux-mêmes sont doués d'une adresse si particulière pour les arts d'imitation, que l'on a vu un gentilhomme, avec des connaissances et même de l'habileté dans la peinture, acheter d'un marchand des copies faites peu de jours auparavant par un esclave de celui-ci, malheureux, qui passait du chevalet à son métier le plus habituel et le plus journalier, consistant à décroter des souliers, et qui, avec le salaire, de son talent, allait ensuite s'enivrer.

Comme les nobles ont rarement quelque argent à leur disposition, leurs achats, dans les beaux arts ainsi que dans toutes les autres choses, se font par échange. Rien ne leur plaît autant que ces sortes de trocs. Ils achètent un tableau pour une voiture ou un habit complet, justement comme ils payent leur médecin avec une tabatière. Dans tout, ils montrent la même puérilité: comme les enfants, ils se dégoutent de leurs joujoux dès qu'ils les ont acquis. Dans leurs goûts pour les tableaux, ils n'aiment que les couleurs tranchantes et vives, des compositions léchées et des bordures brillantes, quelque chose d'éclatant enfin, pour me servir d'une expression constamment dans leur bouche. Les ouvrages de van der Werff, de Watteau, Jordaens, Berghem, et de Gérard Dow, se vendent au plus haut prix: mais leur offre-t-on des productions des maîtres bolonais, ils les dédaignent. Aucune composition du genre sombre, quelque sublime qu'elle, soit n'a de mérite à leurs yeux. Les chefs-d'oeuvre des Caraches, de Zampieri ou même de Michel-Ange, ne rencontreraient pas d'admirateurs». Такъ было не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ большихъ и богатыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ. Прихотливый помѣщикъ внезапно желалъ завести себѣ галерею и, собранная наскоро, она представляла случайный сбродъ разнообразныхъ картинъ, гдѣ на ряду съ первоклассными произведеніями попадались совершенно безграмотныя поддѣлки и копіи. Но хозяева были убѣждены въ рѣдкости и цѣнности своихъ вещей и эта увѣренность перешла и къ ихъ внукамъ. Мнѣ довелось видѣть галерею Кисловскихъ и князей Оболенскихъ въ Тульской губерніи, галерею, гдѣ всѣ картины были каталогированы, какъ произведенія великихъ мастеровъ. Эти двѣсти картинъ оказались, за рѣдкими исключеніями, посредственными оригиналами безымянныхъ художниковъ, плохими копіями и подражаніями крѣпостныхъ. Знаменитая нѣкогда на югѣ галерея милліонера-чудака И. И. Фундукля, перешедшая потомъ черезъ Голицыныхъ и Врангелей къ Куракинымъ и дела Герардеска и находящаяся въ Козацкомъ, ³⁸ Кіевской губерніи, также полна курьезовъ. Рядомъ съ первоклассными произведеніями Токке, Мириса, В. Кейна, Эльсгеймера, Левидаго и Лампи, здѣсь находится цѣлый рядъ грубѣйшихъ поддѣлокъ съ

Русской школы XVIII века:
Е. И. Габсбург-Сербинская (эмаль).

„Покровский-Сербинский“, под Москвою. Соборн. кн. Е. Ф. Матвеевой-Габсбург-Сербинской.
„Pokrowskoi-Strebinski“, près Moscou. App. à la princesse Chukhowski-Glaboff-Strebinski.

Диванъ времёнъ Людовика XV.

Ecole russe du XVIIIe siècle: E. Glaboff-
Strebinski (émaill).

Meuble Louis XV.

„Работы“, подъ Петербургомъ. Соборн. В. И. Введенской.
„Raboty“, près S.-Petersbourg. App. à W. P. Waidolsky.

Резной шкаф. XVIII век.

Armoire en bois sculpté. XVIII-e siècle.

„Работо“, подъ Петербурга. Собств. В. П. Всеволожскаго.
„Bishowo“, près St. Pétersbourg. App. à W. P. Wsewolsky.

Нравственный мир XVII века. «Павлов».

Роль Катерины да XVII в. «Галерея».

«Романов», Киевский музей. Собрание. и. п. Т. Г. Купченко и др. Киев. Творчество.

«Светлов», Киев. Музей. Собрание. и. п. Т. Г. Купченко и др. Киев. Творчество.

Эмаливая чаша русской работы XVII века.

Coupe en émail, Travail russe, XVII siècle.

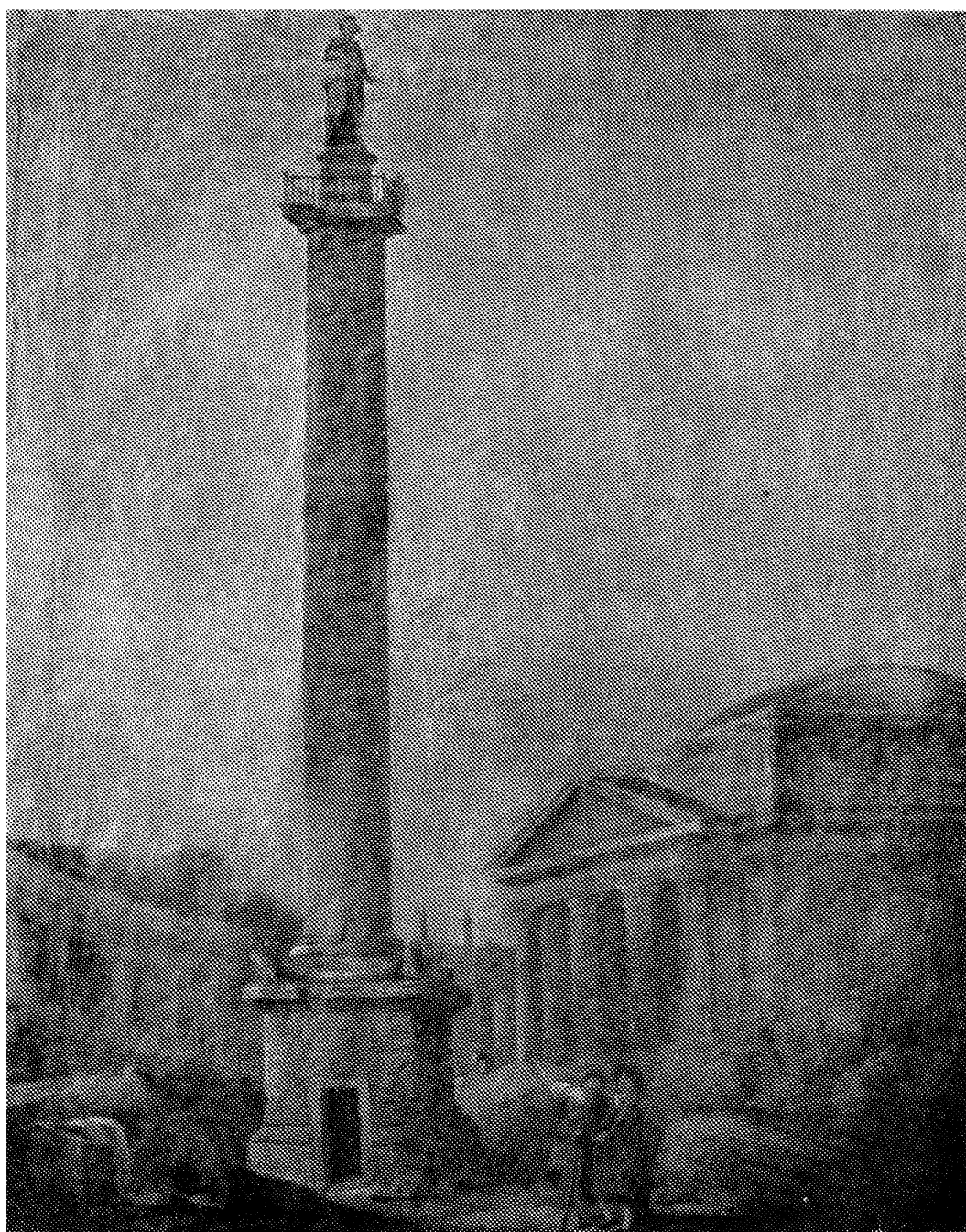
„Козацкое“, Киевской губ. Собств. князя М. А. Курякина.
„Kosatskoé“, près Kieff. App. au prince M. Kourakina.

Г. Робер: Пейзаж.

Н. Роберт: Paysage.

„Богородица“, Тульской губ. Соборъ графовъ Бобринскихъ.
„Bogoroditsk“, près Toula. App. aux comtes Bobrinsky.

Г. Роберт: „Пейзаж“.

Н. Роберт: „Paysage“.

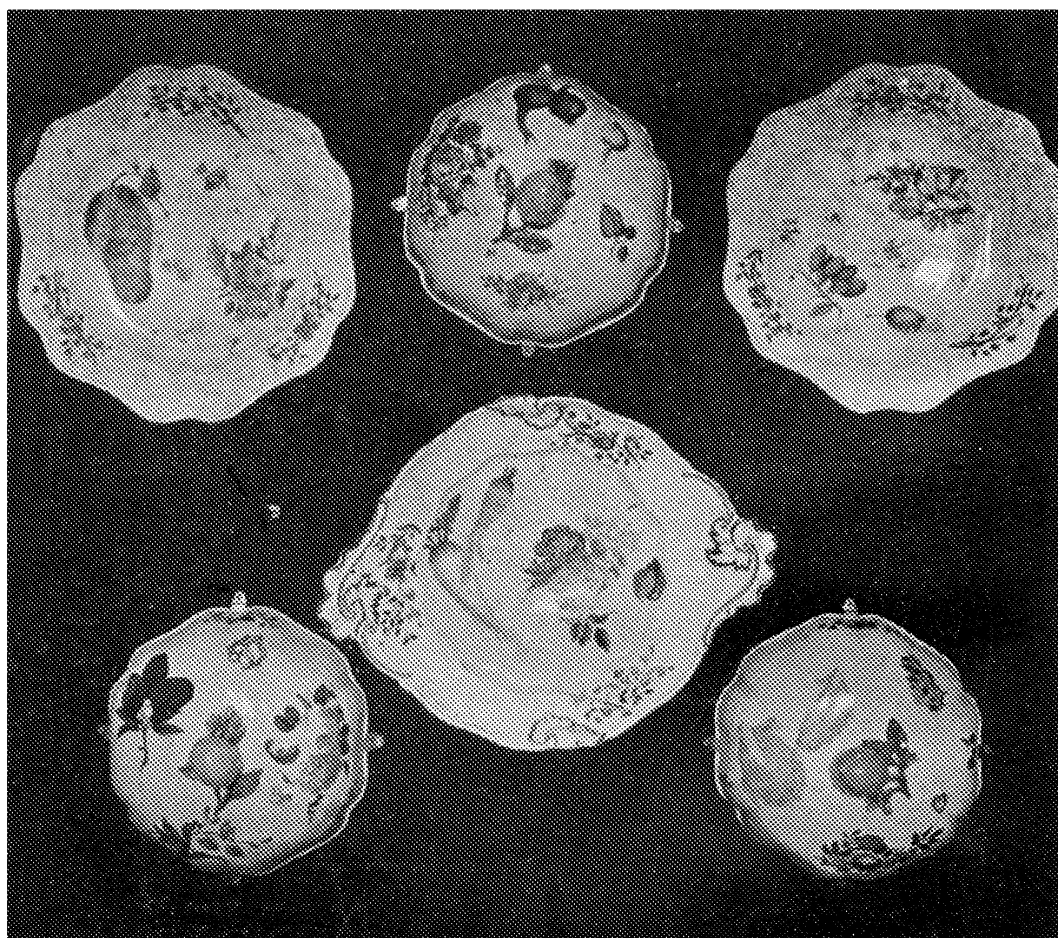
„Богородица“, Тульской губ. Собор графов Бобринских.
 „Bogoroditsk“, près Tula. App. aux comtes Bobrinsky.

Г. Роберт: „Пейзаж“.

H. Robert: „Paysage“.

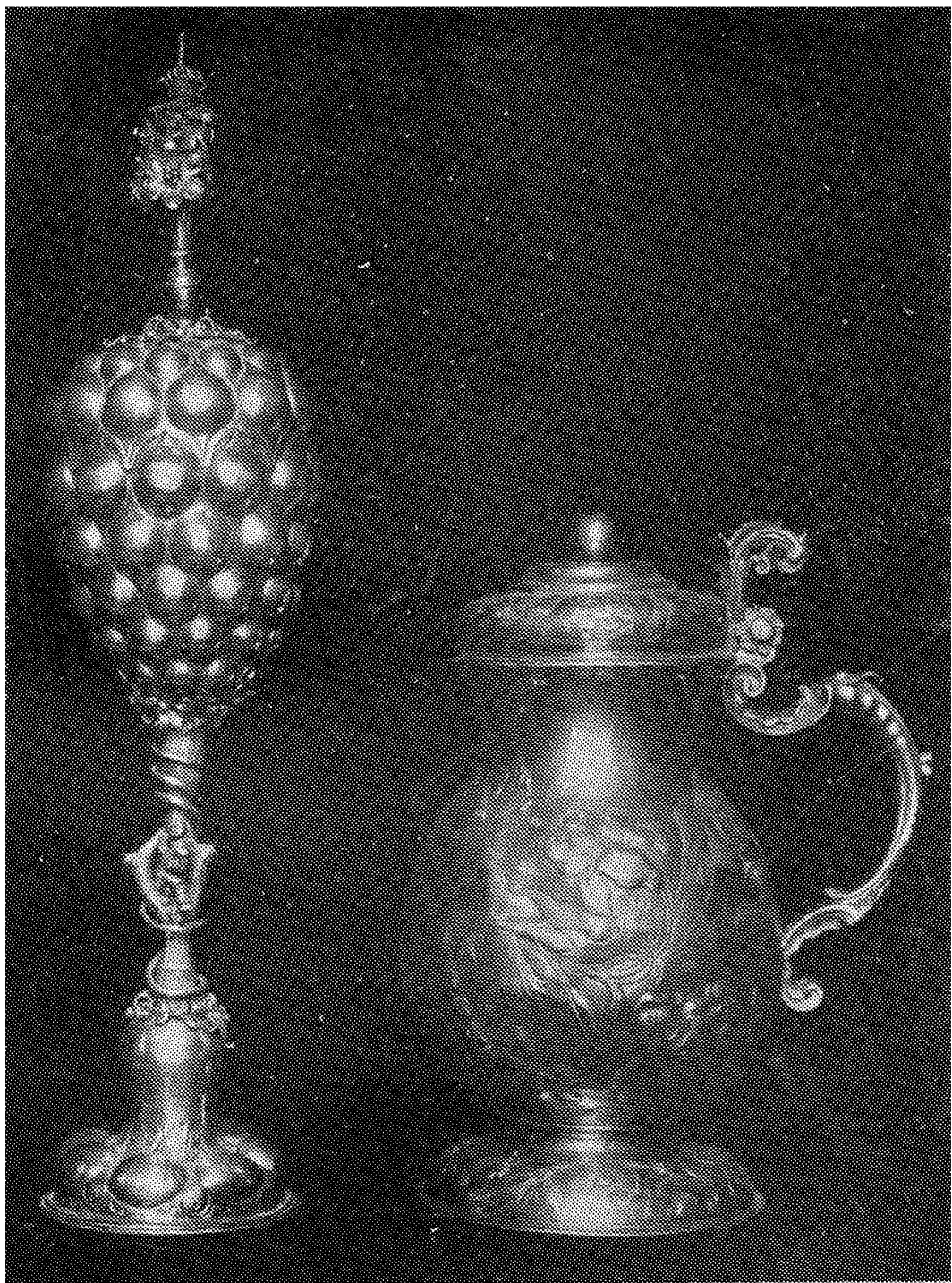
„Богородицк“, Тульский губ. Соборн. графств. Богородицк.
„Bogoroditsk“, près Tula. App. aux comtes Bobrinsky.

Фарфор Саксы XVIII вѣка.

Porcelains Saxe (XVIII siècle).

„Богородица“, Тульскогъ г-да. Соборъ графовъ Бобринскихъ.
 „Bogoroditsk“, près Toul. App. aux comtes Bobrinsky.

Кубокъ и кувшинъ нюрнбергской работы
XVII вѣка.

Coupe et cruche en argent doré. Travail de
Nuremberg. XVII siècle.

„Козацкое“, Виленой губ. Соборн. кн. М. А. Бурачин.
„Kozatskoj“, près Kieff. App. au prince M. Kourakine.

Ф. ванъ Мирисъ-старшій:
„Женщина съ попугаемъ“.

F. van Mieris le Vieux:
„Femme jouant avec un perroquet“

„Козинское“, Невский губ. Собств. кн. Т. Г. Бурачинной и гр. деши Герардеска.
„Cosatskoë“, près Kieff. App. à la princesse Kourakine et à la comtesse della Gherardesca.

Картина мастерской Гудона:
«Торжество Еухаристии» (ср. с. 100).

Таблица из Галереи де Роден:
«Le triomphe de l'Eucharistie sur l'ignorance et l'aveuglement».

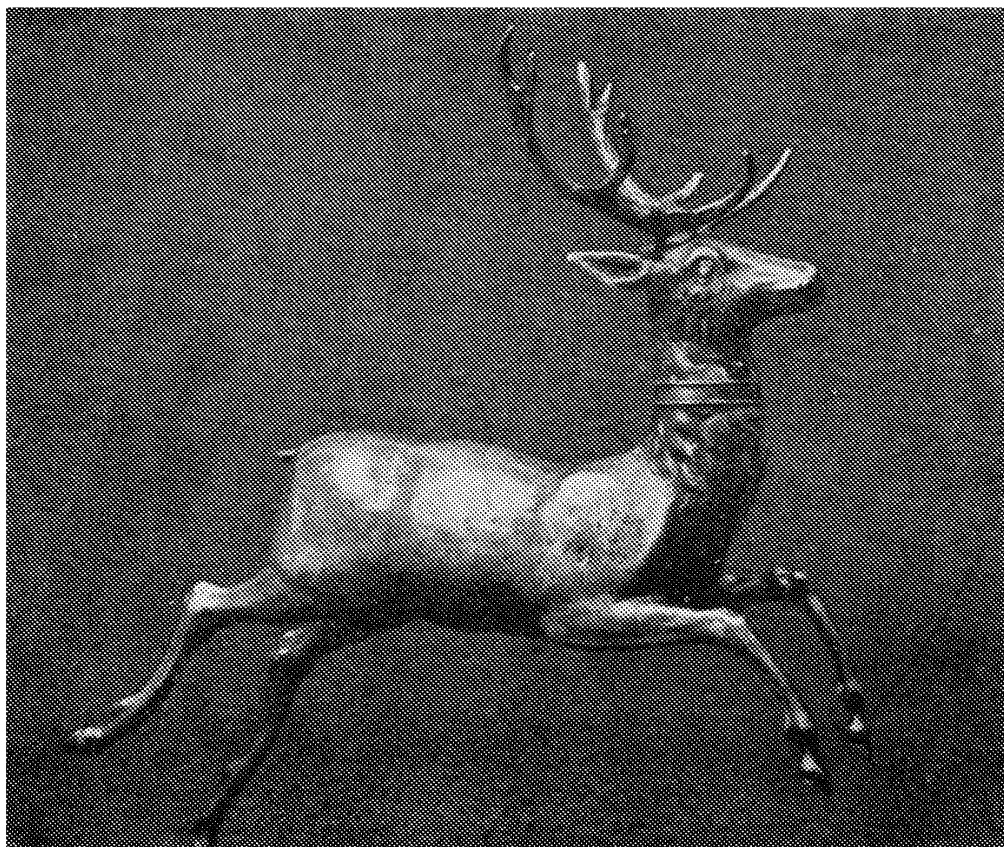
«Роден», с. 100. Визуализация. Сцена. Р. Н. Визуализация.
«Роден», с. 100. Визуализация. Сцена. Р. Н. Визуализация.

А. Орловский: „Казак“.

A. Orlovsky: „Un cosaque“.

„Работы“, подъ Петербургомъ, Собору, В. И. Всесоюзнаго.
 „Hishowo“, près St-Petersbourg. App. à W. P. Wodvodojsky.

Серебряный позолоченный олень немецкой
работы XVII вѣка.
„Козацкое“, Киевской губ. Собств. вн. М. А. Ку-
ракина.

Cerf en argent doré. Travail allemand.
XVII-e siècle.
„Cosatzkoé“, près Kieff. App. au prince
M. Kourakine.

явно-фальшивыми подписями Гоббема, Рембрандта, Остаде, Греза и другихъ.

Простодушный помѣщикъ-коллекціонеръ часто даже не видя, по наслышкѣ, покупалъ картины, и антиквары, иностранные и русскіе, широко пользовались его щедростью. Вообще, какъ мнѣ кажется, сильно преувеличено мнѣніе объ огромномъ количествѣ старинныхъ картинъ, находящихся въ Россіи. Въ русскихъ имѣніяхъ, за рѣдкими исключеніями, все — посредственныя копія или работы третьестепенныхъ мастеровъ. Почти все лучшее либо вывезено въ Москву и Петербургъ, либо, еще чаще, продано заграничнымъ скупщикамъ, которые со времени освобожденія крестьянъ и оскуднѣнія помѣщиковъ партіями вывозили русскія сокровища въ Европу. Грустно и больно теперь за успѣшнѣе такъ неслѣпо богатства, грустно, и мало надежды на то, что кто либо изъ современныхъ помѣщиковъ станетъ тѣмъ меценатомъ, какіе бывали у насъ прежде. И еще грустнѣе, что все это было почти что вчера, назадъ менѣе чѣмъ полвѣка.

Что же касается до оставшихся картинъ, то ихъ очень не много. Даже въ Шереметевскихъ подмосковныхъ ихъ почти нѣтъ, вполнѣ первоклассныхъ картинъ нѣтъ даже въ Архангельскомъ — въ лучшихъ пригородныхъ усадьбахъ-имѣніяхъ.

Изъ картинъ можно, однако, отмѣтить недурного «Курильщика» Брауера, «Портретъ дожа» — неизвѣстнаго венеціанца XVII столѣтія и «Младенца Іоанна» миланской школы въ типѣ Луини³⁹ (въ Елисаветинѣ В. Н. Охотникова), картину мастерской Рубенса⁴⁰ (въ Рябовѣ В. П. Всеволожскаго), хорошаго Кастильоне «Пастухъ съ овдами», гр. Ротари и Паламедеса⁴¹ въ Петровскомъ, подѣ Москвой; три отличныхъ Гюбера Робера въ Богородицкѣ Тульской губерніи, картины въ Козацкомъ, въ Яготинѣ... Вотъ все немногое, что извѣстно, хотя очевидно этотъ краткій перечень не касается десятой доли находящихся въ имѣніяхъ картинъ. Но все же весьма характерно то незначительное количество хорошихъ произведеній, которое приходится на множество посредственныхъ и явно скверныхъ. За то замѣчательны въ русскихъ усадьбахъ портреты предковъ. Даже при продажѣ почти всего убранства комнатъ иногда сохранялись въ семьяхъ изображенія близкихъ, и до сихъ поръ можно найти почти во всѣхъ помѣщичьихъ семьяхъ работы лучшихъ русскихъ портретистовъ. Великолѣпные портреты членовъ голицынской семьи находятся въ подмосковныхъ Дубровицахъ, въ Большихъ Вяземахъ кн. Д. Б. Голицына, въ Петровскомъ, въ Андреевскомъ, Владимірской губ. у гр. Е. А. Воронцовой-Дашковой, въ Ивановскомъ Курской губ., въ Яготинѣ, въ Гомелѣ у кн. И. И. Паскевича, въ Покровскомъ-Стрѣшневомъ.⁴² Лучшие русскіе мастера и иностранные художники во множествѣ писали прежнихъ помѣщиковъ. Грустно отмѣтить, что очень часто въ семьяхъ даже не знаютъ, кто тотъ или другой «дѣдушка» или «бабушка», висящіе на стѣнѣ и путаютъ не только художниковъ, писавшихъ ихъ, но и самихъ изображенныхъ. Но пріятно, что хотя бы подѣ чужимъ именемъ, но дошли до насъ прежніе люди въ портретахъ старыхъ мастеровъ.

Aurélienoff uncaat XVIII. rima;
И. И. Оршакoвoв.

Esde anglais du XVIII-e s.;
Portrait de P. Stechnoff.

„Парфенов-Оршакoвoв“, Мoскoвскoй гoрoд. Сoбoрa св. Е. Ф. Пaвoлoвoй-Грeбoнoй-Оршакoвoй.
„Пoкрoвскoй-Стрeчнeвoв“, прeд Мoскoй. App. à la princesse Chaklinskoi-Gleboff-Strechnoff.

А. Бруилофф: А. Д. Баратынская.

A. Brulloff: Madame A. Baralytsky.

„Железняки“, Казанский губ. Собств. кн. В. М. Голыгина.
„Jelezniaki“, pres Kalouga. App. au pr. W. Galitzine.

A. Бруллофф: А. П. Лазарева.

A. Brulloff: Madame A. Lazareff.

„Мѣсяцъ“, Разумный сынъ. Соборъ, кн. В. М. Голицына.
„Jelénaki“, près Kalouga. App. au pr. W. Galitzine.

Бары (P): Ра. П. П. Голицына (масло).

Baron (P): Portrait de la princesse P. Galitzine (pastel).

„Перовское“, усадьба Москово. Собран. на. А. М. Голицына.
„Petrovskoe“, près Moscou. App. au prince A. Galitzine.

Вульф (1771 г.): Екатерина II (скульпт.).

Schoubine (1771): L'Impératrice Catherine II (marbre).

„Петербург“, 1803; Москва, Собор. им. А. М. Гумилева.
„Петровское“, près Moscou, App. au pr. A. Gullitzine.

Васелъ Императрица Елисавета Петровна
(хризопръ).

Vassal: L'Impératrice Elisabeth
(marbre).

„Петровское“, подъ Москвою. Собств. кн. А. М. Голлицина.
„Pétrowskoïé“, près Moscou. App. au pr. A. Galitzine.

И. Шубина; И. И. Шумалова (красиль).
 И. Шубина; И. И. Шумалова (красиль).

Е. Чоубина; Е. Чоубина (красиль).
 Е. Чоубина; Е. Чоубина (красиль).

„Петровское“, под Москвою. Собств. ил. А. М. Голубина.
 „Petrovskoe“, près Moscou. App. au pr. A. Galitzin.

Шубинъ: Изъ О. Н. Голъцинскаго (мраморъ).

Schubiner: Le pr. F. Galitzine.

„Петровское“, подъ Москвою. Собств. изъ А. М. Голъцинскаго.
„Petrovskoe“, près Moscou. App. au pr. A. Galitzine.

Антропом.: Княгиня М. М. Прозоровская.

Antropoff: Princesse M. Prozorovsky.

„Павловско-Сиротинско“, Московский уѣздъ, Соборн. им. Е. Ф. Шварцовой-Григорьевой.
„Pakrowskoj-Strochnowo“, près Moscou. App. à la princesse Chakhowskoj-Gieloff-Strochnoff.

Широкий: Графиня А. И. Шереметьева (1709 г.). S. Ligocky: La comtesse A. Chermétéff (1709).

„Полковник-Српчанец“, Московский рыц. Собор. ил. Е. Ф. Шеховцов-Григорьев-Српчанец.
„Покровское-Стрешнево“, при М. Моск. Апп. к принцессе Чиховской-Григорьев-Стрешнев.

Грубе: Им. В. Н. Прозоровскій.

G. E. Grube: Le prince B. Prozorowsky.

„Петровское“, вблизи Москвы. Собств. кн. А. М. Голицына.
„Petrovskoiâ“, près Moscou. App. au pr. A. Galitzine.

Бары: Портретъ мальчика (масло).

Baron: Portrait d'un jeune garçon (peint).

„Ясная Поляна“, Тульской губ. Собр. гр. Л. Н. Толстого.
„Jasna Polana“, près Toula. App. au comte Léon Tolstoï.

ИСКУССТВО КРѢПОСТНЫХЪ.

Русскій помѣщичій бытъ неразрывно связанъ съ крѣпостной Россіей. Своеобразная поэзія усадебной культуры, — острая смѣсь уточенности европейцевъ и чисто-азиатскаго деспотизма — была мыслима только въ эпоху существованія рабовъ. И годъ освобожденія крестьянъ естественно долженъ считаться годомъ гибели «крѣпостныхъ традицій» въ исторіи русскаго искусства. Со свойственной русскому человѣку сметливостью, подъ страхомъ смертельной порки, крѣпостные, по приказанію барина, мгновенно превращались въ архитекторовъ, поэтовъ, живописцевъ, музыкантовъ и астрономовъ. Конечно, въ этомъ превращеніи зачастую была огромная доля комизма, и «искусство по приказанію» было часто не только посредственно, но и прямо плохо. Но самое курьезное, что все же средній уровень художественныхъ вкусовъ крѣпостной Россіи былъ несравненно выше послѣдующаго «свободнаго творчества». Объясняется это именно тѣмъ, что въ художники назначались люди изъ простой среды, а не «полу-интеллигенты», какъ это было послѣ. Простой же русскій крестьянинъ одаренъ отъ природы не только сметливостью, но и особымъ, совсѣмъ безсознательнымъ, но неизмѣнно вѣрнымъ пониманіемъ красоты. Не даромъ же кустари, еще не испорченные городскими науками, создали подлинно-прекрасныя ремесла. Вторая причина, — это наставники, руководившіе начинающими художниками. Огромное количество иностранныхъ живописцевъ и архитекторовъ, жившихъ въ Россіи, разбредось по безчисленнымъ помѣстьямъ и создало свой кадръ подмастерьевъ, изъ которыхъ многіе со временемъ сдѣлались настоящими художниками. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что Кампорези былъ у Апраксинныхъ «министръ всѣхъ Ольговскихъ построекъ»,⁴³ а у графа Орлова, въ его подмосковной Отрада, находился садовникъ Питерманъ, жившій съ 1780 г. шесть лѣтъ въ имѣніи,⁴⁴ и оба, несомнѣнно, могли создать школу среди своихъ помощниковъ крѣпостныхъ.

Помѣщики старой Россіи могли легко приводить въ исполненіе всѣ свои, часто чудаческія, прихоти.

«У людей достаточныхъ, и не то что особенно богатыхъ, бывали свои музыканты и пѣсенники, хотя понемногу, но все таки человѣкъ по десяти».⁴⁵

У П. М. Римскаго-Корсакова «были свои мастеровые всякаго рода: столяры, кузнецы, каретники; столовое бѣлье ткали дома и, кромѣ того, были ткачи для полотна; былъ свой кондитеръ. Въ комнатѣ людей было премножество, такъ что за каждымъ стуломъ, во время стола, стоялъ человѣкъ съ тарелкой».⁴⁶

Эта свора крѣпостныхъ служила не только дома, но и въ дорогѣ. Бурьяновъ, описывая русскій бытъ 1830-хъ годовъ, пишетъ:⁴⁷

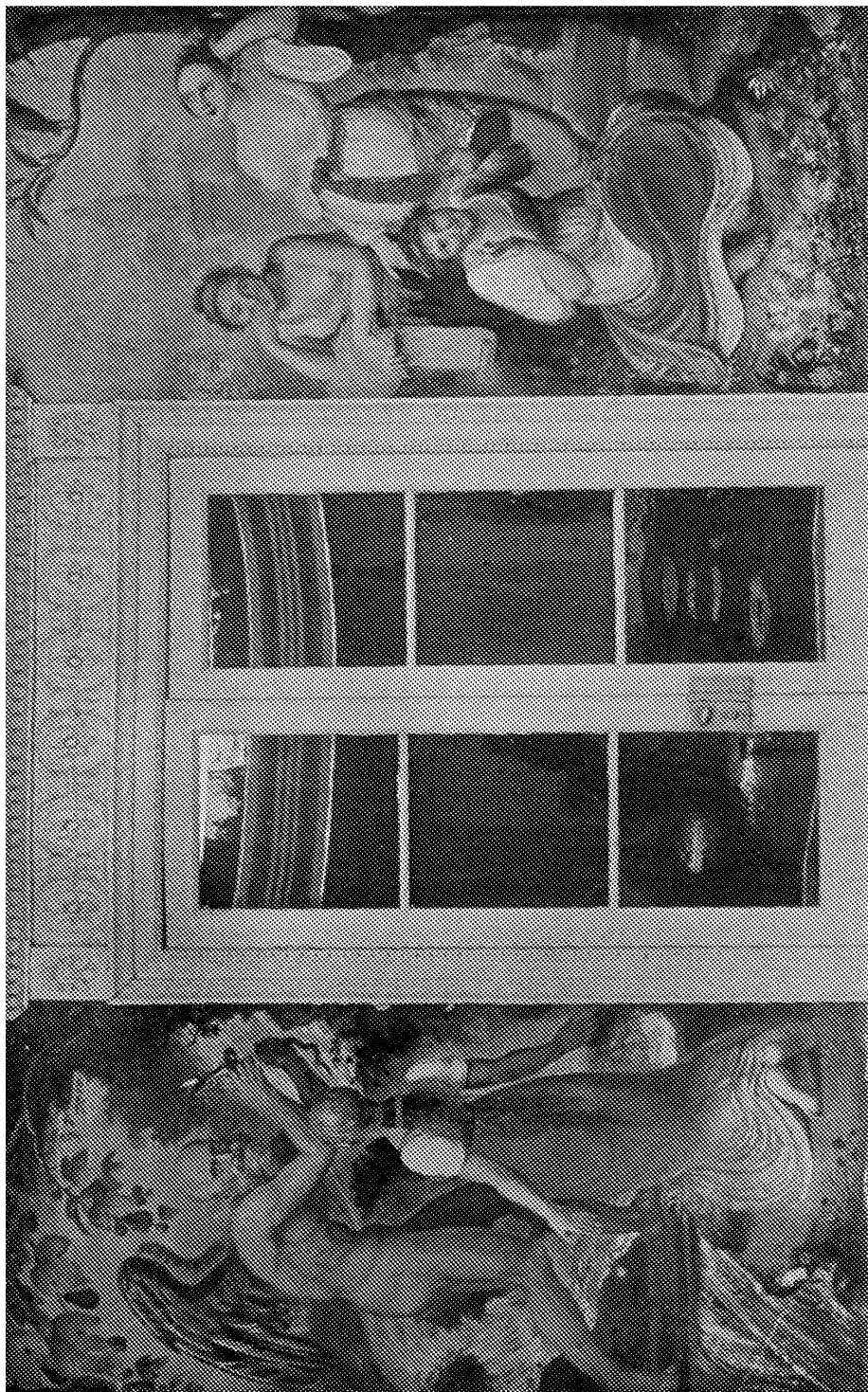
«Въ деревняхъ дворяне или помѣщики любятъ ѣздить въ гости изъ одного села въ другое, таща съ собою въ нѣсколькихъ экипажахъ почти весь свой причетъ слугъ и служанокъ, къ которому въ старину принадлежали непременно дураки и дуры, имѣвшіе право дѣлать съ господами своими и съ ихъ гостями разныя грубыя шутки и говорить имъ всевозможныя грубости, доставлявшія смѣхъ и веселье».

«Нынче (1839 г.) у нѣкоторыхъ помѣщиковъ еще водится держать этого рода шутовъ, которыхъ они возятъ съ собою повсюду вмѣстѣ съ любимою москвою. Пріѣхавъ къ сосѣду, помѣщики-путешественники находятъ нѣсколько комнатъ для себя и изобильный столъ: весь домъ бываетъ къ ихъ услугамъ; это остатки патріархальной и вмѣстѣ гостепріимной жизни доброй старины, которая еще не совсѣмъ вывелась изъ нашихъ нравовъ. У помѣщиковъ прислуга бываетъ большею частью многочисленная и хорошо одѣтая, т. е. довольно великолѣпно, но къ сожалѣнію, довольно и неопрятно: нерѣдко пальцы слуги проглядываютъ сквозь лакированные сапоги, а локти сквозь рукава золотомъ обшитой ливреи».

Но не только для забавы служили слуги своимъ господамъ. Наряду съ шутами и дурами у всякаго богатаго помѣщика былъ огромный штатъ людей, обучавшихся живописи, музыкѣ, драматическому искусству. У графа Орлова въ Отрадѣ «полезныя ремесла были нерѣдко соединяемы съ пріятными искусствами въ однихъ и тѣхъ же лицахъ: иной, работавшій въ столярной утробѣ, являлся вечеромъ актеромъ на театрѣ. Музыка играла во время стола, а по субботамъ, вечеромъ, давались инструментальные и вокальные концерты.

Въ Отрадѣ, однако, высшія должности не ограничивались музыкою. Между дворовыми людьми находились и архитекторъ и живописецъ..., былъ человѣкъ особо приученный поджидать въ опредѣленномъ часу появленія на небѣ звѣзды или планеты и о томъ докладывать, были и доморожденные посты; наконецъ, было лицо, исправлявшее должность богослова». ⁴⁸

Въ своихъ запискахъ Виже Лебрень говоритъ: ⁴⁹ «Les Russes sont adroits et intelligents, car ils apprennent tous les métiers avec une facilité prodigieuse; plusieurs même obtiennent du succès dans les arts. Je vis un jour chez le comte de Strogonoff, son architecte qui avait été son esclave. Ce jeune homme montrait tant de talent, que le comte le présenta à l'empereur Paul, qui le nomma un de ses architectes, et lui commanda de bâtir une salle de spectacle sur des plans qu'il avait faits. Je n'ai point vu cette salle finie, mais on m'a dit qu'elle était fort belle. En fait d'esclaves devenus artistes, je n'avais pas été aussi heureuse que le comte. Comme je me trouvais sans domestique, lorsque celui que j'avais amené de Vienne m'eut volé, — le comte de Strogonoff me donna un de ses esclaves, qu'il me dit savoir arranger la palette et nettoyer les brosses de sa belle fille, quand elle s'amusait à peindre. Ce jeune homme que j'employais en effet à cet usage, au bout de quinze jours qu'il me servoit, se persuada qu'il était peintre aussi, et ne me donna point de repos que je n'eusse obtenu sa liberté du comte, afin qu'il pût aller travailler avec les élèves de l'Académie. Il m'écrivit sur ce sujet plusieurs lettres vraiment curieuses de style et de pensées. Le comte, en cédant à ma prière, me dit: «Soyez sûre qu'avant peu il voudra me revenir». Je donne vingt roubles à ce jeune homme, le comte lui en donne au moins autant, en sorte qu'il court aussitôt acheter l'uniforme des élèves en peinture, avec lequel il vient me remercier d'un air triomphant. Mais, deux mois après il revint m'apporter un grand tableau de famille si mauvais, que je ne

Фигуры.

„Мавзои“, near Петербурга. Кавказский С. Николаев.
„Мавзои“, near St. Petersburg. Кавказский С. Николаев.

Кресты.

Фреска.

Fresque.

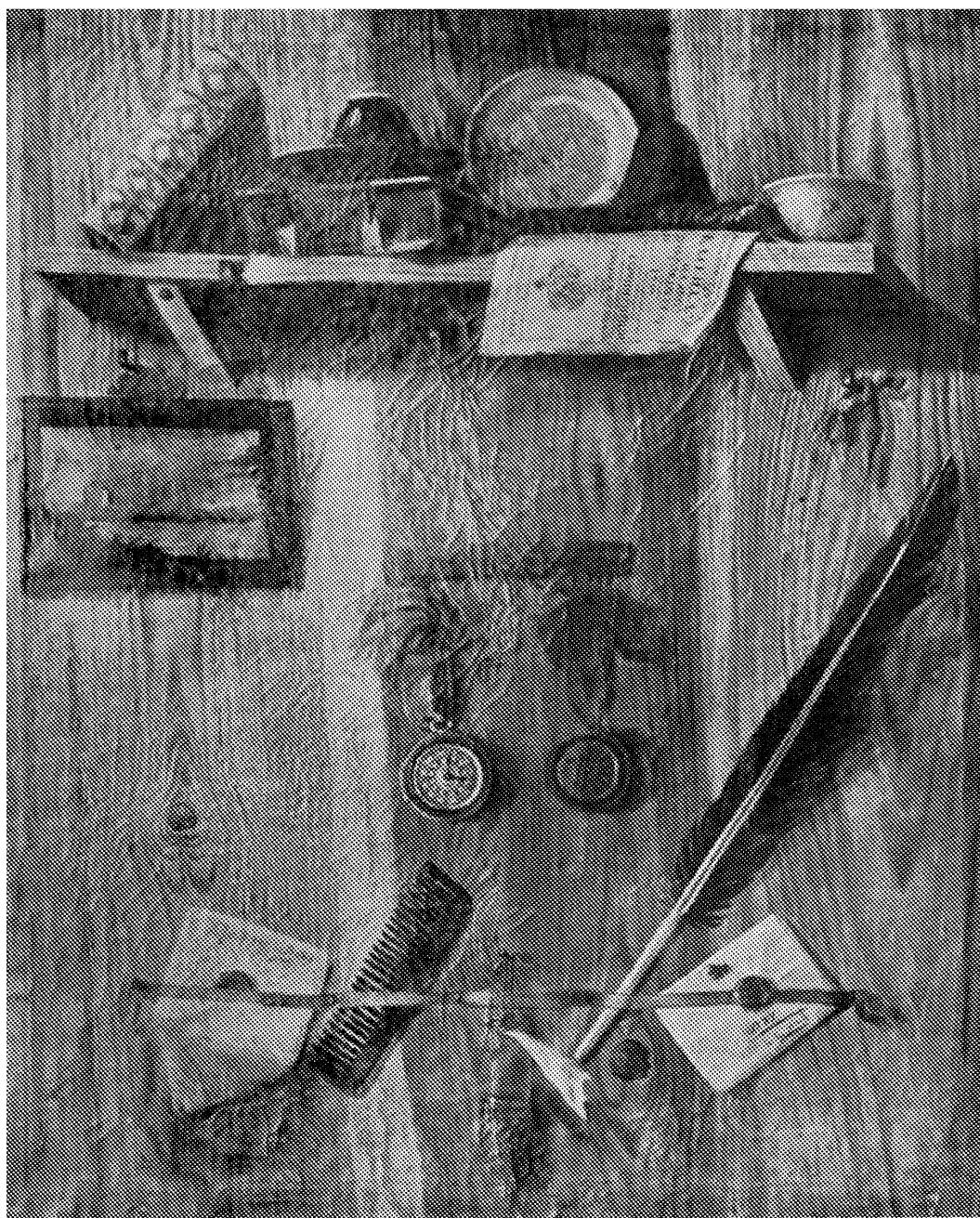
„Медуса“, подъ Петербургомъ. Бывшее имѣніе С. Яковлева.
„Médusée“, près St-Petersbourg. Ancien château Iakovleff.

Фреска.

Fresque.

„Мідное“, нозь Петербургомъ. Былше нѣжнѣ С. Яковлева.
„Médnoïé“, près St.-Petersbourg. Ancien château Iakovleïff.

Прижизненный живописецъ Г. Тепloffъ: „Мертвая природа“ (1731 г.).

Teploff, peintre esclave: „Nature morte“ (1731).

„Останкино“, подъ Москвой. Собств. грав. А. Д. Шереметова.
 „Ostankino“, près Moscou. App. au comte A. Chérémétieff.

pouvais le regarder, et qu'on lui avait payé si peu, que le pauvre jeune homme les frais soldés, y perdait huit roubles de son argent. Ainsi que le comte l'avait prévu, un pareil désappointement le fit renoncer à sa triste liberté».

Умѣніе русскаго челоѣка быстро схватывать всякую мысль и ремесло единогласно отмѣчается всѣми заѣзжими иностранцами. Фабръ, жившій въ Россіи, такъ характеризуетъ русскаго простолюдина: «Русскій народъ одаренъ рѣдкою смышленностію и необыкновенною способностію все перенимать. Языки иностранные, обращеніе, искусства, художества и ремесла, онъ все схватываетъ со страшною скоростью».

«Мнѣ нуженъ былъ слуга, я взялъ молодого крестьянскаго парня лѣтъ семнадцати, и велѣлъ домашнимъ людямъ снять съ него армякъ и одѣть въ ливрею. Его звали Федотомъ. Признаюсь, будь мнѣ нуженъ секретарь, метрдотель, поварь, рейткнехтъ, я бы все изъ него кажется сдѣлалъ: такой онъ былъ ловкій и на все способный. На другой день ужъ я не могъ узнать его; онъ пришелъ ко мнѣ въ комнату въ чисто вычищенныхъ сапогахъ, съ бѣлымъ галстукомъ на шеѣ, въ казакинѣ и съ головою очень тщательно завитою и причесанною. Онъ подалъ мнѣ чай съ видомъ нѣсколько озабоченнымъ, но спустя недѣлю онъ дѣлалъ это уже съ ловкостью, стараясь подражать камердинерамъ того знатнаго дома, гдѣ я жилъ. Этого мало: онъ мастеръ на все; я заставлялъ его вяжушимъ чулки, починяющимъ башмаки, дѣлающимъ корзиночки и щетки; и разъ какъ то я нашелъ его, занимающимся дѣланіемъ балалайки изъ куска дерева при помощи лишь простаго ножа. Онъ бывалъ при нуждѣ моимъ столяромъ, слесаремъ, портнымъ, шорникомъ».

«Нѣтъ народа, который бы съ большею легкостью схватывалъ всѣ отгѣнки и который бы лучше умѣлъ ихъ себѣ присваивать. Баринъ на удачу отбираетъ нѣсколько крѣпостныхъ мальчиковъ для разныхъ ремеслъ: этотъ долженъ быть сапожникомъ, тотъ маляромъ, третій часовщикомъ, четвертый музыкантомъ. Весной я видѣлъ сорокъ мужиковъ, присланныхъ въ Петербургъ для того, чтобы изъ нихъ составить оркестръ роговой музыки. Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ мои деревенскіе пснтюхи превратились въ очень ловкихъ парней, одѣтыхъ въ зеленые егерскіе спенсеры и исполнявшихъ музыкальныя пьесы Моцарта и Шейля»...

«Но разнымъ частямъ у насъ есть нѣсколько именъ, снискавшихъ себѣ знаменитость и извѣстность повсемѣстную. Къ числу этихъ людей принадлежатъ: Семеновъ, славный скрипачъ; Захаровъ, рѣзчикъ необыкновенный; Курбатовъ, котораго ружья равняются съ отличнѣйшими Французскими и Нѣмедкими; Чурсиновъ, прославился дѣланіемъ отличныхъ клеенчатыхъ ковровъ и вошанокъ, помогающихъ въ простудныхъ болѣзняхъ; Мурзинъ, Сибирскій живописецъ, пишущій отмѣнно хорошо и схожо портреты, Батовъ, скрипки котораго заслужили похвалы знаменитаго скрипача Липинскаго, который удивляетъ своею игрою всю Европу, и пр. и пр.».

Какъ же относились помѣщики къ своимъ крѣпостнымъ, украшавшимъ съ такимъ искусствомъ ихъ усадьбы и услаждавшимъ ихъ деревенское ничего-ведѣланіе? Многіе любили и работали о своихъ людяхъ, но слу-

чались и обратныя явленія, полного пренебреженія и злого безразличія къ этимъ часто весьма талантливымъ дворовымъ.

Помѣщикъ просто приказывалъ: начертить планъ, выѣпить стату, написать картину, композировать музыку и если почему либо ему не нравилось выполненіе его затѣй — крѣпостной художникъ наказывался тутъ же розгами.

У М. Н. Неклюдовой въ Орловской губерніи были швеи «и она заставляла ихъ выпивать на пятахъ, а чтобы дѣвки не дремали вечеромъ и чтобы кровь не прилиwała имъ къ головамъ, она придумала очень жестокое средство: привязывала имъ испанскія мухи къ шеѣ, а чтобы дѣвки не бѣгали, посадить ихъ за пятацы у себя въ залѣ и косами ихъ привяжетъ къ стульямъ, — сиди, работай и не смѣй съ мѣста вставать». ⁵¹ Или вотъ другой примѣръ: наблюдалъ за постройкой дома графа Владиміра Орлова въ имѣніи Отрада Московской губ. нѣкій Бабкинъ, но такъ какъ графъ былъ имъ недоволенъ, то въ «домовомъ приказѣ» его отъ 1796 г. читаемъ «высѣчь Бабкина за то, что онъ, не смотря на запрещеніе, снялъ кружала изъ подъ свода и вторично уронилъ сводъ въ кузницѣ». ⁵²

Аракчеевъ, имѣвшій въ Грузинѣ отличнаго крѣпостного архитектора «профессора Академіи» Семенова, сѣкъ его за малѣйшую неисправность. ⁵³

«По разсказу калужской помѣщицы, очень образованной женщины, К. И. Карцовой, одинъ художникъ, находившійся въ такомъ положеніи, повѣсился въ саду. Другой, по разсказу академика живописи, Андрея Акимовича Сухихъ, бывшій ему товарищемъ по Академіи, утопился въ господскомъ пруду. Этотъ несчастный съ истиннымъ призваніемъ къ искусству, за непокорность своему господину, вынужденъ былъ красить полы, крыши и наконецъ пасти свиней. Хорошъ переходъ изъ академическихъ залъ, наполненныхъ высокими, художественными образцами!» ⁵⁴ Если и не всѣ помѣщики такъ обращались со своими крѣпостными художниками, то все же жизнь послѣднихъ была не легкой.

Ихъ заставляли и писать картины, и работать въ кухнѣ или у стола и «учить своему искусству» дочерей, сыновей, племянниковъ и племянницъ хозяина. Извѣстный Василій Андреевичъ Тропининъ, находившійся крѣпостнымъ у графа Моркова «былъ въ то же время и учителемъ рисованія пятерыхъ дочерей и сыновей своего господина и дочери гувернантки. Оригиналы долженъ былъ Василій Андреевичъ добывать откуда хочетъ или рисовать ихъ самъ. Всего жалованья съ женой и сыномъ онъ получалъ въ годъ 36 р. и харчевыхъ 7 р. ассигнаціями». ⁵⁵

Когда живописецъ не былъ болѣе нуженъ для дома, его продавали, выѣзжалъ съ попугаями, свиньями, лошадьми, москками. Такъ «у Дмитрія Александровича Янькова былъ весьма даровитый художникъ Озеровъ, отлично писавшій иконы и картины.

Впослѣдствіи этого живописца Дмитрій Александровичъ продалъ съ женой и дочерью Оболянинову по невступной его просьбѣ за 2.000 рублей ассигнаціями». ⁵⁶

Такая дѣла за живописца, да еще съ дочерью и женой считалась по тому времени весьма хорошей.

Впрочемъ, нѣкоторые владѣльцы художниковъ болѣе гуманно относились къ нимъ и дѣлали все возможное, чтобы облегчить ихъ участь. Благодаря такимъ меценатамъ, какъ И. И. Шуваловъ, гр. А. С. Строгановъ и гр. Шереметевы — многіе крѣпостные ихъ кончили Академію Художествъ и сдѣлались знаменитыми. Всѣмъ извѣстенъ крѣпостной Строгановъ — А. Н. Воронихинъ — строитель Казанскаго собора,⁵⁷ Осодоръ Аргуновъ, строившій у гр. Шереметева въ Кусковѣ,⁵⁸ Шибановъ — крѣпостной Потемкина.⁵⁹

«У Е. П. Янковой былъ также свой архитекторъ — братъ камердинера ея мужа Александръ Михайловичъ Татариновъ. Онъ строилъ не только хозяйственныя постройки, но и церкви».⁶⁰

Крѣпостные архитектора Аракчеева Семеновъ и Минутъ сдѣлали также не мало для украшенія Грузина.⁶¹

Еще болѣе важную роль играли крѣпостные въ тѣхъ декоративныхъ работахъ, которыя требуютъ, главнымъ образомъ, природной сметливости и чувства красоты: въ рѣзбѣ мебели, росписи стѣнъ орнаментами, вышиваніи. Великолѣпно рѣзали по дереву шереметевскіе крестьяне,⁶² отличными художниками-столярами были крѣпостные князя Безбородки, убравшіе мебелью своей работы весь его пышный московскій домъ. Вижке-Лебрень, посѣтившая его, рассказываетъ:⁶³

«Les diverses habitations renfermaient un grand nombre d'esclaves, qu'il traitait avec la plus grande bonté, et aux quels il avait fait apprendre des métiers de différents genres. Lorsque j'allais le voir, il me montra des salons encombrés de meubles du célèbre ébéniste Daguère; la plupart de ces meubles avait été imités par ses esclaves, et il était impossible de distinguer la copie placée près de l'original. Ceci me conduisit à dire que le peuple russe est d'une intelligence extraordinaire; il comprend tout, et semble doué du talent d'exécution. Aussi le prince de Ligne écrivait-il: „Je vois des Russes à qui l'on dit: soyez matelots, chasseurs, musiciens, ingénieurs, peintres, comédiens, et qui deviennent tout cela selon la volonté de leur maître; j'en vois qui chantent et dansent dans la tranchée, plongés dans la neige et dans la boue, au milieu des coups de fusil, des coups de canon; et tous sont adroits, attentifs, obéissants et respectueux».

Отличные образцы мебели работы крѣпостныхъ имѣются въ Полотняномъ Заводѣ Гончаровыхъ. Это два круглыхъ стола маркетри съ подписью мастера: «П. Т. Олимпіевъ. 1839».

Кромѣ рѣзчиковъ и столяровъ у всѣхъ помѣщиковъ были рукодѣльницы, такъ забавно работавшія шелками и бисеромъ. Турки и турчанки съ огромными трубками, какіе то фантастическіе войны съ кривыми саблями, храмы любви, воркующіе голуби и собачки вѣрности — вотъ персонажи, излюбленные вышивальщицами крѣпостными. Отлично шили онѣ и бисеромъ, съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ двухаршинныя трубки, люстры, кошельки, чернильницы, акваріумы для рыбъ, туфли для господъ, ошейники для собакъ⁶⁴ и много всего нужнаго и ненужнаго.⁶⁵ Крѣпостныя дѣвки работали не только сами, но обучали своему искусству и хозяекъ-барышень. Въ деревенскомъ бездѣліи такія занятія убивали массу времени, а папаши и мамаша были всегда рады бисернымъ туфлямъ для себя и ошейникамъ для любимыхъ собакъ.

Въ первой четверти девятнадцатаго вѣка барышни занимались выши-
ваніемъ⁶⁶ шелками и бисеромъ, мозаикой и рисованіемъ. «Рисованье по
бархату было въ большомъ употребленіи», говоритъ современница: «п
англійскій бумажный бархатъ оттого очень вздорожалъ. Тогда рисовали
по бархату экраны для каминовъ, ширмы, подушки для дивановъ, а у
нѣкоторыхъ богатыхъ людей бывало и всю мебель на цѣлую комнату;
дѣлали рисованные мѣшки для платковъ или ридикюли, которые стали
употреблять послѣ того, какъ вышли изъ моды карманы, потому что
платья стали до того узкіе, что для кармановъ и мѣста не было».⁶⁷

Очень богатые помѣщики содержали даже свои спеціальныя ма-
стерскія и заводы для выдѣлки матерій.

«На подмосковной фабрикѣ Юсупова (Кунавна)», пишетъ миссъ
Вельмонтъ: «производство шалей и шелковыхъ тканей прекрасной выдѣлки
доведено до великаго совершенства, такіе же образцы матерій для ме-
бели, нисколько не уступающіе тѣмъ, которые мнѣ случилось видѣть въ
Лондонѣ».⁶⁸

Живопись въ исторіи крѣпостной Россіи дала намъ наиболѣе вы-
дающіеся таланты. Портретное искусство было необходимой частью по-
мѣщичьяго быта — всякій хотѣлъ имѣть изображеніе свое и близкихъ.
Эта настойчивая прихоть создала множество, если и не всегда хорошихъ
художниковъ, то весьма занимательныхъ бытописателей. Кривые и ко-
сые, неуклюжіе и неумѣлые портреты работы крѣпостныхъ имѣ-
ютъ для насъ драгоценную прелесть подлинныхъ документовъ. Это не
льстивыя «оды въ живописи», что писали любезники-иностранцы, это
не парадные портреты, представляющіе человека въ его «пріятнѣйшемъ
видѣ». Безхитростныя издѣлія крѣпостныхъ, почти кустарное творчество,
милое намъ, какъ милы рисунки дѣтей или наивныя стихи въ бабуш-
киномъ альбомѣ.

Прошка или Федька писалъ этихъ бригадировъ, городничихъ и
накрахмаленныхъ старухъ — намъ нѣтъ дѣла. Искусство крѣпостныхъ
незначительно въ каждомъ отдѣльномъ образцѣ его, неинтересно какъ
индивидуальное проявленіе творческаго духа. Это соборное искусство,
близкое къ пѣснямъ, вышивкамъ, кружевамъ, ко всему, что принято
называть «художественной промышленностью». И если нельзя признать
работы крѣпостныхъ за «музейную» или «галерейную» живопись, то,
все же, это несомнѣнно чисто декоративное искусство; декоративное,
какъ вышивки съ турками, какъ корявые квасники или лубочныя кар-
тины. Въ комнатѣ краснаго дерева, среди раскоряченныхъ креселъ и
дивановъ-увальней, портреты кисти Прошекъ, Федекъ и Гаврилъ вы-
глядятъ очень кстати. Къ тому же, среди сотенъ анонимовъ или ничего
не значущихъ именъ, встрѣчаются заслуживающіе большого вниманія.
Таковы Михаилъ Шибановъ, крѣпостной Потемкина — авторъ див-
ныхъ портретовъ Екатерины II и ея фаворита Мамонова, извѣстный
В. А. Тропининъ, крѣпостной графа Моркова, двое Аргуновыхъ, Иванъ
и Николай — крѣпостные Шереметевыхъ⁶⁹ и нѣкоторые другіе. Всѣ они
начали съ простыхъ ремесленниковъ и лишь потомъ выработались въ
крупныхъ мастеровъ. Многіе другіе навсегда такъ и остались неизвѣст-
ными, работая надъ украшеніемъ домовъ своихъ господъ, Благово

описываетъ расписанную крѣпостными усадьбу Римскихъ-Корсаковыхъ — Боброво, Калужской губерніи.⁷⁰

«Всѣ парадныя комнаты были съ панелями, а стѣны и потолки затянуты холстомъ и расписаны краской на клею. Въ залѣ нарисована на стѣнахъ охота, въ гостиной ландшафты, въ кабинетѣ то же, въ спальнѣ стѣны были расписаны боскетомъ; еще гдѣ то драпировкой или спущеннымъ занавѣсомъ. Конечно, все это было малевано домашними мазунами, но, впрочемъ, очень недурно, а по тогдашнимъ понятіямъ — даже и хорошо».

Цѣлую школу крѣпостныхъ живописцевъ подготовилъ въ XIX вѣкѣ А. В. Ступинъ, устроившій въ Арзамасѣ художественное училище, гдѣ образовалось множество учениковъ. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ⁷¹ воспитанниковъ Ступина постепенно значится «крѣпостной», «отпущенный на волю», а иногда и болѣе коварно: «обѣщана свобода». Нѣкоторые изъ нихъ достигли извѣстности и были въ послѣдствіи освобождены отъ крѣпостной зависимости, другіе, вѣроятно, навсегда остались въ усадьбахъ писать помѣщиковъ и ихъ дома. Изъ крѣпостныхъ бывшихъ учениковъ Ступинской школы въ исторіи русской живописи остались: Василій Расвъ — крѣпостной Кушелева,⁷² Кузьма Макаровъ,⁷³ Зайцевъ — авторъ любопытныхъ «Записокъ»,⁷⁴ Леонасій Надеждинъ (Степанова),⁷⁵ основатель художественной школы въ Козловѣ.

Правда, среди этихъ именъ нѣтъ ни одного выдающагося въ исторіи искусства, но быть можетъ, какъ это часто случается среди «забытыхъ», то и были самые занимательные. Вѣдь только рѣдкій случай помогалъ крѣпостнымъ получить отпусковую и часто тяжела была ихъ жизнь.

Извѣстный Василій Андреевичъ Тропининъ (1776-1857)⁷⁶ былъ также крѣпостнымъ и лишь 47 лѣтъ отъ роду отпущенъ на волю.⁷⁷ Тропининъ принадлежалъ сперва графу Антону Сергѣевичу Миниху и жилъ въ его селѣ Карповѣ, Новгородской губ. Отецъ Тропинина былъ управляющій графа.⁷⁸ «Тропининъ, не имѣя никакихъ руководствъ, доставалъ у школьныхъ товарищей кое какія лубочныя картинки и съ нихъ копировалъ самоучкой; но вмѣстѣ со страстью къ искусству не замедлили явиться и препятствія: по выходѣ изъ школы Тропининъ былъ взятъ въ господскій домъ на побѣгушки; но и тутъ находилъ онъ время рисовать, съ разрѣшенія верховыхъ дѣвушекъ, которыя, за его кротость и услужливость, нѣсколько потворствовали его художнической страсти. Когда господа выѣзжали изъ дому, онъ срисовывалъ все, что находилось въ ихъ комнатахъ маломальски художественнаго».

«Впослѣдствіи Тропининъ достался графу Ираклію Ивановичу Моркову, въ приданое за дочерью Миниха, Натальей Антоновной. Графъ Морковъ не былъ ни знатокомъ, ни любителемъ живописи и потому смотрѣлъ равнодушно на проявлявшееся въ мальчикѣ дарованіе. Отецъ просилъ графа отдать его въ ученіе къ живописцу; но получилъ въ отвѣтъ: «толку не будетъ» — и Тропининъ былъ отданъ въ домъ графа Завадовскаго, въ Петербургъ, въ ученіе къ кондитеру». Здѣсь обучался онъ до 1804 г. «конфектному мастерству». Вернувшись въ деревню къ своему барину, «онъ, соученикъ Кипренскаго и Варнека, вынуждаемъ былъ нерѣдко красить колодцы, стѣны, каретныя колеса».

«Въ 1815 году Василій Андреевичъ написалъ большую семейную картину, также для своего господина. Въ то время, когда эта картина писалась, графа посѣтилъ какой то учепый французъ, которому предложено было отъ хозяина взглянуть на трудъ художника. Войдя въ мастерскую Тропинина, бывшую во второмъ этажѣ барскаго дома, французъ, пораженный работою живописца, много хвалилъ его и одобрительно пожималъ ему руку. Когда, въ тотъ же день, графъ съ семействомъ садился за обѣденный столъ, къ которому приглашенъ былъ и французъ, въ многочисленной прислугѣ явился изъ передней наряженный парадно Тропининъ. Живой французъ, увидавъ вошедшаго художника, схватилъ порожній стулъ и принялся усаживать на него Тропинина за графскій столъ. Графъ и его семейство этимъ поступкомъ иностранца были совершенно сконфужены, какъ и самъ художникъ-слуга. Вечеромъ того же дня гр. Марковъ обратился къ своему живописцу:

«Послушай Василій Андреевичъ, твое мѣсто, когда мы кушаемъ, можетъ занять кто нибудь другой». ⁷⁹

Однако, Тропинину все же посчастливилось и онъ въ 1823 г. — хотя уже сорока семи лѣтъ — получилъ отпускную. Трагичѣе была судьба другого художника — Александра Полякова, двороваго человѣка помѣщика Корнилова.

«Поляковъ, по разсказу академика живописи, Егора Яковлевича Васильева, ⁸⁰ былъ ученикомъ отца академика, Якова Андреевича Васильева, который, понабѣясь на данное слово помѣщика относительно будущей участи мальчика, съ особенною заботливостію занимался художественнымъ образованіемъ его, такъ что Поляковъ, оказавъ замѣчательные успѣхи, получилъ академическія медали, ознакомился съ образованнымъ обществомъ, писалъ портреты въ петербургскихъ лучшихъ домахъ и получалъ за нихъ, въ то время, по 400 рублей ассигнаціями».

Въ 1822 г. Поляковъ отданъ своимъ владѣльцемъ «на выучку» къ Дау, ⁸¹ который былъ занятъ портретами генераловъ для галереи 1812 г. «Поляковъ такъ перенялъ его манеру, что нѣкоторые портреты его работы сходили за повторенія самого Дау. Разсказываютъ, что Дау просто подписывалъ своимъ именемъ портреты, написанные Поляковымъ, и что будто бы по этому поводу, въ Комитетѣ Общества Поощренія Художниковъ даже былъ составленъ докладъ о его предосудительныхъ дѣйствіяхъ. Очевидцы разсказываютъ, что Поляковымъ былъ написанъ въ 6 часовъ поясной эскизъ портрета Мордвинова». ⁸²

«Но вдругъ баринъ потребовалъ къ себѣ Полякова навсегда. Добрышій, доврчивый, но обманутый помѣщикомъ, Яковъ Андреевичъ Васильевъ пришелъ въ негодованіе..., наконецъ подалъ по этому случаю прошеніе въ Академическій совѣтъ; но въ собраніи Совѣта могли лишь постановить правиломъ для всѣхъ членовъ Академіи не принимать впредь въ ученики людей крѣпостного званія». ⁸³ И даже Оленинъ, президентъ Академіи, находилъ ненужнымъ заботиться объ этомъ рода людяхъ, ибо «изъ крѣпостныхъ ни одинъ не остался порядочнымъ человѣкомъ». ⁸⁴

«Поляковъ, по настоячивому приказанію своего господина, сопровождалъ его на заняткахъ кареты по Петербургу и ему случалось вы-

кидывать подножки экипажа передъ тѣми домами, въ которыхъ произведенія его, красуясь въ богатыхъ раззолоченныхъ рамкахъ на стѣнахъ, составляли утѣшеніе и радость семействъ и гдѣ самъ онъ прежде пользовался почетомъ, какъ даровитый художникъ. Поляковъ вскорѣ спился съ кругу и пропалъ безъ вѣсти». ⁸⁵

Впрочемъ, какъ писалъ Поляковъ — я не знаю, такъ какъ ни разу мнѣ не пришлось видѣть его работъ. Также загадкой остался Григорій Озеровъ, крѣпостной Дмитрія Александровича Янькова, расписавшій иконостасъ для его церкви въ «Бобровѣ», Калужской губерніи. ⁸⁶ «Озеровъ былъ изъ дворовыхъ людей и съ дѣтства имѣлъ способность къ рисованію. Видя это, Дмитрій Александровичъ отдалъ его куда то учиться, а послѣ того заставлялъ много копировать и такъ доучилъ его дома. И хотя этотъ крѣпостной художникъ и не былъ особенно талантливъ, но умѣлъ отлично копировать». ⁸⁷

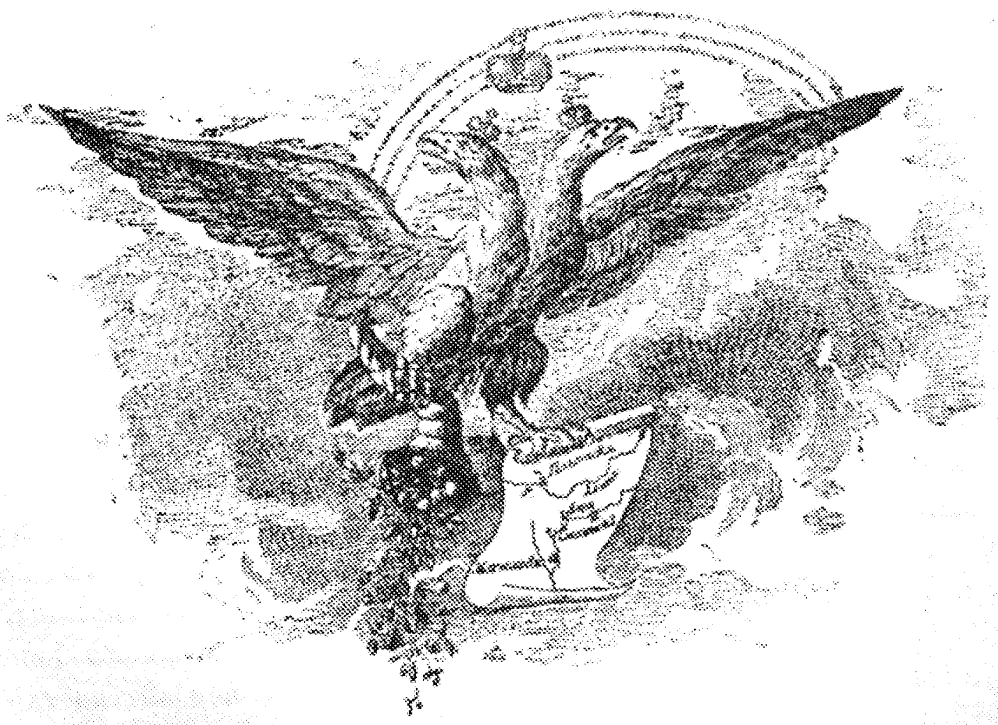
Однажды Озеровъ такъ искусно скопировалъ четыре картины «Кочующіе цыгане», что никто не могъ отличить оригиналовъ отъ копій. «Но все, что Григорій писалъ изъ своей головы, никуда не годилось, выходило аляповато и нескладно, а лица какія то криворотыя, фигуры долговязыя и пренеуклюжія». ⁸⁸

Неизвѣстно также, какъ писалъ Иванъ Зайцевъ — крѣпостной Рандева, а также его отецъ, о которомъ Зайцевъ рассказываетъ. ⁸⁹ «Отецъ мой былъ хорошій живописецъ; онъ, по фантазіи своихъ господъ, выполнялъ ихъ приказанія: красилъ полы, комнаты, расписывалъ потолки, писалъ портреты, дѣлалъ иконостасы и даже такія картины, которыя не дозволяется смотрѣть открыто; эти картины были слишкомъ гадки и неприличны. Отецъ скрывалъ ихъ въ одномъ чуланѣ, подъ замкомъ; но для насъ, дѣтей, то то и интересно, что запрещается, и я ухитрился поглазѣть на нихъ и до сихъ поръ еще помню всѣхъ этихъ бахусовъ, вакханокъ и силеновъ».

Отличнымъ живописцемъ былъ Федоръ Андреевичъ Туловъ, крѣпостной графа Бенкендорфа, «жившій въ Пропойскѣ и занимавшійся астрономіей». ⁹⁰ Прекрасно нарисованъ, ярко и выпукло написанъ имъ портретъ семьи Шаховскихъ, ⁹¹ гдѣ въ трогательномъ единеніи изображены четырнадцать членовъ семьи: старики, молодые и дѣти. Этотъ портретъ по своей мѣткой характеристикѣ и пріятной темной гаммѣ красокъ — отличный образецъ крѣпостного искусства. Значительно хуже и даже совсѣмъ плохи, но чрезвычайно курьезны двѣ работы крѣпостныхъ Шереметева, находящіяся въ Останкинѣ. Это пребезобразныя nature morte, забавныя только тѣмъ, что онѣ подписаны: Григоріемъ Тепловымъ и Трофимомъ Дьяковымъ, которые «строчили» эти картины. ⁹²

Нѣсколько учениковъ-крѣпостныхъ было и въ школѣ Венеціанова: Александръ Алексѣевичъ Алексѣевъ — авторъ неизвѣстно гдѣ находящейся картины «Мастерская Венеціанова» (крѣпостной О. Н. Кумановой); принадлежавшій той же помѣщицѣ А. А. Златовъ. ⁹³ Еще много отдѣльных свѣдѣній попадаетъ въ архивныхъ дѣлахъ и книгахъ, но жизнь почти всѣхъ этихъ художниковъ, а также ихъ работы, намъ неизвѣстны. Большею славою пользовались Аргуновы — отецъ и сынъ, Вороникины, но они, хотя и бывшіе крѣпостные, но все же не пред-

ставители «крѣпостной живописи». Культурное отношеніе къ нимъ ихъ владѣльцевъ и серьезная художественная школа, которую они про-
няли, заставляютъ считать ихъ скорѣе «воспитанниками» помѣщиковъ,
чѣмъ ихъ подневольными слугами. Чудесскія затѣи и самодурныя вы-
думки доморощенныхъ меценатовъ не оставили отпечатка на нихъ. Но
потому на ихъ спокойномъ творчествѣ и не запечатлѣлась та азіатская
дурь, что такъ пряно-хороша на лубочныхъ издѣліяхъ. Образцы та-
кой, скорѣе курьезной, чѣмъ красивой живописи сохранились въ Мѣд-
номъ подѣ Петербургомъ, въ бывшемъ имѣніи Саввы Яковлева. Кто
авторъ этихъ въ ростъ человѣческихъ портретныхъ фресокъ, гдѣ Ма-
лашки и Дуньки, Федьки и Ваньки представлены богами мифологіи: ку-
черъ — Парисомъ, коровница — Еленой, босоногія дѣвки — богинями? Не-
сомнѣнно это крѣпостной. Лишь «домашній художникъ», по приказанію
барина, могъ намалевать столь дикіе, но все же не лишенные прелести
живописные курьезы. Среди часто скучныхъ, хотя и не плохихъ живо-
писныхъ работъ русскихъ академиковъ пачала Александрова вѣка —
такія произведенія говорятъ о несомнѣнномъ дарованіи, хотя и не умѣ-
лаго, но все же даровитаго и чувствующаго краску дикаря. Столяры и ме-
бельщики, рѣзчики, рукодѣльницы, маляры и крѣпостные живописцы, —
можетъ быть придетъ время и всѣ станутъ любить васъ, какъ полюбили
деревенскаго кустаря или анонимныхъ творцовъ народныхъ пѣсенъ!..

ВЪ БЫЛОЕ ВРЕМЯ.

При чтеніи старинныхъ описаній Россіи, составленныхъ отечественными и заѣзжими путешественниками, ясно видишь, какъ высока была культура Екатерининскаго вѣка и какъ страшно низко пали мы съ тѣхъ поръ.

Въ старой Россіи были моменты, въ которые русскіе люди сумѣли при помощи своихъ и чужихъ рукъ создать искусство, почти равное западному. Правда, этого нельзя сказать про общій уровень помѣщичьей Россіи, но все же встрѣчались исключенія, которыхъ теперь нѣтъ. И даже скептическіе иностранцы, называвшіе въ XVII вѣкѣ и называющіе теперь русскихъ варварами, въ XVIII столѣтіи единогласно признавали умѣніе этихъ дикарей до обмана притворяться культурными. Эта игра въ европейцевъ была такъ хороша, что даже съ теперешнимъ историческимъ оглядомъ она кажется намъ почти дѣйствительной жизнью, а не бутафорской постановкою. Но и тамъ, гдѣ видишь это «театральное дѣйство», — любишь и цѣнишь его за его подлинную талантливость и самобытную красоту.

Въ устройствѣ помѣщичьихъ домовъ наиболѣе ярко выявились вкусы и мечты ихъ обитателей. Дѣйствительно, эти дома, хотя и не имѣвшіе историческихъ традицій, очень скоро становились родовыми гнѣздами, обживались и пріобрѣтали ласковый уютъ. Многіе помѣщики, дабы не нарушать своего спокойнаго созерцанія любимыхъ предметовъ, строили почти одинаковыя жилища, какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ. «У одного графа Толстого»,⁹⁴ пишетъ Благово: «было два совершенно одинаковыхъ дома: одинъ въ Москвѣ, другой въ деревнѣ. Оба были отдѣланы совершенно однимъ манеромъ: обои, мебель, словомъ все какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ. Это для того, чтобы при перѣздѣ изъ Москвы въ деревню не чувствовать ни какой перемены».

Эта любовь къ привычной обстановкѣ, а съ другой стороны тщеславіе заставляли почти всѣхъ богатыхъ людей строить въ глуши своихъ деревень дома-дворцы, ничѣмъ не уступавшіе городскимъ. Огромный штатъ крѣпостныхъ мастеровъ, руководимыхъ иностранными художниками, позволялъ русскимъ меценатамъ-самодурамъ воздвигать въ деревнѣ грандіозныя сооруженія. Такъ было не только возлѣ обѣихъ столицъ, но и въ глухой провинціи.

Южная Россія со временъ Разумовскаго и Румянцева стала центромъ художественныхъ затѣй. Здѣсь строили елисаветинскіе фавориты свои архитектурныя громады, здѣсь при Екатеринѣ были воздвигнуты Ляличи и отсюда вышли два лучшихъ русскихъ художника: Левицкій и Боровиковскій. Въ старинныхъ книгахъ не разъ встрѣчаются описанія великолѣпныхъ помѣстій и пригородныхъ домовъ прежней Россіи. Самые старыя изъ этихъ построекъ находились вблизи Петербурга, гдѣ со временъ Петра сосредоточилась придворная жизнь. Лучшія пригородныя усадьбы принадлежали знатымъ иностранцамъ, которые были болѣе избалованы, привыкли къ роскоши за границей. Но и русскіе вельможи, съ чисто азіатской пышностью и великолѣпіемъ, украшали свои загородныя жилища.

По гравюрамъ Махаева,⁹⁵ мы можемъ составить себѣ представленіе о фантастически прекрасныхъ дачахъ барона Вольфа⁹⁶ или графини Бестужевой,⁹⁷ урожденной графини Беттингеръ.

Домъ послѣдней находился вблизи города, на Крестовскомъ островѣ. Столь же феерично-прекрасны были дачи Шувалова и Строганова на Петергофской дорогѣ. Кѣмъ строились эти великолѣпные дворцы — сказать трудно. Но весьма вѣроятно, что авторами ихъ являлись иностранцы, такъ какъ и городскіе дома поручались имъ. Въ царствованіе Екатерины Великой постройка дачъ сдѣлалась всеобщей маніей, которая продолжалась до 50-хъ годовъ девятнадцатаго вѣка.

Георги упоминаетъ о рядѣ загородныхъ дворцовъ, существовавшихъ въ 1794 г. въ окрестностяхъ Петербурга. Близъ Екатерингофа, на кругломъ лѣсистомъ островѣ, стояла усадьба Рѣзваго «съ знатными деревянными жилыми строеніями».

«По Рижской или Петергофской дорогѣ находятся, начиная отъ градскихъ воротъ, по обѣимъ сторонамъ дороги до Черной рѣчки — сады съ деревянными и каменными жилыми и лѣтними домами и между оными преимущественно бывшій Графа Строганова, нынѣ Императорскій садъ у самыхъ воротъ по лѣвой сторонѣ дороги. Садъ расположенъ по Англическому вкусу и въ ономъ есть каменный жилой домъ въ 2 этажа, съ большимъ бельведеромъ. Въ прошедшее лѣто жительствовавъ въ ономъ Принцъ Курляндскій».⁹⁸

«На Карельской сторонѣ, близъ Охты — садъ графа Безбородки и нѣкоторые другіе, такъ какъ и пониже на Выборгской сторонѣ и на правомъ берегу Невки сады Графа Строганова и Графини Головкиной съ ихъ дворцами и павильонами. Въ Охтинскомъ уѣздѣ между помѣщичьими мызами, есть въ Парголовѣ принадлежащій Графу Шувалову и находящійся на Выборгской дорогѣ въ 15 верстахъ отъ Санктпетербурга, сады преимущественные какъ ради мѣстоположенія, такъ и ради искусственнаго расположенія оныхъ. Въ Муринѣ, Россійской деревнѣ Графа Воронцова, находящейся на правомъ берегу Охты, въ 8 верстахъ выше Охтинскихъ пороховыхъ заводовъ, есть знатныя господскія каменные жилыя строенія, прекрасный садъ съ валами и наипрекраснѣйшая каменная церковь».⁹⁹ Тутъ же была и Морія имѣніе барона Фредерикса.

На лѣвомъ берегу Невы, при впаденіи Тосны, въ 35 верстахъ отъ Петербурга находилась мыза Пелла.

«Пелла былъ прежде загородный домъ Тайнаго Совѣтника и Сенатора Неплюева. Ея Императорское Величество купила оный въ 1784 году и повелѣла подъ смотрѣніемъ Старова и Козелова (sic) начать строеніе Императорскаго увеселительнаго замка богато и великолѣпно заложенаго; оное уже довольно успѣло, прерывалось однако же войнами и въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1793 года еще не было совершено».

«Пелла состоитъ изъ нѣкотораго числа отдѣленно стоящихъ строеній или павильоновъ, различнаго виду, положенія и величины, между коими отличаются пять, ради архитектурныхъ своихъ украшеній. Два изъ оныхъ стоятъ у берегу, изъ коихъ одно опредѣлено для пребыванія Ея Императорскаго Величества, а другое для Императорскаго Дому. Между оными стоитъ самое большое или главное строеніе. Оно имѣетъ

Белая гостиная.

Le salon blanc.

„Грузино“, Новгородской губ. Бывшее имение графа Аракчеева.
„Grouzino“, près Novgorod. Ancien château du comte Arakitcheff.

Внутренний вид церкви.

Intérieur de l'église.

„Петровский“, церковь Москов. Собора, кн. А. М. Голицына.
„Petrovskoi's", près Moscou. App. au pr. A. Galitzine.

чрезвычайно великій залъ, украшенный на подобіе заловъ въ Римскихъ баняхъ и снабженный всѣми потребностями для большихъ торжествъ. Кухни, оранжереи, сараи, конюшни суть на весьма большомъ открытомъ, еще нераздѣленномъ мѣстѣ. Разныя изъ сихъ строеній соединены аркадами, галереями или колонадами такимъ образомъ, что они со стороны земли, съ которой къ онымъ прѣзжаютъ, составляютъ нѣчто цѣлое, содержащее въ себѣ разныя дворы и сады. Послѣдніе еще не заложены, должны однако же быть расположены по Аглинскому вкусу, со многими картинными перемѣнами». ¹⁰⁰

Императрица очень любила Пеллу и часто туда ѣздила. Въ дневникѣ Храповицкаго постоянно встрѣчаются записи: «походъ въ Пеллу къ обѣду», «ѣздили въ Пеллу для вѣчанія Михаила Сергѣича Потемкина съ Т. В. Энгельгардтъ»; «приказано ѣхать въ Пеллу, гдѣ былъ ночлегъ. Зданіе прекрасное и садъ не терпитъ колифише»; 1789 г. — «по собственнымъ отмѣткамъ, приказано, чтобъ Гваренти сдѣлалъ рисункиobeliskамъ для Пеллы, на побѣды нынѣшней войны». ¹⁰¹

Въ Софійскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу Невы до рѣки Тосны, находились Озерки. «Когда покойный Князь Потемкинъ-Таврическій получилъ Озерки, то построенъ былъ на одномъ изъ озерковъ великолѣпный увеселительный фрегатъ, въ лѣсу деревянный для баловъ домъ. Домъ для баловъ, подаренный Княземъ, стоитъ нынѣ (1794 г.) по Петергофской дорогѣ». ¹⁰²

На 11-й верстѣ находился знаменитый нѣкогда Александровскъ — мѣсто пребыванія вдовствующей супруги покойнаго Г. генералъ-Прокурора и Кавалера Александра Алексѣевича Вяземскаго простирается на цѣлую версту. Съ 1780 года сдѣланы въ ономъ разныя учрежденія съ изящнымъ вкусомъ.

«Знатный, въ 3 этажа вышины выстроенный господскій дворецъ находится на лѣвой сторонѣ дороги, на лѣвомъ берегу Невы. Передъ дворцомъ есть садъ замка со многими теплицами, оранжереею и пр. и подлѣ онаго находятся четыре для домоводства украшенныя строенія, изъ коихъ каждое маленькую башню имѣетъ». Далѣе былъ затѣйливый, «весьма увеселяющій Аглинскій садъ». ¹⁰³

Чесменскій замокъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы говорить о немъ подробно. ¹⁰⁴ Меньше свѣдѣній осталось объ имѣніяхъ Демидовыхъ. «Въ странѣ вѣ Гатчинскаго уѣзда находятся разныя достопамятныя деревни. Въ Сиворицахъ, мызѣ Г. Барона (sic) Петра Григоріевича Демидова и Тайцахъ Г. Барона (sic) Александра Григоріевича Демидова, находятся знатныя и со вкусомъ по начертанію Г. Старова выстроенныя господскіе каменные дворы и превосходныя увеселительныя сады». ¹⁰⁵

Далѣе, близъ деревень Екатерингофъ, Анненгофъ и Елисаветгофъ, были опять пригородныя имѣнія. «Прѣхавъ нѣсколько садовъ, простирающихся отъ Петергофской дороги до залива, находится у воды знатный каменный загородный домъ съ большимъ лѣсомъ и садомъ, принадлежащій Князю Вяземскому; оный однако же не содержитъ въ хоршемъ состояніи и садъ совсѣмъ одичалъ. Подалѣе находился деревянный загородный домъ князя Трубецкаго съ принадлежащимъ къ оному мѣстомъ у берегу. Изъ онаго сдѣлали купцы сахарный заводъ»... ¹⁰⁶

Въ Ораніенбаумскомъ уѣздѣ также было множество дачъ. «Сѣмизы возведены мало по малу по построеніи Императорскихъ увеселительныхъ замковъ. Число загородныхъ домовъ по сей большой дорогѣ умножается еще безпрестанно; ибо достаточныхъ особъ, имѣющихъ нужду по происшествіи долговременной зимы воспользоваться лѣтнимъ воздухомъ, увеселеніями и сельскими пріятностями, здѣсь много, также и приписывается пребываніе въ лѣтнемъ домѣ къ изящному образу жизни». ¹⁰⁷ «Гдѣ большая дорога идетъ черезъ мостъ изъ тесаннаго дикаго камня черезъ рѣчку Черную сѣвѣланнѣй, находится по лѣвой сторонѣ большой дороги бывшій Чичерина загородный домъ, принадлежащій нынѣ Армянскому заводчику Маничару. Строенія суть деревянныя и такъ, какъ и садъ, не содержатся въ хорошемъ состояніи».

«Бывшій Графа Скавронскаго, потомъ Воронцова загородный домъ, принадлежащій нынѣ купцу Северину, простирается отъ правой стороны дороги до залива. Знатныя деревянныя строенія и плодоносный и увеселительный садъ содержатся въ хорошемъ состояніи, и оный еще Англическимъ садомъ увеличенъ и украшенъ».

«Дача Статской Совѣтницы Убри и купца Бетлинга на 2 верстѣхъ суть на двѣ части раздѣленное мѣсто, каждая по правой сторонѣ дороги на 50 сажень поперешнику и простираются, такъ какъ и всѣ слѣдующія отъ правой стороны дороги до залива. Обѣ имѣютъ деревянныя загородныя дома и передъ оными увеселительный и плодоносный садъ... Бетлингова дача содержится въ наилучшемъ состояніи, имѣетъ покрытыя аллеи съ обсаженными деревьями, плющевыя бесѣдки, цвѣтныя грядки, плодоносныя деревья, теплицы и огороды».

«Дача содержателя пенсіона Палмиеръ, по правой сторонѣ дороги имѣетъ по 100 сажень ширины, два деревянныя загородныя дома и расположена такъ какъ обѣ прежде описанныя».

«Бывшая Соймонова, нынѣ Измайлова дача по правой сторонѣ дороги на третей верстѣхъ не давно заложена. Передъ знатнымъ, деревяннымъ домомъ въ 2 этажа и съ бельведеромъ выстроеннымъ, находится у дороги знаменитый прудъ съ перевозомъ и позади дома увеселительное мѣсто для прогулки, съ каналами, дорожками, храмами, бесѣдками и пр. до залива простирающееся и имѣющее также при ономъ два деревянныя загородныя дома».

«Дача Обершенка Ея Императорскаго Величества Александра Александровича Нарышкина, Красною Мызою называемая, на 4 верстѣхъ, имѣетъ по лѣвой сторонѣ дороги деревянный лѣтній дворецъ окруженный деревнею въ Голландскомъ вкусѣ построенною, садомъ и Англическимъ лугомъ. Главный садъ простирается по правой сторонѣ дороги на 200 сажень, и отъ дороги до морского залива на одну версту отстоящаго. Оный состоитъ въ увеселительномъ саду въ Англическомъ вкусѣ, съ широкими рвами и многими островками, холмиками, домомъ для баловъ, круглымъ храмомъ, разнообразными домиками и бесѣдками, качелями и пр.»

«Каналы снабжены плотами и прекрасными гондолами также находятся въ оныхъ пеликаны, лебеди, чужестранныя утки. Одна часть

Белый зал (деталь).

Le salon blanc (détail).

„Никольское“, под Москвою. Соборъ кн. А. Н. Голицыной.
„Nikolskoyé“, près Moscou. App. à la princesse A. Galitzine.

Деталь окна из одной из комнат.

Détail d'une fenêtre.

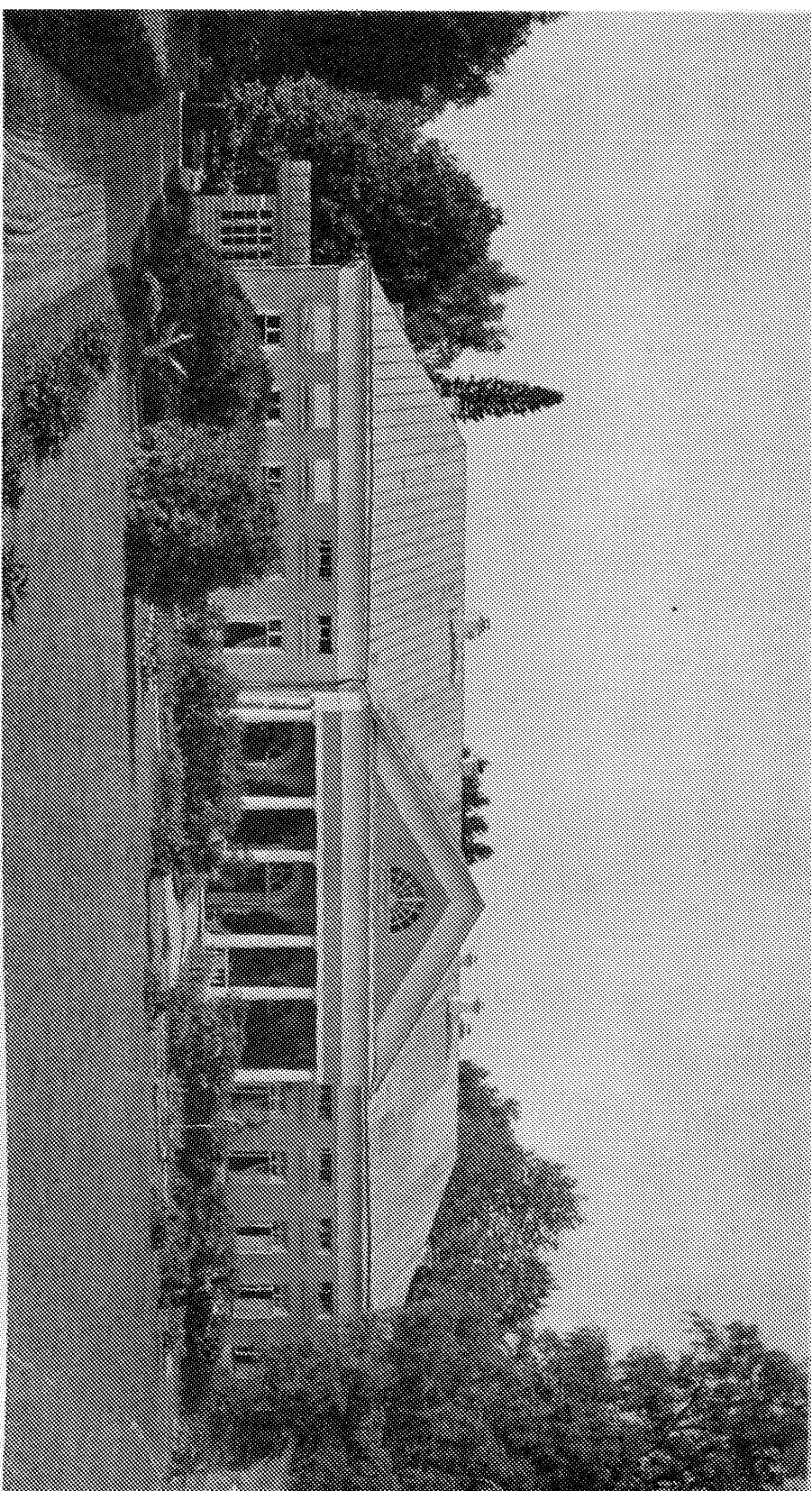
„Никольское“, подъ Москвою. Собств. кн. А. Н. Голицыной.
„Nicolskoe“, près Moscou. App. à la princesse A. Galitzine.

Белый залъ.

Le salon blanc.

„Никольское“, подъ Москвою. Собств. кн. А. Н. Голицыной.
„Nikolskoe“, près Moscou. App. à la princesse A. Galitzine.

Норманская школа.

„Норманская“ школа Мемориа Коледжа при А. Н. Континентал
„Нордвуд“, при Мемориа Коледжа при А. Н. Континентал.

Колледж Мемориа.

лѣса составляетъ небольшой звѣринецъ для красныхъ звѣрей. Многіе въ несчастное удивленіе приводящіе предметы, суть причиною, что оный обыкновенно Россійскимъ восклицательнымъ названіемъ Ба! Ба! именуется».

«Дача Княгини Екатерины Романовны Дашковой, Киръ и Анова оподлѣ Ба! Ба! простирается по большой дорогѣ на 100 сажень и отъ оной до залива. Она была смѣшенный, болотный лѣсъ, и приведена въ нынѣшнее состояніе самою Княгинею безъ помощи архитектора или садовника, какъ въ заложении такъ и въ точномъ исполненіи всѣхъ предпріятій. Знатныя каменные строенія составляютъ со флигелями открытый дворъ, до большой дороги простирающійся и при оной различными деревьями насажденный. Подлѣ строеній находится плодоносный садъ съ теплицами. Позади строеній есть смѣшанный лѣсъ съ знатымъ лугомъ, подлѣ ручейка и знатныхъ каналовъ, окружающихъ также небольшой островъ съ банею. Въ лѣсу идутъ прямая извилистая дорожки къ морскому заливу, при которомъ находятся два каменные дома, и между обоими главный входъ».

«Бывшая Мордвинова дача по правой сторонѣ дороги, подлѣ Дашковой, принадлежитъ нынѣ купцу Болину. Она имѣетъ деревянный, въ 2 этажа вышины выстроенный домъ съ бельведеромъ, передъ онымъ великія луга, съ двумя небольшими загородными домами и на сторонѣ залива мѣсто для прогулки». ¹⁰⁸

Дальше, по направленію къ Ораніенбауму, по большой Петергофской дорогѣ находились: «Деревянный загородный домъ наслѣдниковъ Маріи Павловны Нарышкиной по лѣвой сторонѣ дороги на возвышенной плоскости, принадлежалъ сперва Императорскому лейбъ-медику Лестоку и подобный оному въ близости находящійся, Нарышкинскому дому».

«Левенталь называется загородный домъ и „Га! Га!“ (Россійское восклицательное названіе) садъ Оберъ-шталмейстера Ея Императорскаго Величества Льва Александровича Нарышкина, на 6 верстѣ большой дороги. По лѣвой сторонѣ дороги находится такъ какъ и въ „Ба! Ба!“ знатный жилой домъ въ 2 этажа съ садомъ, а по правой главный садъ простирающійся до морского залива. Оный состоитъ въ увеселительномъ лѣсу въ Англическомъ вкусѣ, съ прудомъ, храмомъ, великолѣпнымъ Китайскимъ мандариннымъ дворомъ, однимъ Россійскимъ и однимъ Голландскимъ крестьянскимъ дворомъ, жилищемъ пустынника, бесѣдками. Передъ жилымъ домомъ находится столбъ, сооруженный въ память Императорскаго посѣщенія. Сей увеселительный садъ также безпрестанно открытъ для публики».

«Дача Вице-канцлера Графа Ивана Андреевича Остермана на 7 верстѣ, принадлежала сперва Графу Сиверсу, а потомъ князю Потемкину. Она имѣетъ по лѣвой сторонѣ дороги на скатѣ возвышенной плоскости у берега залива находящейся, каменный дворецъ въ 2 этажа вышины, съ четверостороннею, отсѣченною башнею, снабденною бельведеромъ и боевыми часами. Главное строеніе соединено съ каждой стороны помощью колоннады съ отдѣленнымъ флигелемъ. Позади дворца есть большій плодоносный и увеселительный садъ съ теплицами, оранжереєю, каналами, увеселительными домиками, бесѣдками. На супротивъ по другой

сторонѣ дороги есть большой Аглинскій садъ, съ каналами, прудомъ, гротами, водопадомъ, бесѣдками».

«Всѣ до Стрѣльны слѣдующія мызы находятся по лѣвой сторонѣ большой дороги, на возвышенной плоскости, коея скагъ у берега расположенъ для прогулокъ, или употребленъ на передніе сады».

«Бывшій Чулкова загородный домъ деревянный, имѣетъ токмо малый садъ и принадлежитъ купцу Бахерхорту».

«Въ саду покойнаго Графа Брюса есть деревянный загородный домъ съ бельведеромъ и большой садъ въ Аглинскомъ вкусѣ, пашни, луга, огородъ, каналы, бесѣдки и особливо на острову въ пруду находящемся прекрасный большой домъ для купанья, въ коемъ потолоки и стѣны росписаны живописью *al fresco*».

«Загородный домъ Графа Воронцова на 8 верстѣ есть каменный; въ ономъ, такъ, какъ и въ саду, есть разныя увеселенія».

«Дача Графа Панина подлѣ Воронцовой, принадлежала сперва Вице-канцлеру Графу Никитѣ Ивановичу Панину, потомъ князю Мещерскому, а нынѣ Графу Петру Ивановичу Панину. Жилый домъ есть деревянный и состоитъ изъ 3 зданій въ одинъ рядъ, соединенныхъ между собою колоннадами. Садъ такой же какъ выше описанный Остермановый».

«Мыза Графа Чернышева имѣетъ каменный дворецъ, и кромѣ сего во всемъ подобна Паниновой».

«Деревня „Литова“, принадлежавшая сперва Князю Орлову, а нынѣ Генералъ-Маюру Буксгевдену, въ 1 версту отъ лѣвой стороны дороги имѣетъ каменный господскій домъ съ бельведеромъ, садомъ и знатною водяною мельницею».

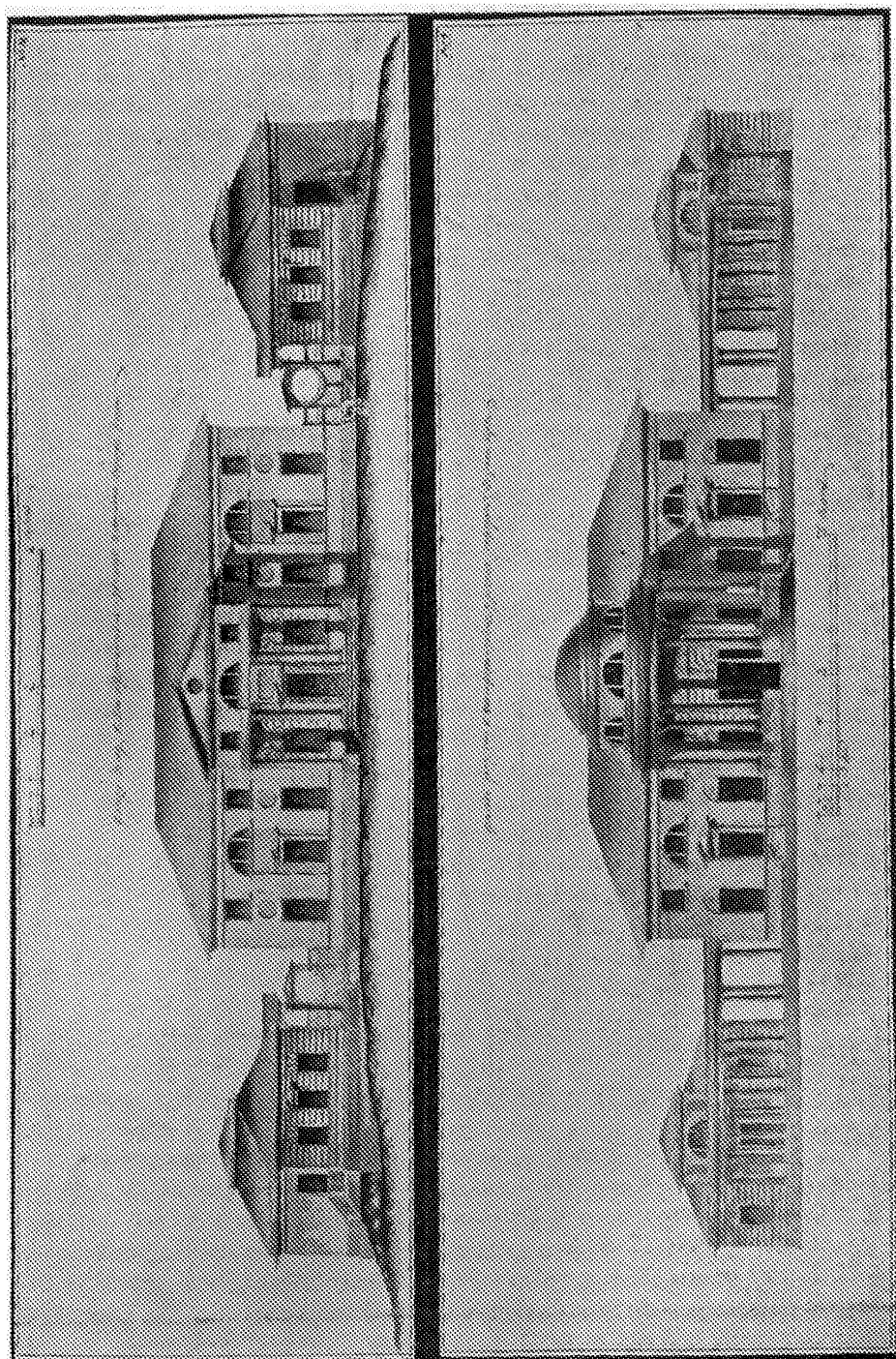
«Бывшій Олсуфьева загородный домъ на 10 верстѣ есть деревянный и имѣетъ по переди онаго цвѣтникъ и лугъ, а позади голландскій великолѣпный и плодоносный садъ. Мыза барона (sic) Александра Григорьевича Демидова на 12 верстѣ имѣетъ каменный жилой домъ, съ бельведеромъ, по переди онаго на низкомъ берегу голландскій садъ и луга, а позади онаго смѣшанный лѣсъ съ содержанными въ ономъ красивыми звѣрьми».

«Загородный домъ князя Репнина по лѣвой сторонѣ дороги на 17 верстѣ имѣетъ Аглинскій садъ и деревянные строенія, со всемъ въ Китайскомъ вкусѣ. Два Китайскіе дома соединены между собою длиною покрытою колоннадою. Главное строеніе имѣетъ множество малыхъ комнатъ съ Китайскими обоями, картинами, коврами, стульями, постелями для отдохновенія, фарфоромъ, идолами, куклами. Меньшій домъ расположенъ для китайскаго домоводства, содержитъ кухню, печи, столовый приборъ, людскіе покои».

«Я умалчиваю», заканчиваетъ Георгі: «о многихъ частію меньшихъ частію мнѣ не столь извѣстныхъ, и частію не въ столь хорошемъ состояніи содержимыхъ загородныхъ домахъ».¹⁰⁹

Великолѣпны должны были быть эти пригородные мѣста въ Екатерининское время и грустно подумать, какъ скоро исчезло все.

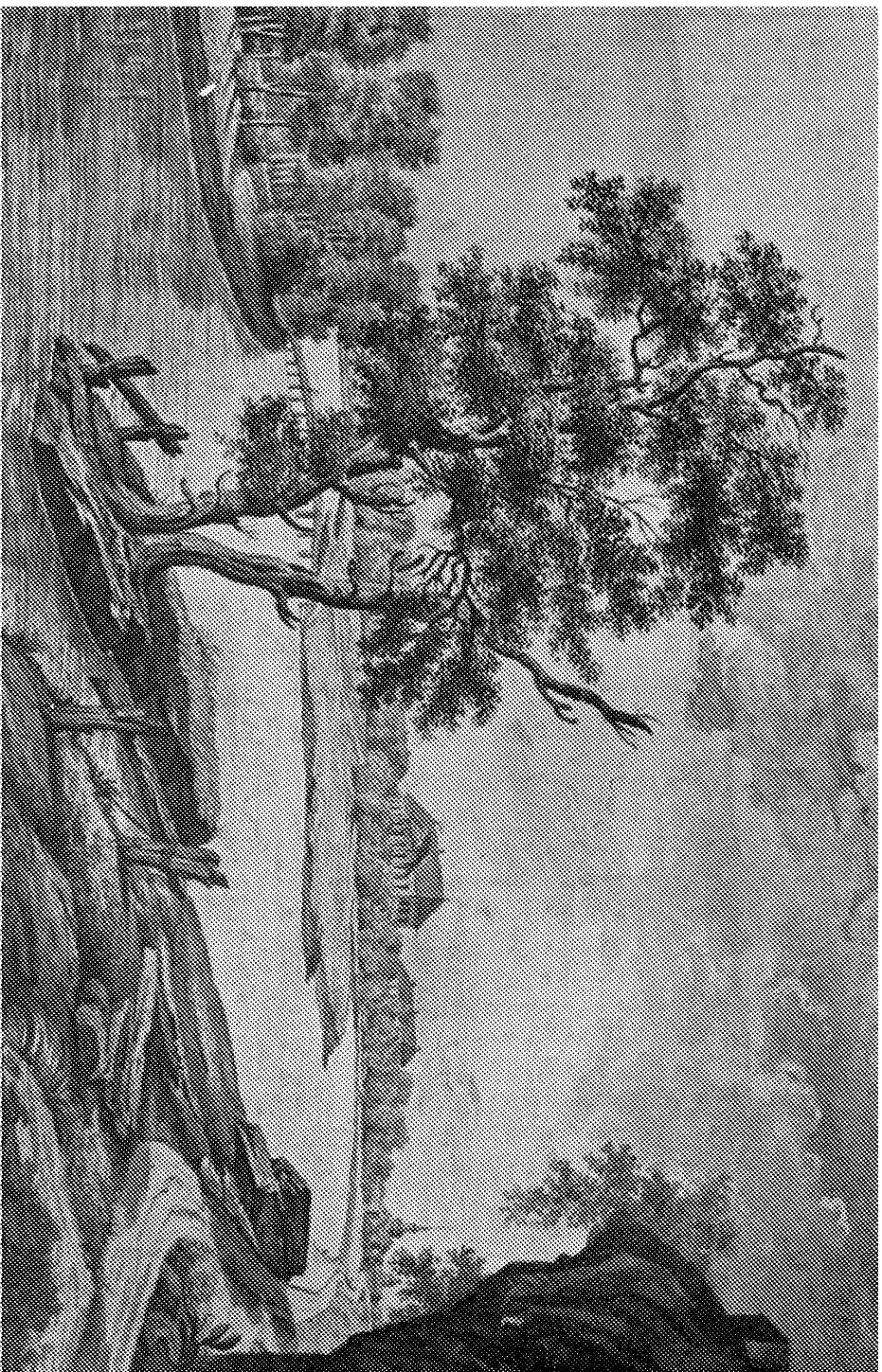
Въ царствованіе Александра I болѣе модными мѣстами стали острова — Елагинъ, Крестовскій и Каменноостровскій, особенно послѣ постройки Императоромъ Елагинскаго дворца. Въ описаніяхъ Петербурга

Проект «большого дома».

Проект де ла «maison de bois».

«Норвич-Спрингс», Восточной гв. Собор. на К. Ф. Массачусеттс-Спрингс.
«Редмонд-Спрингс», при Восточ. Апп. и в притворе Чарльз-Спрингс.

Видъ замка „Пробора“, situated въ окрестностяхъ р. Б. Дунавъ.
 Аquarelle de Н. Н. Павлинъ.
 Голл. изд. А. Н. Павлинъ въ Москвѣ.

„Пробора“, ancient chateau du comte Zaslavsky, d'après une
 aquarelle de A. Pavlovich.
 Голл. изд. пр. К. Ковалевъ въ Москвѣ.

все рѣже встрѣчаются упоминанія о дачахъ по Петергофской дорогѣ и на Невѣ, все чаще отмѣчаются новые дома на островахъ. За какіе нибудь четверть вѣка уже исчезло многое, что напоминало дивное екатерининское время.

На берегу Невы въ первой половинѣ XIX столѣтія было еще множество дачъ: «изъ которыхъ примѣчательнѣйшія: барона Фридерихса Молчанова, Дурнова.¹¹⁰ Последняя въ особенности отличается прекраснымъ садомъ, домомъ и группами статуй. Подлѣ нея старинный, какъ лѣсъ, садъ и дача графа Кушелева-Безбородко.¹¹¹ Садъ чисто содержится и открытъ для публики. Въ немъ есть и излучистыя дорожки и каналы, и островки, и бесѣдки, и мостики. Въ одномъ лѣску, въ кругломъ древнемъ храмѣ, гдѣ двѣнадцать столповъ поддерживаютъ куполъ, стоитъ на пьедесталѣ бронзовая статуя Екатерины II, въ видѣ Цивеллы,¹¹² держащей въ правой рукѣ пучъ колосьевъ, и въ лѣвой ключъ. Эти чертоги и дачи созданы славнымъ, Екатерининскимъ вельможей, свѣтлѣйшимъ княземъ Александромъ Андреевичемъ Безбородкимъ. Въ саду есть высокія искусственныя развалины въ два этажа, похожія на обветшалый феодальный замокъ. Вы видите, что на нихъ очень удобно можно всходить до самаго верха; оттолѣ открывается прекрасный видъ на Неву, на Смольный монастырь и на весь Петербургъ». ¹¹³

На Каменномъ островѣ «изящна дача Принца Ольденбургскаго,¹¹⁴ дача князя В. В. Долгорукова привлекаетъ своимъ фасадомъ. Всѣ здѣшнія дачи, расположенныя по берегу Невы въ прекрасной аллѣ изъ липъ и акацій, плѣняютъ своею, такъ сказать, прозрачностью и легкостью. Всѣ онѣ деревянныя. Вы видите домикъ Готическій, а подлѣ него Голландскій бѣленькій съ зелеными ставнями; тамъ Неаполитанская стеклянная галерея; тутъ Греческія колонны. Вотъ красивая Русская изба, а рядомъ съ нею Китайскій пагодъ. Всего не пересмотрѣть. Передъ нами Строгановскій мостъ, соединяющій Каменный островъ съ Выборгскою стороною. У самой дачи графини Строгановой¹¹⁵ необыкновенно пышный садъ, достойный быть Царскимъ и открытый для гулянья. Въ саду темныя гроты, свѣтлыя бесѣдки, зеленые холмы, задумчивыя руины, смѣлыя мостики; всего же достопримѣчательнѣе древняя мраморная гробница, перевезенная въ концѣ прошлаго столѣтія изъ Греціи». ¹¹⁶

А вотъ Крестовскій островъ. «У самаго моста находится павильонъ княгини Бѣлосельской,¹¹⁷ въ саду, содержимомъ не очень старательно. Тутъ нѣкогда были катальныя горы и карусель, гдѣ на деревянныхъ осѣдланныхъ коняхъ вертѣлась молодежь, вооруженная шпагами, на которыя ловили кольца. Противоположный берегъ необыкновенно живописенъ: тамъ дача графини Лаваль¹¹⁸ съ прекраснымъ садомъ; рядомъ на берегу красивая дача оберъ-егермейстера Д. Л. Нарышкина,¹¹⁹ гдѣ нѣкогда гремѣла превосходная роговая музыка, удивлявшая иностранцевъ. Подлѣ величественная Зиновьевская дача, окруженная садомъ, въ которомъ такъ много липовыхъ и каштановыхъ деревьевъ. Дача эта нынѣ принадлежитъ г. Кожину». ¹²⁰

О Нарышкинской дачѣ на Крестовскомъ графъ В. Сологубъ рассказываетъ:¹²¹ «Лѣтомъ Дмитрій Львовичъ жилъ на Крестовскомъ островѣ,

и насъ иногда возили къ нему; какъ къ дѣдушкѣ и моему крестному отцу. За столомъ служили цѣлыя толпы раззолоченныхъ араповъ, блестящихъ егерей и разныхъ официантовъ. Въ саду играла знаменитая роговая музыка, оркестръ звучности очаровательной, но мысленный только при крѣпостномъ правѣ. Онъ состоялъ изъ 40 мѣдныхъ инструментовъ разныхъ объемовъ. Каждый инструментъ издавалъ только одинъ звукъ. Сорокъ звуковъ разнородныхъ по трехъ-октавной лѣстницѣ съ полутонами, какъ фортепѣанныя клавиши, допускали модуляціи во всѣхъ тонахъ и духовыя, какъ бы воздушныя гармоніи. Такая живая шарманка съ ея золотыми дуновеніями внушала восторгъ. Но какова же была участь музыканта, имѣвшаго по расчету свистѣть въ неизмѣнную дырку неизмѣнную нотку. Рассказываютъ, что два члена этого диковиннаго оркестра попались въ полидію. На вопросъ, кто они такіе, одинъ отвѣчалъ: „я нарышкинскій Ц“; другой отвѣчалъ: „я нарышкинскій Фисъ“.

Но и на Петергофской дорогѣ въ царствованіе Николая Павловича остались слѣды прошлаго. Стояли еще дачи «Ага!» и «Ба, ба!», принадлежавшія первая Льву, а вторая оберъ-шенку Александру Нарышкинымъ. «Обѣ имѣютъ огромные сады», пишетъ Бурьяновъ въ 1838 г.:¹²² «съ широкими рвами, островами, холмиками, гротами, храминами, мостиками, руинами, бесѣдками, качелями, прудами, ручейками и звѣринцами, гдѣ нѣкогда содержали звѣрей рѣдкихъ и драгоценныхъ. Прежде сады эти были непремѣннымъ воскреснымъ гуляньемъ публики Петербургской, нынѣ же они посѣщаются большею частію особами, живущими на сосѣднихъ дачахъ». Тутъ же была дача князя Щербатова, купленная въ 1832 году и перестроенная; теперь въ ней помѣщается «Больница всѣхъ скорбящихъ».

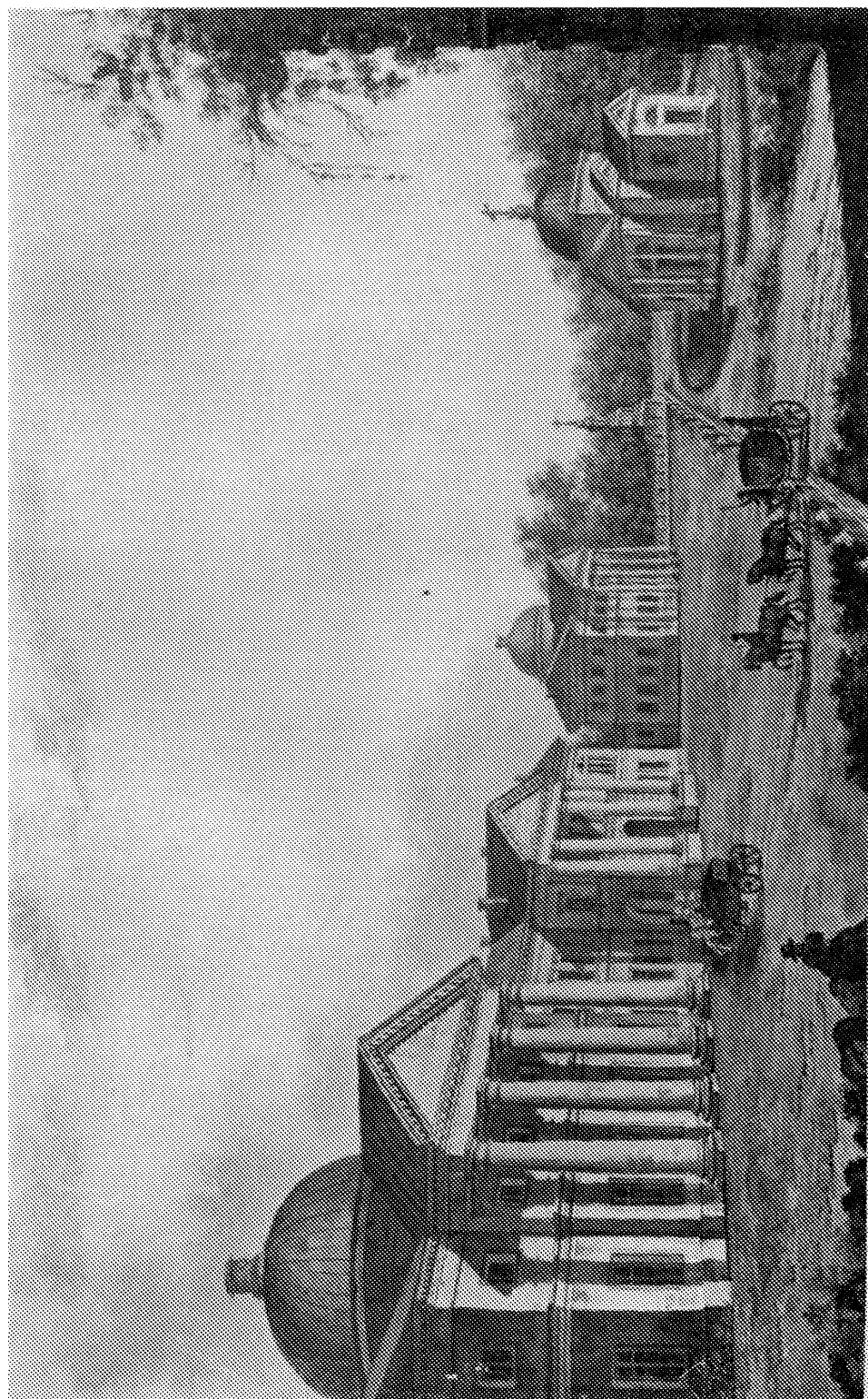
Еще красивѣе была дача Мятлева Новознаменское, гдѣ еще въ 1889 году существовало все внутреннее убранство.

«Дача В. И. Мятлева», говоритъ Пыляевъ:¹²³ «сохраняетъ характеръ отдаленной старины; въ старомъ большомъ каменномъ барскомъ домѣ, построенномъ архитекторомъ Растрелли (sic), посейчасъ цѣлы остатки искусства и мастерства временъ давно минувшихъ. Благодаря усиліямъ владѣльца усадьбы здѣсь сохранились отъ забвенія безчисленное множество вещей, которыя безъ того давно затерялись бы».

«Большой садъ на дачѣ Мятлева посейчасъ сохраняетъ характеръ французскихъ пышныхъ парковъ, разбитыхъ по планамъ Ленотра; выются здѣсь излучистыя дорожки, тянутся безконечныя перспективы, возвышаются на газонахъ площадки, гдѣ видѣются мраморныя статуи, окруженные лабиринтомъ, составленнымъ изъ фантастически перепутанныхъ деревьевъ и кустовъ».

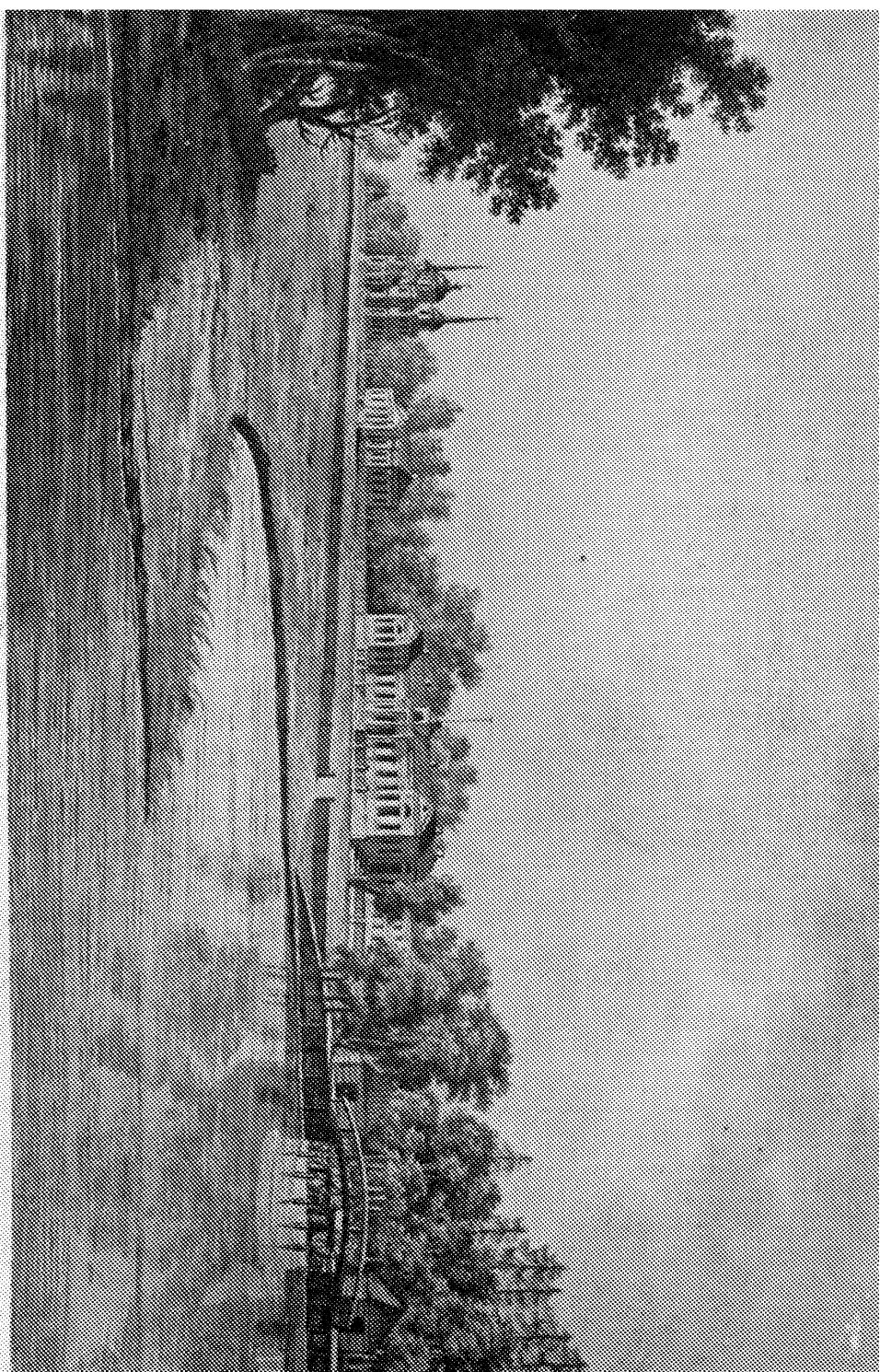
На Аптекарскомъ была дача княгини Лопухиной,¹²⁴ «живописно расположенная на берегу Невы и закрытая красивыми группами деревьевъ съ красивымъ домомъ».¹²⁵

На Каменноостровскомъ проспектѣ въ 1860 годахъ славилась дача князя Вяземскаго, которая, какъ пишетъ современникъ:¹²⁶ «отличается легкостью и оригинальностью постройки. Особенно замѣчательна воздушная пристройка въ видѣ галереи съ небольшою башенкою. Вся эта

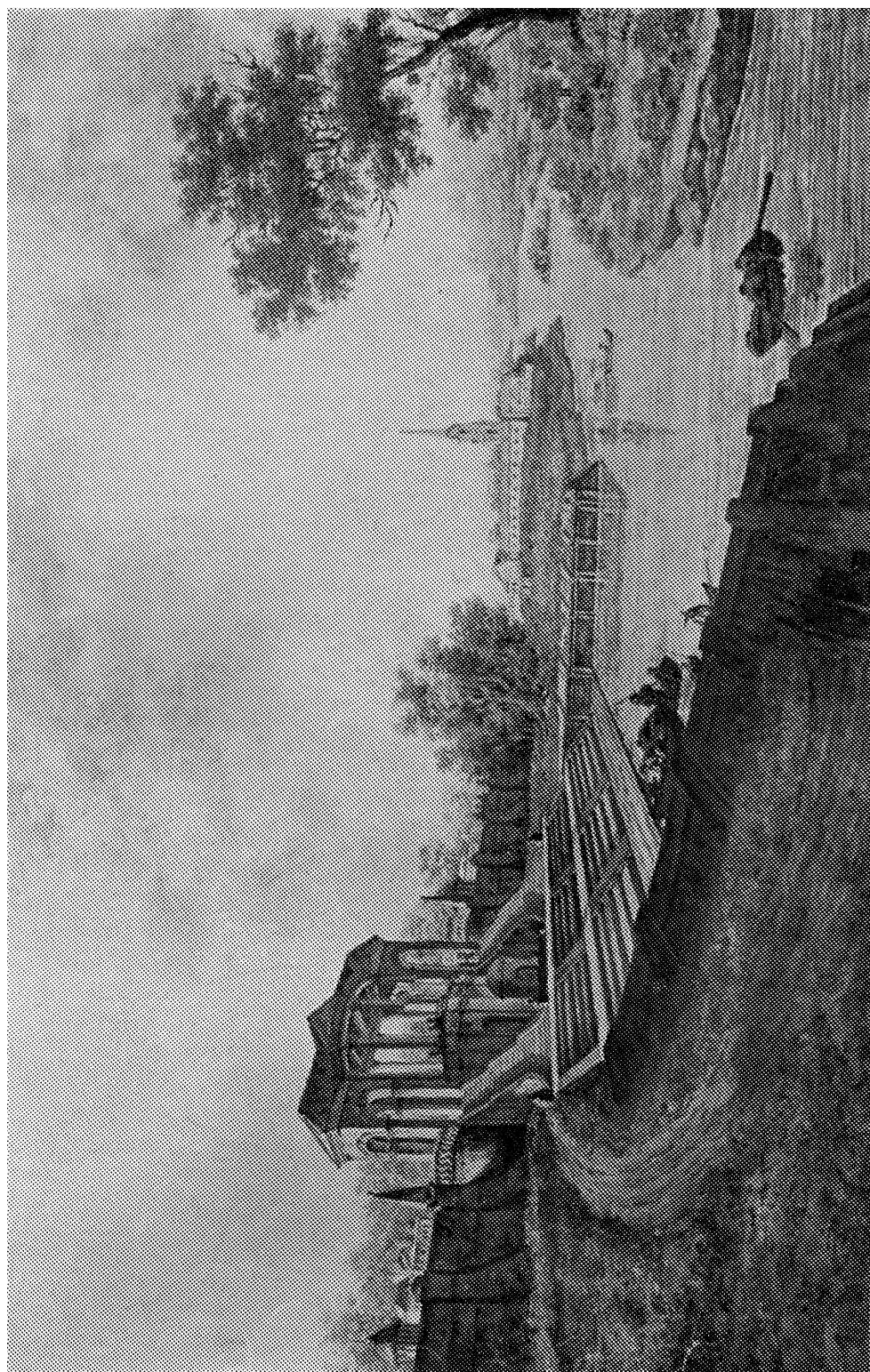
„Дворецъ“ въ В. С. Егорьевъ, Истинный глб. съ переездомъ
А. Кривцова.
(Собр. въ О. А. Курганова въ Мещерѣ).

„Дѣлканъ“, дворецъ въ прѣсахъ Калужской, прѣс. Полтава, д'якоу
въ апартедѣ въ А. Косовича.
(Собр. въ прѣсѣ Е. Косовича въ Мещерѣ).

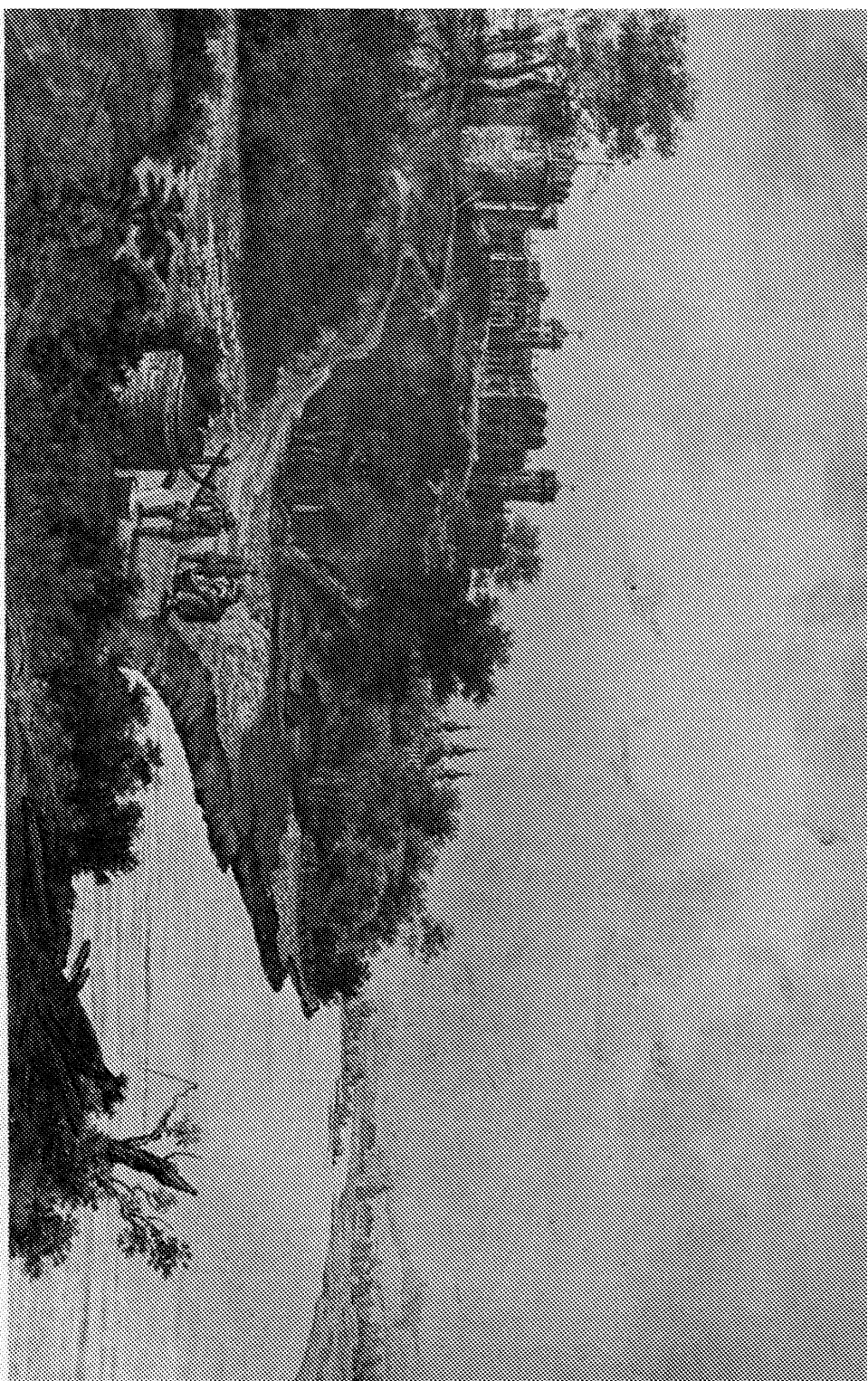
Берег реки „Томинской“, opposite station of the Trans-Siberian Railway.
 Acquired by A. Kuznetsov.
 Coll. no. G. A. Kuznetsov in Moscow.

„Томинская“, across station the river Trans-Siberian, opposite the
 acquired by A. Kuznetsov.
 Coll. no. G. A. Kuznetsov in Moscow.

«Дворец», вблизи Египетского моста, в городе
А. Кувейт.

«Город», вблизи М. Сулеймана, в городе
А. Кувейт.

„București, domeniul satului nr. Puzosului, împărțit în 1914,
cu satul nr. 1 și Puzosului.
Fotogr. nr. 11. A. Puzosului nr. 11.

„Vrbienka, satul satului nr. 1 și satul Puzosului, pe râul
nr. 11, după satul nr. 1 și satul nr. 1.
Fotogr. nr. 11. A. Puzosului nr. 11.

пристройка кажется кружевной и лѣтомъ производить удивительное впечатлѣніе. Передъ нею бьетъ небольшой фонтанъ».

Въ царствованіе Николая Павловича пользовались извѣстностью еще пригородныя дачи: Рябово,¹²⁷ дача графини Самойловой близъ Павловска — постройка архитектора А. П. Брюллова,¹²⁸ Осиновая Роща — графа Левашова. Но не только у Петербурга были великолѣпныя пригородныя имѣнія. «Вѣкъ Екатерины, пышный, роскошный, величавый, оставилъ вокругъ Москвы множество слѣдовъ богатой аристократіи ея времени. Невозможно исчислить всѣхъ такъ называемыхъ подмосковныхъ селъ, достойныхъ вниманія».¹²⁹

Не говоря уже объ Архангельскомъ, Кусковѣ и Останкинѣ, подъ Москвой всю первую половину XIX вѣка еще была въ расцвѣтѣ помѣщичья жизнь. По Владимірской дорогѣ, на 16-ой верстѣ, стояли великолѣпныя Горенки, гдѣ съ 1816 г. поселился бывшій министръ народнаго просвѣщенія, графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій. «Въ подмосковномъ великолѣпномъ своемъ имѣніи, среди царской роскоши, заперся онъ одинъ съ своими растеніями».¹³⁰

«Домъ и Англійскій садъ графа прекрасны», пишетъ современникъ:¹³¹ «богатства Природы, собранныя въ теплицахъ и оранжерейхъ, приводятъ въ восторгъ: невольно изумляешься, какъ частный человѣкъ могъ соединить въ немногіе годы столько сокровищъ Природы изъ всѣхъ странъ свѣта». Этотъ знаменитый Горенковский садъ былъ устроенъ извѣстнымъ ботаникомъ, профессоромъ Стефани, въ послѣдніе годы XVIII вѣка.¹³² Въ 1839 г. въ Горенкахъ уже находилась прядильная фабрика купца Волкова, но дивный домъ и садъ еще были не вполне разрушены. Павелъ Сумароковъ говоритъ: «я отправился въ Горенки, въ прежде бывшую подмосковную графа Разумовскаго, гдѣ огромный домъ, садъ съ прудами, оранжерейми, бесѣдками свидѣтельствуетъ о роскошной жизни тогдашнихъ бояръ».¹³³

Еще въ 40-хъ годахъ XIX вѣка съ рѣдкой заботливостью содержался домъ въ Кузьминкахъ, помѣщикъ жилъ въ немъ и любилъ его. «Бояре перевелись», пишетъ Павелъ Сумароковъ:¹³⁴ «и остался изъ нихъ только одинъ почтенный, добродѣтельный князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ. Онъ проводитъ лѣто въ 7 верстахъ отъ города на дачѣ Мѣльницѣ (Кузьминки тожъ)».

«Мѣстоположеніе плоское, весьма обыкновенное, но искусство и полтора милліона рублей превратили Кузьминки въ прекраснѣйшую Подмосковную. Князь пригласилъ меня туда на храмовый праздникъ 2 іюля; кареты, коляски тянулись рядами, нищіе мальчики и дѣвочки бѣжали рысью, умоляя о подавнн. Своротили съ большой дороги, и показалась чугунная рѣшетка, за нею другой дворъ, другая рѣшетка съ бронзовыми украшеніями, статуями, съ княжескимъ гербомъ на воротахъ. Куча официантовъ стояла на крыльцѣ, и въ комнатахъ много гостей, одни сидѣли на балконѣ, другіе играли въ карты. Домъ дубовой прибранъ со вкусомъ и достоинъ великаго вниманія. Онъ существуетъ 158 лѣтъ и Петръ Великій часто бывалъ въ немъ у Строгонова. За обѣдъ помѣстились 136 посѣтителей; все барское, богатое, вина рѣдкія, плодовъ горы, гремитъ музыка, и въ окнахъ выставлены пшеники,

перья, бороды между ими. Незваныхъ сяхъ гостей было до 5 тысячъ, и коляски, телѣжки, дрожки занимали всѣ аллеи. Сады съ пригорками, рѣчками, бесѣдками великолѣпно соединяются между собою и представляли тогда модныя, шумливыя общества. Къ вечеру вся зелень освѣтилась шкаликами, разноцвѣтными фонарями, и фейерверкъ заключилъ празднество, похожее на царское въ уменьшенномъ размѣрѣ».

Очаровательна была, до сихъ поръ сохранившаяся, дача Люблино, принадлежавшая Дурасову. Чудакъ-помѣщикъ долго мечталъ объ ордѣ св. Анны и, наконецъ добившись его, приказалъ, на радостяхъ, архитектору построить домъ въ видѣ ордена св. Анны съ фигурой этой святой на крышѣ.

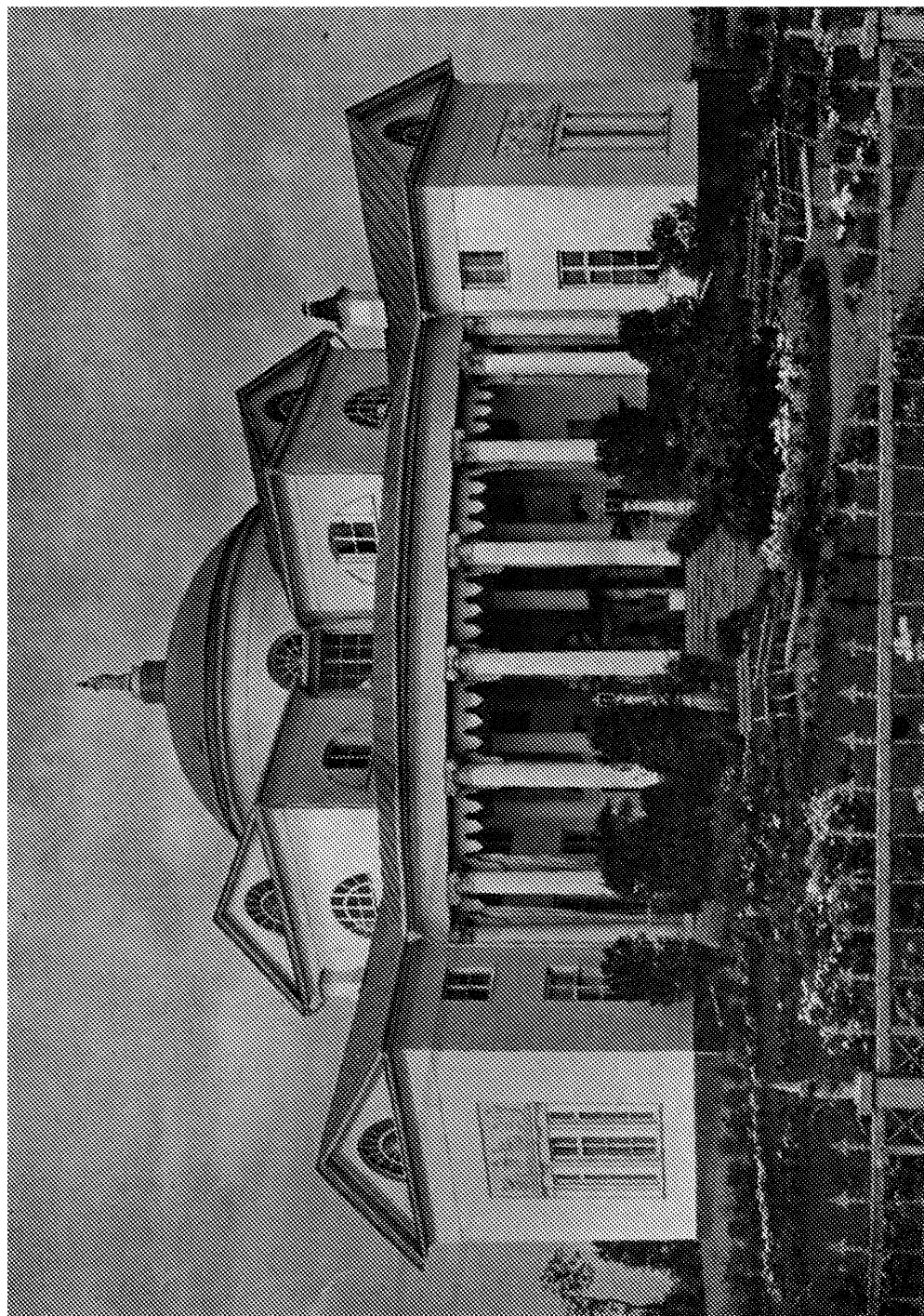
Объ имѣніи Люблино г-жа Вильмотъ писала въ октябрѣ 1806 года: 135 «Опишу вамъ праздникъ, данный однимъ г-мъ Дурасовымъ въ честь княгини (Дашковой) въ его прелестнѣйшемъ помѣстьѣ, лежащемъ въ 17 верстахъ отъ Москвы. Этотъ маленькій человекъ наследовалъ немѣтныя богатства отъ отца, владѣвшаго большими рудниками въ Сибири, и имѣнне, въ которомъ онъ живетъ, по истинѣ можно назвать земнымъ раемъ. Когда мы подъѣзжали къ дому, онъ представился намъ въ видѣ какого-то мраморнаго храма, потому что весь первый этажъ его покоится на мраморныхъ колоннахъ за исключеніемъ одной только средней части всего зданія, которая имѣла видъ величественнаго купола; потолокъ этой залы со сводами и украшенъ разными аллегорическими рисунками, и въ дни торжественныхъ пріемовъ она служитъ столовою».

«Все общество было собрано подъ колоннами, фундаментъ которыхъ состоялъ изъ мраморныхъ ступенъ, покрытыхъ благоухающими и роскошнѣйшими тепличными произведеніями и окаймленныхъ зеленымъ лужкомъ, обсаженнымъ деревьями и спускающимся къ берегамъ рѣки».

«Со всѣхъ сторонъ этого очаровательнаго мѣста представляются новые виды, плѣняющіе взоръ своимъ разнообразіемъ и счастливымъ сочетаніемъ красокъ и тѣпей: тутъ видны и кусты, и рощи, луга и озера, горы и долины, а тамъ вдали блестящіе, златоглавыя купола Московскихъ церквей какъ бы заканчиваютъ всю картину. Я не стану останавливаться на описаніи роскошнаго обѣда, хотя все было великолѣпно, какъ въ волшебномъ замкѣ. Выходя изъ за стола, мы раздѣлились на группы и разбрелись по разнымъ частямъ парка; вечеръ снова соединилъ насъ всѣхъ въ театрѣ, этой неизбежной принадлежности всякаго, сколько нибудь замѣчательнаго помѣстья».

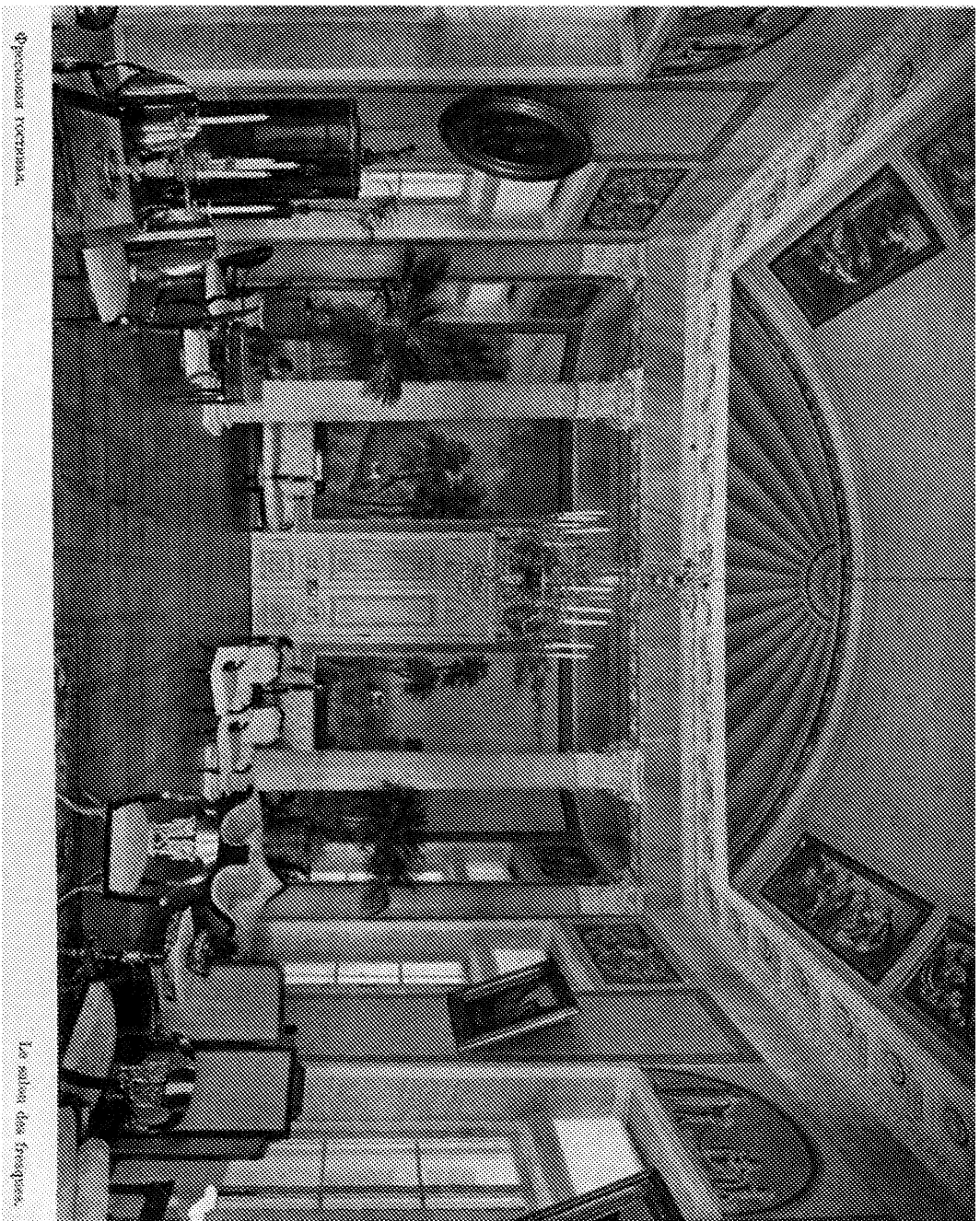
«На сценѣ и въ оркестрѣ появилось около сотни его собственныхъ крѣпостныхъ людей, и хотя между большою и малою піесами пролясали балетъ и все сошло какъ нельзя лучше, но хозяинъ разсыпался въ извиненіяхъ насчетъ бѣдности всей обстановки, которую онъ приписывалъ рабочей порѣ и жатвѣ, отвлекшей почти весь его народъ, за исключеніемъ той горсти людей, которую успѣли собрать для представленія».

«Однако самый театръ и декораціи были очень нарядны, а исполненіе актеровъ весьма порядочное. Въ промежуткахъ, между слушателями разносились подносы съ фруктами, пирожками, лимонадомъ, чаемъ, ликерами и мороженымъ, а ароматическія куренья сожигались въ продолженіе всего вечера».

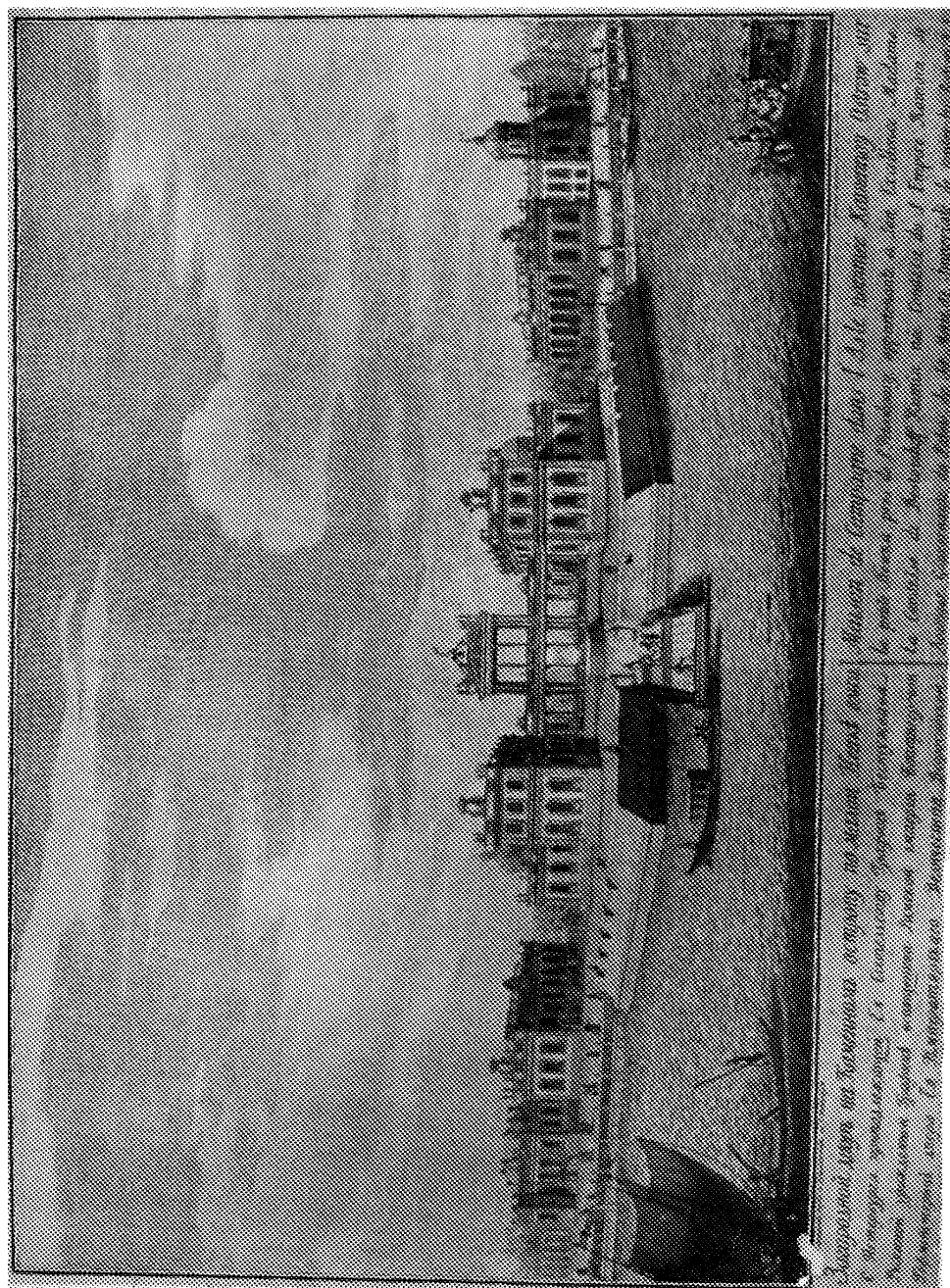
Escola do Chibato.

Escola do Chibato.

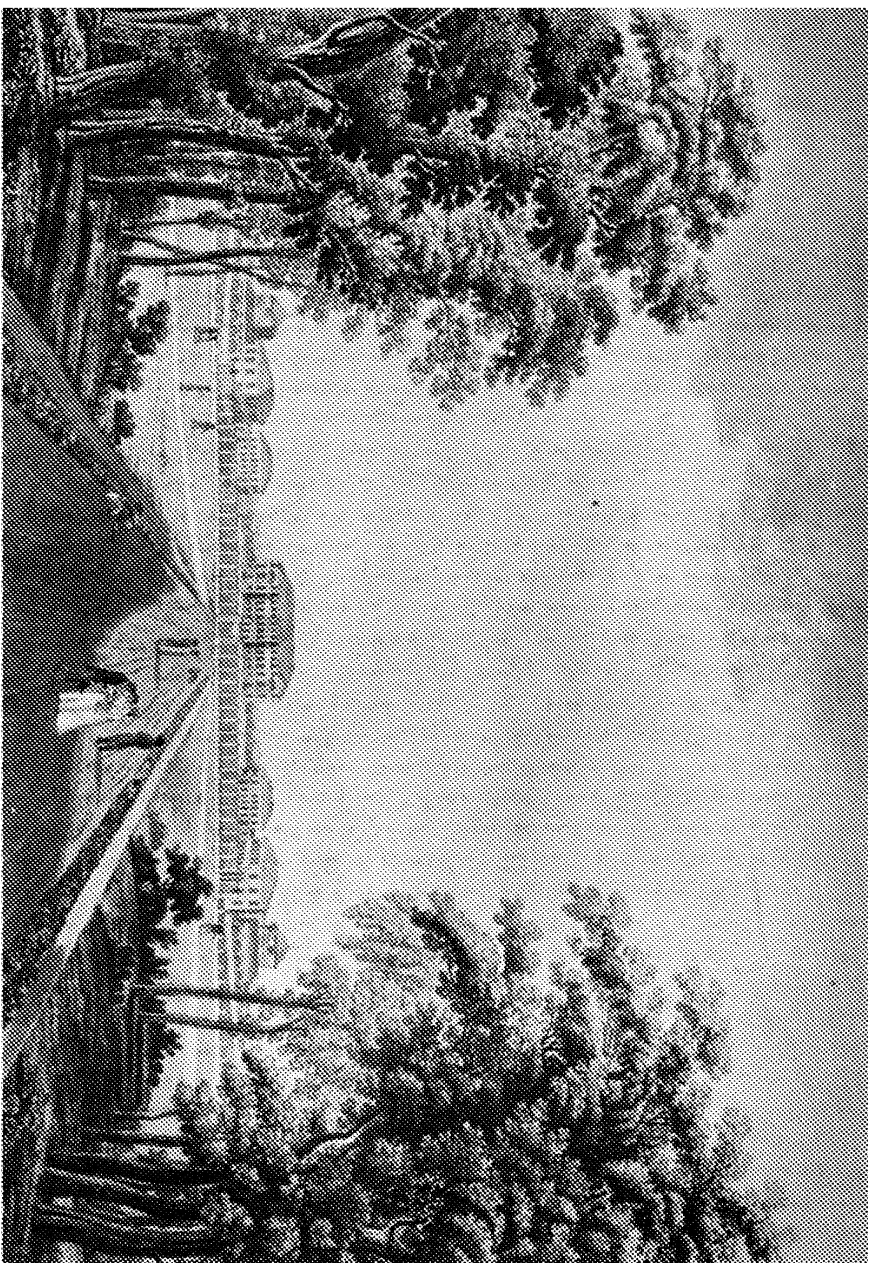
Opuscula viciosa.

La sala dei freschi.

Видъ (планъ) Кронштадтскаго порта.
Съ. гравюра Мухоморова.

Мaison de congrès de la commune. Koutousoff, près St.-Petersbourg.
D'après une gravure de M. B. Hoff.

Видъ «Хавезиана», бывшаго палата князя Игнатова.
Около 1850 г.
(Съ гравированъ въ 1850 г.)

Vue de «Xadigano», ancien palais du prince Ignatiev,
vers 1850.
(D'après une gravure du commencement du XIX siècle.)

Unser Saal.

„Ach, wenn ich nicht so ein kleines Mädchen wäre, so könnte ich doch einmal in diesen Saal kommen.“

Der Saal selbst.

Великолѣпны были и другія подмосковныя: княгини Сибирской,¹³⁶ Небольсиной,¹³⁷ Николая Никитича Демидова,¹³⁸ Отрада — Орловыхъ,¹³⁹ Мароино —¹⁴⁰ Салтыковыхъ, Думашево — Болтина,¹⁴¹ Вяземы — кн. Б. А. Голицына,¹⁴² Ольгово,¹⁴³ Денежниково...¹⁴⁴

Дальше отъ Москвы, въ центральныхъ губерніяхъ, были столь же великолѣпныя усадьбы: Рай-Семеновское, Калужской губерніи, той же губерніи — Троицкое, знаменитой княгини Дашковой, которая нѣжно любила и заботилась о своемъ домѣ. «Quoique je ne suis en ville que depuis hier», писала княгиня брату: «je soupire déjà après mon Troïtskoé».¹⁴⁵

«Это чудное мѣсто», рассказываетъ миссъ Вильмотъ въ 1805 г.:¹⁴⁶ «расположено посреди шестнадцати деревень, княгинѣ Дашковой принадлежащихъ. Число домохозяевъ доходитъ до 200 человекъ. Множество земли занято фруктовыми садами и цвѣтниками въ Англійскомъ вкусѣ, и среди ихъ протекаетъ прелестная рѣчка, извинаясь вдоль всего имѣнія. Впрочемъ, Троицкое — положительная равнина и своею прелестью обязано исключительно тщательной обработкѣ и искусственными украшеніями. Домъ огромный, съ флигелями съ обѣихъ сторонъ, соединенными съ верхнимъ этажемъ балконами на желѣзныхъ столбахъ».

«Видите вы, по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ дому съ задняго крыльца, длинный рядъ зданій, окружающихъ лугъ со всѣхъ сторонъ и съ возвышающеюся посреди нихъ церковью? Всѣ они составляютъ надворныя строенія, принадлежащія къ замку; иначе вы легко могли бы принять ихъ за маленькій городокъ. Одно изъ нихъ — театръ; другое — манежъ; третье — больница; четвертое — конюшни; пятое — квартира управляющаго и т. д.»

«Боже мой! Что за пустыня эта пріемная; и не мудрено, когда она служитъ проходною комнатою для цѣлой толпы слугъ. Угловатый Степушка, моргающій изъ подъ своего галстука, примется снимать съ васъ всѣ верхнія одежды, покуда Аванасій стаскиваетъ съ васъ мѣховые сапоги; а тѣмъ временемъ Венцеславъ, Максимъ, Кузьма, Веселкинъ, Василій, Кашанъ, Прошка, Антонъ, Тимофей и еще съ десятокъ другихъ разнаго цвѣта и разбора кидаются, чтобы провести васъ въ столовую и оттуда налѣво въ обычную гостиную».

«Вотъ этотъ портретъ посреди комнаты надъ диваномъ — мужъ княгини Дашковой, слывшій красавцемъ въ свое время и скончавшійся на 26-мъ году отъ роду. Вотъ эта дама, съ повелительнымъ видомъ, съ орлами вышитыми на ея горностаевомъ шлейфѣ — Екатерина II; а напротивъ — ея внукъ, Императоръ Александръ. Въ главной здѣшней гостиной красуется огромный портретъ Екатерины, верхомъ въ мундирѣ; кромѣ того имѣются ея портреты во всѣхъ комнатахъ».¹⁴⁷

Троицкое въ 1873 г. еще сохранило былую прелесть. П. Бартеневъ писалъ:¹⁴⁸ «Великолѣпные покои цѣлы; изъ второго этажа ведетъ громадное каменное крыльцо въ паркъ; оно поросло травою и мелкими деревьями. Паркъ ненаглядной красоты, и въ отдаленномъ углу его еще возвышается на холму памятникъ Екатеринѣ II».

Въ Саратовской губерніи, въ Сердобскомъ уѣздѣ, знаменито было Надеждино, гдѣ жилъ «бриллиантовый князь» Куракинъ.

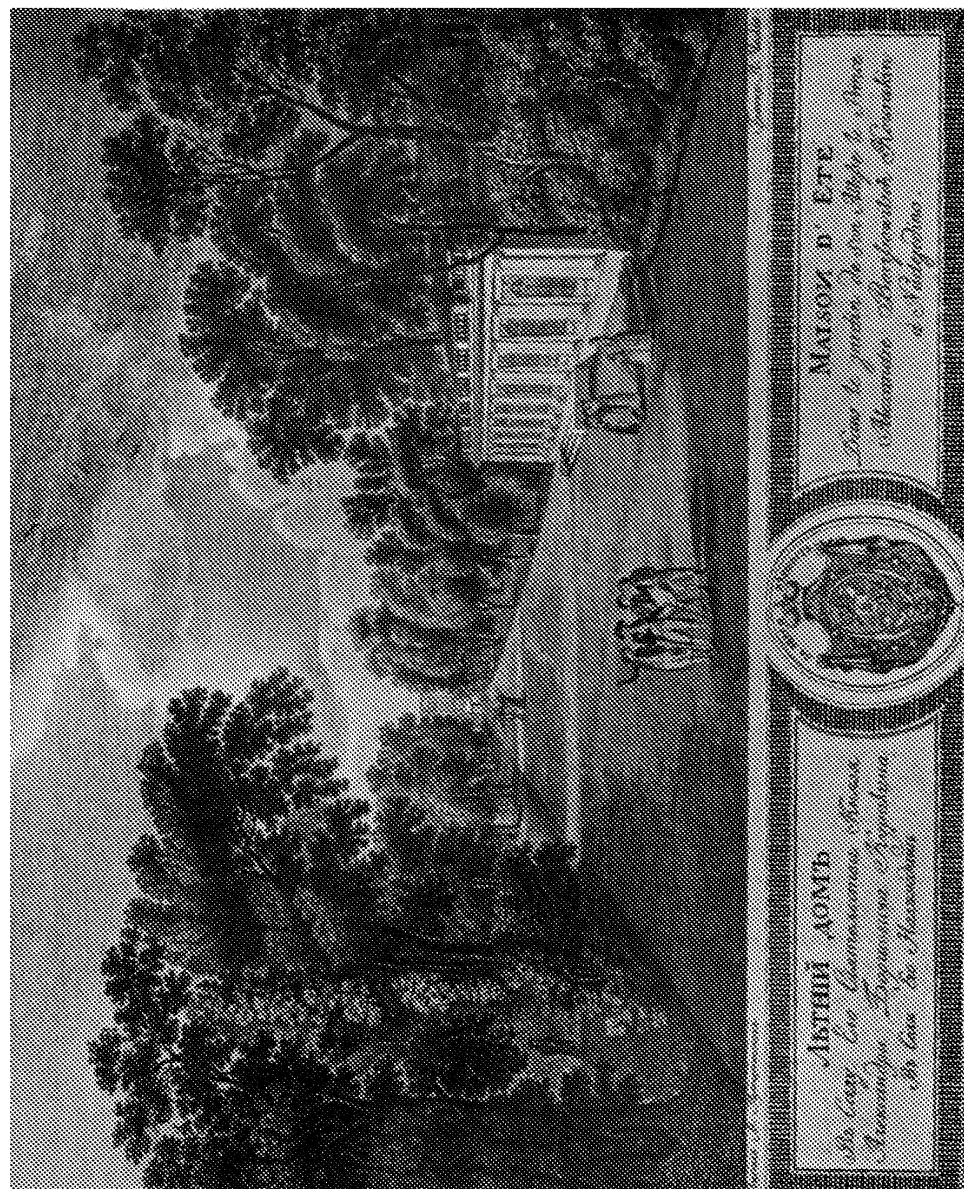
«Въ великолѣпномъ уединеніи своемъ», говорятъ Вигель:¹⁴⁹ «выстроилъ онъ себѣ на подобіе посѣщаемыхъ имъ дворцовъ также нѣчто похожее на Дворъ. Совершенно бѣдные дворяне за большую плату принимали у него должности главныхъ дворецкихъ, управителей, даже пталмейстеровъ и церемоніймейстеровъ; потомъ секретарь, медикъ, капельмейстеръ и библіотекаръ и множество любезниковъ безъ должностей составляли его свиту и оживляли его пустыню. Всякій день, даже въ будни, за столомъ гремѣла у него музыка, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ были большіе выходы; раздѣленіе времени, дѣла, какъ и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображенія великаго князя Павла Петровича находились у него во всѣхъ комнатахъ; въ саду и роцѣ, тамъ и сямъ встрѣчались не весьма изящные памятники знаменитымъ друзьямъ и родственникамъ. Онъ наслаждался и мучился воспоминаніями Трианона и Маріи Антоанеты, посвятилъ ей деревянный храмъ и назвалъ ея именемъ длинную, ведущую къ нему, аллею. Въ глуши, изобиліе и пышность, сквозь кои являлись такіа державныя затѣи, отнимали у насъ смѣшную ихъ сторону».

Д. Карташевъ такъ описываетъ Надеждино въ 1848 году:¹⁵⁰ «Встрѣченные съдымъ дворецкимъ, мы пошли осмотрѣть внутренность дома. Въ комнаты вела отлогая лѣстница; въ первой — пріемной были на стѣнахъ четыре живописныя картины, остатки преждебывшаго здѣсь богатаго собранія картинъ, которыя теперь находятся въ Тверскомъ имѣніи. За этой комнатою расположенъ залъ, съ отдѣланными подъ сѣрый мраморъ стѣнами, украшенными полукуполами. Направо — музыкальный залъ и столовая съ хорами... Налѣво изъ перваго же зала гостиная, отдѣланная подъ желтый мраморъ; въ простѣнкахъ передъ высокими зеркалами стояли на мраморѣ японскія вазы; бѣлая мебель переносила воображеніе лѣтъ за 50 назадъ. За нею слѣдовала другая такая же комната, а далѣе довольно обширная спальня...»

«Ступая по роскошному паркету зала, чувствуешь обаяніе чего-то, требующаго къ себѣ уваженія: не встрѣчая, какъ нерѣдко случается, очень цѣнныхъ, часто весьма не къ мѣсту, предметовъ моды, здѣсь видишь во всемъ изящную, солидную простоту и забываешься... вотъ кажется безмолвіе залъ тотчасъ нарушится съѣздомъ гостей...»

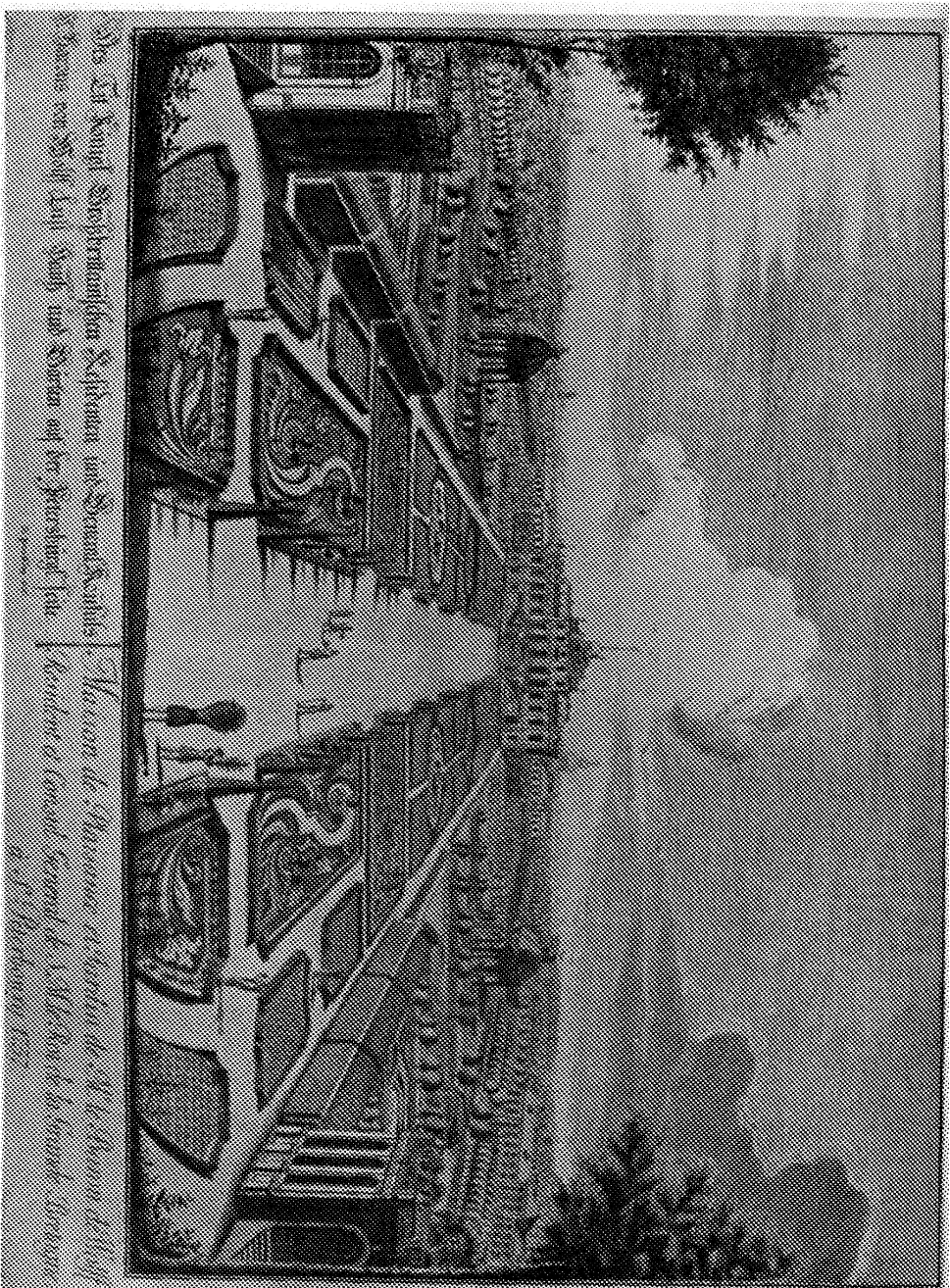
«Пройдя широкій дворъ, мы вошли въ садъ, — прохладный, дремучій, гдѣ не видно голубого неба, — все зелень и тѣнь. По прямой широкой аллѣе мы дошли до круглой площадки, гдѣ находился прежде лѣтній деревянный домикъ. Отъ него тянутся лучами широкія аллеи, будто тоннели, проложенныя въ массѣ зелени, открывая въ даль разнообразныя картины; впечатлѣніе какое они производятъ на зрителя — истинно очаровательное. Однообразіе аллеи дѣлаетъ незамѣтнымъ ея далекое протяженіе, между тѣмъ, тамъ ярко освѣщенный предметъ заканчиваетъ чрезвычайно пріятно эту темную перспективу и составляетъ живописный съ нею контрастъ».

«Прежде здѣсь было много храниловъ-бесѣдокъ съ названіями, значеніе которыхъ было особенно пріятно и понятно князю». Здѣсь были пресѣки: Цесаревичевъ, Челидовой, Антуанетинъ, Браницкой, Ожидаемаго Наслажденія, Милой Тѣны; были дорсжки Удовольствія, Жаркаго Лю-

Вид из сада «Маджидина», ancienne propriété du prince
Kousakine, près Saratoff.
(D'après une gravure de Tchernobouk).

Вид из сада «Маджидина», бывшего имения князя Курякина.
Саратовской губ.
(Съ旅行者 М. Чеснов).

Plan de la ville de Paris, d'après une gravure de 1752.

Maison de campagne du baron de M...
D'après une gravure de 1752.

бовника, Постояннаго Друга, Веселой Мысли, Прихоти, Вѣрныхъ Любвицъ, Брата Степана, Петра Молчанова, Услажденія самого себя...¹⁵¹ «Теперь (1848 г.)¹⁵² однѣ небольшія полянки, поросшія молодой осиною, указываютъ только мѣста ихъ. Уцѣлѣлъ лишь земляной курганъ, на которомъ по вечерамъ гремѣла музыка; въ сторонѣ слышались въ то время пѣсни, въ темныхъ аллеяхъ мелькали группы молодыхъ женщинъ — и все оживлялось не присутствіемъ лишь, но сочувствіемъ владѣльца. Теперь мимолетный вѣтеръ шепчется съ вершинами деревьевъ, а въ тѣни вѣтвей тихонько пропоетъ зябликъ, да развѣ иволга броситъ къ небу свою пѣсню и все смолкаетъ».

Домъ Надеждина еще долго сохранялся послѣ описуемаго времени. Но вотъ нѣсколько лѣтъ назадъ и онъ проданъ, всѣ вещи увезены и многія изъ нихъ уже перешли въ руки антикваровъ.

На Югѣ Россіи, въ первой половинѣ XIX столѣтія еще цѣлы были дворцы елисаветинскихъ вельможъ и богатыхъ помѣщиковъ. Великолѣпны были имѣнія Разумовскихъ, особенно Почепъ и Батурино, Черниговской губерніи. Фонъ Гунъ, бывшій въ началѣ вѣка въ Почепѣ, рассказываетъ о немъ:¹⁵³

«Онъ есть великолѣпное каменное зданіе, необъятнаго пространства. Главною фасадою стоитъ къ саду. Съ другой стороны, то есть, со стороны двора, флигели его составляютъ превеликой овалъ, за коими построены еще хозяйственные строенія. Во всемъ вообще зданіи семеро воротъ. Средняя часть дома или главной корпусъ, которой занимается самимъ Графомъ, состоитъ изъ двухъ этажей на погребахъ, и имѣетъ со стороны Двора портикъ. Во всей фасадѣ двадцать пять оконъ, и я долженъ былъ пройти сто тридцать шаговъ, когда хотѣлъ смѣрить весь рядъ комнатъ нижняго этажа главнаго корпуса. Особливо хорошъ тамъ залъ для баловъ и концертовъ; также и библіотека, изъ пяти тысячъ книгъ состоящая. Садъ передъ домомъ великъ, расположенъ въ Голландскомъ вкусѣ и отдѣляется отъ противоположнаго луга, который нечувствительно возвышаясь, простирается до горизонта, рѣкою Судостью. Здѣшній домъ построенъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ, покойнымъ фельдмаршаломъ графомъ Разумовскимъ. Планъ прожектированъ Де ла Моттомъ, а произведенъ здѣшнимъ архитекторомъ г. Яновскимъ. Жаль, что столь огромное зданіе построено не тамъ, гдѣ въ одной отсюда верстѣ на другомъ концѣ Почепы имѣется другой Графскій же деревянной домъ, въ которомъ когда то жилъ нѣкто Аглинской купецъ Ухтерлани, находящійся и теперь еще въ свѣжей здѣсь памяти. Тамъ мѣстоположеніе совершенно романическое, и садъ, сотворенный самою природою прямо въ Аглинскомъ вкусѣ. Въ особенности красивое имѣетъ положеніе въ этомъ саду преогромная каменная оранжерея. Садъ сей называется Меншиковскимъ, ибо мѣсто сіе, какъ и Почепъ, принадлежало въ прежнія времена князю Меншикову».

Въ 30 верстахъ отъ Почепы было село Ивантенки, принадлежавшее генералъ-маіору и кавалеру Гудовичу: «Примѣтнымъ становится благосостояніе, порядокъ и вкусъ владѣльца тамошняго сада. Съ великою пріятностію возвышаются позади плодоносившихъ полей, засѣянныхъ гречкою, молодые лѣса прекраснаго чистаго березника; въ долинѣ близъ самой до-

роги, гдѣ надобно вѣхать по насыпанной высокой плотинѣ, видно какъ бы съ верху озеро со множествомъ на немъ острововъ, то украшенныхъ мраморными урнами, то засаженныхъ небольшими рожищами, группами, боскетами, клумбами и цвѣтами. Около ихъ плаваютъ гордые лебеди, воспѣвая Аркадскую пѣснь свою, и гуси съ мыса Доброй Надежды. Чѣмъ долѣ идешь, тѣмъ болѣе обнаруживается пріятности и прелести всего мѣста, около осьми верстъ въ окружности и двѣсти пятьдесятъ десятинъ поверхностнаго содержанія имѣющемъ, все то, что только можетъ быть украшено подражательнымъ искусствомъ. Она избрала себѣ въ садовники самого владѣльца сего прямо Швейцарскаго мѣстоположенія; ибо онъ, какъ другъ природы, какъ любитель прекраснаго и возвышеннаго, соединяетъ въ себѣ съ глубокимъ познаніемъ высокой вкусъ, дабы скромною рукою помогать только натурѣ и придавать ей принадлежащее по справедливости. Непрерывная разнообразность долинъ и горъ, лѣсовъ, луговъ и полей, прелестныхъ видовъ и въ задумчивость приводящихъ дорожекъ, водопадовъ, озеръ, разныхъ деревъ и растений Сѣверо-Американскихъ, строеній различнаго рода и множества тому подобнаго доставляютъ страннику неутомимое упражненіе. Не должно пропустить упомянуть о прекрасномъ Китайскомъ домикѣ, въ саду построенномъ, которой въ особенности производитъ удивленіе тою вѣрностію и точностію, съ каковыми все въ немъ здѣланное занято отъ Китайцевъ. Здѣсь привлекаетъ на себя вниманіе каждая дверь, самая лѣстница, каждое украшеніе, даже замки, мебели, однимъ словомъ все, какъ съ наружи, такъ и изънутри. Въ одной изъ комнатъ всѣ стѣны обложены лакированными съ золотомъ досками, изображающими жизнь Конфуція. — Въ другомъ садовомъ же строеніи сдѣлана прекрасная Русская баня съ ванною, многими комнатами и со всѣми принадлежностями. Музыка здѣшняя, изъ шестнадцати человѣкъ состоящая и превосходно играющая, занимаетъ также часть пріятностей Ивантенскихъ». ¹⁵⁴

«Бакланъ, село принадлежащее къ Почеповской Графской экономіи, лежало въ двадцати пяти верстахъ отъ Почепа. Все то, что природа сотворила въ Ивантенкахъ въ маломъ видѣ, и позволила искусству украсить, найдете вы въ Бакланѣ въ видѣ большомъ, увеличенномъ. Здѣсь искусствомъ сдѣлано весьма еще не много, но все произведено натурою. Надобно выѣхать на цѣлый рядъ высокихъ горъ, коихъ вершины украшены лѣсомъ, а спереди на горѣ же видно превеличественное зданіе, подобное рыцарскому изъ временъ протекшихъ столѣтій. Оно построено не прежде, какъ лѣтъ пять тому назадъ въ подражаніе Италіанскимъ сельскимъ около Рима домамъ, и весьма много сходствуютъ съ великолѣпнымъ близъ Москвы Дурасовскимъ домомъ. Думать, надобно, что при строеніи сего дома главною цѣлію было то, чтобъ изъ каждой его комнаты, можно было видѣть натуру въ разныхъ ея измѣненіяхъ. Истинно, разсматривающій взоръ наблюдателя не знаетъ, на которомъ предметѣ ему остановиться. Повсюду видна чрезвычайно обильная многообразность и въ обширномъ пространствѣ природы; и естлибъ куда привести хоть самаго Клавдія Лоррена, или какогонибудь Вернета, то и тотъ не вдругъ бы рѣшился, какой изъ предметовъ почесть самымъ лучшимъ. Самой домъ имѣетъ положеніе свое на краю

одной высокими деревьями обросшей горы, и изъ второго его этажа слѣланъ выходъ на аркахъ, по коему можно изъ комнатъ выходить въ отверстую природу, и именно прямо на высокую гору, обдѣланную такъ, что представляетъ собою натуральный Аглинской садъ». ¹⁵⁵

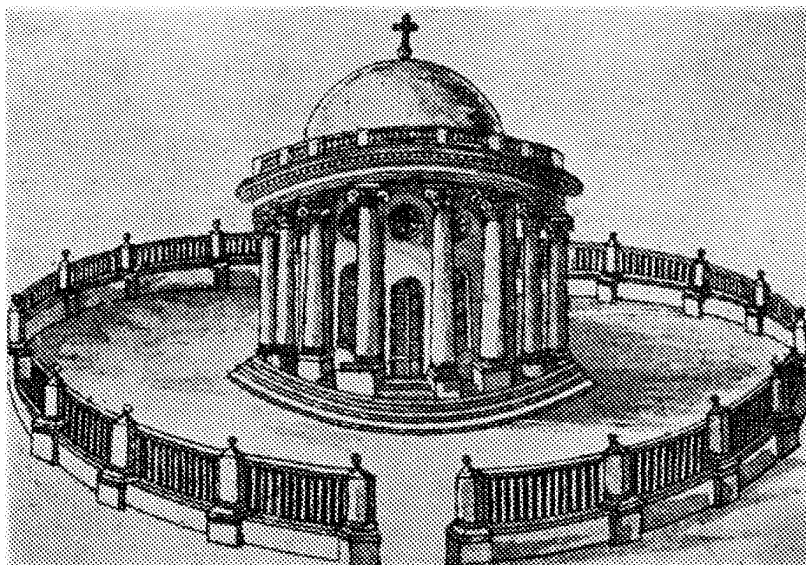
Другое имѣніе графа Разумовскаго, Батуринъ, было еще прекраснѣе. «Главной строенія корпусъ», пишетъ одинъ путешественникъ въ 1805 году: ¹⁵⁶ — «имѣетъ три этажа и два по сторонамъ флигеля, соединенные съ нимъ каменною оградой. Въ Батуринѣ была такая страшная грязь, что мы видѣли подлѣ самой нашей дороги увязшую въ грязи не весьма малую лошадь, около которой стояли многіе Русскіе мужики и совѣтовались какъ бы ее вытащить. Мы проѣхали мимо, и на самомъ уже выѣздѣ изъ Батурина видѣли деревянный домъ, въ которомъ жилъ покойный фельдмаршалъ. Въ передѣ передъ домомъ за валомъ, на которомъ поставлены десять пушекъ, виденъ пребѣдный лугъ, которой возвышаясь закрываетъ весь прочій видъ; а съ другой стороны дома садъ изъ фруктовыхъ деревьевъ».

«Въ новопостроенной (1805 г.) церкви положено тѣло покойнаго фельдмаршала, которую онъ, тогда еще неосвященную, за четыре мѣсяца передъ своею кончиною нарочно смотрѣть ѣздилъ. Тамъ поставленъ надъ нимъ монументъ въ восемь тысячъ рублей».

О Яготинѣ, прежде принадлежавшемъ гр. Разумовскому, а нынѣ кн. Н. В. Репнину, — фонъ Гунъ въ 1805 году писалъ: ¹⁵⁷ «Здѣсь создается цѣлой свѣтъ, и все въ новѣйшемъ вкусѣ, по планамъ г. Менс-ласа, а производитъ строенія здѣшній архитекторъ Годегардъ, и не болѣе, какъ въ три года почти уже привелъ къ концу. Въ срединѣ построены главный корпусъ въ два этажа. На правой и лѣвой сторонѣ онаго въ полуциркулѣ по три павильона, а напротивъ павильоновъ стоятъ двѣ превеликія каменные строенія для служителей, тутъ же конюшни и сараи. Каждый павильонъ самъ по себѣ большой домъ. Рѣка (Суна) составляетъ здѣсь обширный заливъ, простирающійся на многія версты и примыкающійся къ Яготину во всѣхъ мѣстахъ, такъ что съ другою небольшою рѣчкою дѣлаетъ почти весь Яготинъ островомъ. Передъ главнымъ домомъ заводитъ теперь Графъ Аглинской садъ».

А. Глаголевъ, посѣтившій Яготинъ въ 1823 году, рассказываетъ: ¹⁵⁸ «Мѣстечко Яготинъ, стоитъ при большомъ озерѣ, имѣющемъ около 5 верстъ длины и отъ 2 до 5 ширины. Прекрасное мѣстоположеніе Яготина открывается съ Полтавской стороны уже по прибытіи въ самую слободу и производитъ такое же дѣйствіе на пріѣзжающаго, какъ и великолѣпная декорація въ театрѣ по открытіи занавѣса. Самое расположеніе княжескаго дома съ флигелями и садомъ есть игра прихотливой фантазіи архитектора. Домъ отдѣляется отъ озера цвѣтникомъ и стоитъ противъ острова, покрытаго густымъ лѣсомъ; флигели, состоящіе изъ отдѣльныхъ домиковъ, выдаются уступами на зеленую площадь двора; отъ нихъ проведены черезъ садъ аллеи, направленные къ тому же острову, какъ центру и основанію всей перспективы».

«Планъ этотъ, кажется, есть подражаніе неподвижной сценѣ древнихъ театровъ, которая обыкновенно представляла городскія улицы и строилась по расходящимся линіямъ, имѣвшимъ точку зрѣнія въ оркестрѣ».

Черковь „Яготина“ (со старинной гравюры 1806 г. изъ книги „Поверхностныя замѣчанія“... фонъ-Гуна).

L'église de „Iagotino“ (d'après une gravure de 1806).

Правая сторона сада состоитъ изъ аллей, выющихся въ разныхъ направленіяхъ; лѣвая покрыта дикою рощею».

«Въ библіотекѣ хранится въ нарочно устроенномъ ковчегѣ письмо, въ которомъ удрученный болѣзнію старецъ фельдмаршалъ князь Репнинъ приносилъ вѣрноподданническое поздравленіе, по случаю восшествія на престолъ Государя Императора Александра I, и Высочайшій рескриптъ Монарха, изъявляющаго вниманіе къ заслугамъ мужа, прославившагося на полѣ бранномъ и на поприщѣ дипломатическомъ. Изъ рукописей достопримѣчательна записка путешествія графа Бориса Петровича Шереметева въ Италію въ 1697 по 1700 годъ».

Недалеко отъ Яготина была Тепловка, бывшее имѣніе графа П. В. Завадовскаго. Графъ Разумовскій въ 1805 г. «обще съ архитекторомъ г. Менеласомъ избрали здѣсь прекраснѣйшее мѣсто, на которомъ по желанію г. министра (Завадовскаго) долженъ быть построенъ новый домъ». ¹⁵⁹

Въ Черниговской губерніи, на берегу Десны, было другое великолѣпное имѣніе графа Румянцева Вишенки. Румянцевъ приобрѣлъ ихъ въ 1767 г. и вскорѣ приступилъ къ устройству дворца. ¹⁶⁰ Въ 1769 г. управляющій его кн. П. Мещерскій писалъ графу: ¹⁶¹ «Домъ снаружи зачали красить и картинъ, что подъ дверьми будутъ, шесть уже отдѣланы, а остальные пять еще не зачинаны. Въ галерею на стѣны рамы обтянуты и пишутся; вкусъ письма сего и какъ подъ кровлею карнизъ съ подвѣсами окрашенъ — уповаю апробацію вашего сіятельства имѣть будутъ, только жалко о медленной работѣ. Цвѣтникъ одинъ хорошева вкусу, почти совсѣмъ отдѣланъ, а и другой отдѣлывается жъ».

У Румянцева былъ еще великолѣпный дворецъ, полный богатствъ, въ Козуровкѣ, Глуховскаго уѣзда, великолѣпный, теперь погибшій, готическій замокъ въ Ташанѣ (нынѣ кн. А. К. Горчакова), дворецъ въ Гомелѣ (княгини Паскевичъ) и еще множество имѣній.

Въ 1767 г. Императрица подарила Гомель герою Задунайскому. Въ 1785 г. старый домъ, бывший Чарторыхскихъ, былъ разрушенъ «и на мѣстѣ его начали воздвигать великолѣпный каменный дворецъ, достойный великаго имени новаго помѣщика. Этому дворцу, который стоилъ милліоны, было предназначено служить для Россіи едва ли не единственнымъ и ужъ конечно лучшимъ образцомъ веведіанской архитектуры. Главное зданіе остается донынѣ неприкосновеннымъ. Въ послѣднее (1848 г.) время придѣлана къ нему, съ одной стороны, четырехугольная башня, которая соединяется съ главнымъ корпусомъ прекрасною крытою колоннадою, съ другой же круглая эспланада, откуда открывается единственный видъ на измѣненную окрестность по ту сторону Сожа». ¹⁶²

На югѣ знаменита была и Каченовка, черниговское имѣніе извѣстнаго медената — помѣщика Тарновскаго. Здѣсь часто гостили Штернбергъ и Глинка.

«Первое впечатлѣніе было въ пользу владѣльца», говоритъ М. И. Глинка о Каченовкѣ: ¹⁶³ «подѣзжали къ помѣстью съ нѣсколькихъ сторонъ по стройнымъ аллеямъ изъ пирамидальныхъ тополей; домъ большой, каменный, стоялъ на возвышеніи; огромный, прелестно раскинувшійся садъ съ прудами и вѣковыми кленами, дубами и ясенями величественно ласкалъ зрѣніе».

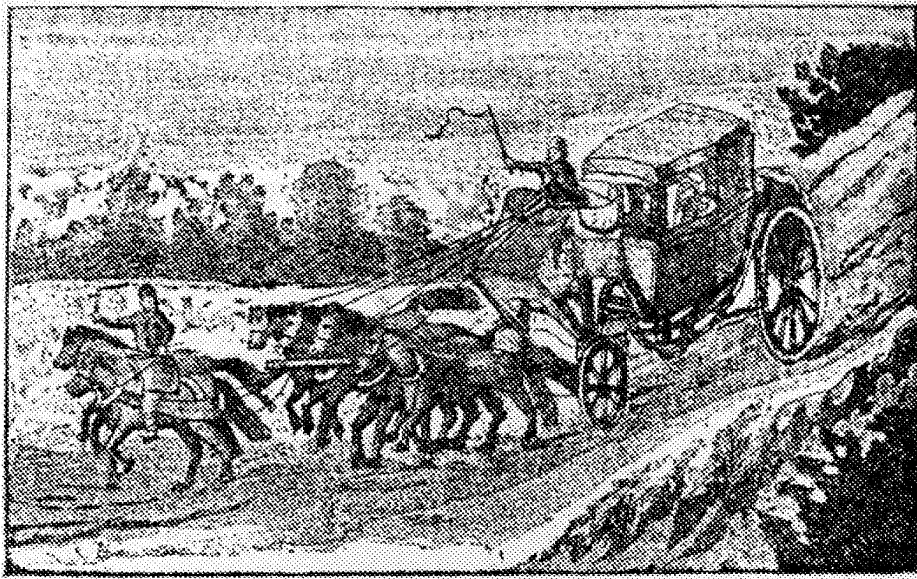
«Но, осмотрясь, удивленіе уменьшилось: домъ былъ какъ будто неоконченъ, дорожки въ саду не подѣланы; былъ у владѣльца и оркестръ, недурной оркестръ, но не полный и духовые инструменты не всѣ исправны. Даже управляющій оркестромъ, первый скрипачъ Михайло Калинычъ, былъ нѣсколько тугъ на ухо. За обѣдомъ подавали нѣсколько блюдъ, но поваръ вѣроятно былъ не доученъ».

Въ Черниговской губ. находилось и Панурово, близъ Стародуба, ¹⁶⁴ «деревня съ старымъ большимъ домомъ, съ старымъ регулярнымъ садомъ, къ которому примыкаетъ дикая обширная роща. Вообще прекрасное ея мѣстоположеніе, живописные вокругъ виды, которыми любуетесь вы изъ оконъ, дома, изъ проспектовъ аллей, изъ тѣней павильоновъ; прибавьте къ этому очаровательность духовой музыки, которая сливается сладкіе тоны свои съ тихимъ шумомъ деревъ; другую инструментальную, которая гремитъ въ пространствѣ залы». ¹⁶⁵

Наконецъ въ Полтавской губерніи были извѣстны Диканька — Кочубея, ¹⁶⁶ Очкино — Судіенко, ¹⁶⁷ въ Кіевской — Корсунь — Лопухинныхъ, Бѣлая Церковь — гр. Браницкой. ¹⁶⁸

Много еще другихъ чудныхъ имѣній славилось въ Россіи въ прежнее время.

РАЗВАЛЪ.

Страшно, когда рушится вѣками созданная культура, когда чувствуется разложеніе родовыхъ основъ. Но еще страшнѣе гніеніе молодой жизни, гибель организма еще полного силъ. Россія, реформированная Петромъ, жила всего полтора вѣка. Долгими усиліями иностранцевъ всѣхъ націй была привита на благодарную ко всѣмъ воспріятіямъ русскую почву западная цивилизація. Голландцы, нѣмцы, французы, англичане и даже греки, толпами пріѣзжавшіе въ доселѣ имъ невѣдомую страну, приносили съ собой знанія, инициативу и огромную рабочую энергію. И русскіе люди, сознавая нужность этихъ пришельцевъ радушно принимали ихъ наставленія и умѣли черпать въ нихъ новый источникъ жизни. Но скоро увлекаясь, русскіе люди также скоро разочаровывались. Въ своихъ проявленіяхъ они всегда походили на большихъ дѣтей, играющихъ «во взрослыхъ». И потому имъ такъ весело казалось рядиться въ новыя платья, гримироваться по новому и строить себѣ огромные дворцы, которые, въ сущности, были для нихъ тѣми же дѣтскими «карточными домиками».

Дѣйствительно, трудно представить себѣ болѣе ребяческую затѣю, чѣмъ та, что выдумали азіаты-русскіе, передразнивая иностранцевъ. Но будучи талантливыми актерами, они не только убѣдили многихъ, что играютъ въ серьезъ, но даже сами увѣровали въ то, что театральные, подмостки — та же дѣйствительность. Этотъ веселый и увлекательный маскарадъ продолжался до середины царствованія Александра Благословеннаго. И только романтическіе мечтатели, отдохнувшіе отъ волненій двѣнадцатаго года и грезившіе о новыхъ подвигахъ, задумали создать новую, менѣе театральную и болѣе правдивую Россію. Это были декабристы. Вслѣдъ за ними родилось поколѣніе «свободолюбивыхъ гражданъ», долго сдерживаемыхъ желѣзными тисками николаевскаго царствованія и получившихъ права жизни съ освобожденіемъ крестьянъ.

Но какъ отразились всѣ эволюціи государственнаго строя на искусствѣ своего времени? Какъ запечатлѣлись въ творческихъ созданіяхъ мечты русскихъ людей? Конечно, я говорю только о дворянской Россіи, такъ какъ все искусство жило для нея. Здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ русской жизни, замѣчается отсутствіе закономѣрной послѣдовательности. Здѣсь, какъ и всегда въ Россіи, боги были недолговѣчны, о нихъ скоро забывали и несчастные и заброшенные, они печально доживали свой вѣкъ.

Въ послѣдніе годы екатерининскаго царствованія уже начало чувствоваться дыханіе тѣни. Водарялись постепенно та неряшливая небрежность и безразличіе ко всему, что такъ характерны для русскихъ. Игрушки заброшены, и окончена забава.

Странное впечатлѣніе производятъ нѣкоторые печальныя упоминанія о разрушающейся красотѣ, что встрѣчаются у Георгия въ описаніяхъ окрестностей Петербурга въ 1794 г. О многихъ дачахъ, гдѣ еще наканунѣ творилась красота, грустно сообщается, что онѣ въ запустѣніи, что пруды посохли, а сады гложутъ. Вспомните дома Чичерина, Вяземскаго, Трубецкаго.

Еще унылѣе звучатъ официальные сообщенія о разрухѣ старыхъ подмосковныхъ дворянскихъ уютовъ. И чѣмъ протокольнѣе эти факты, тѣмъ краснорѣчивѣе они.

Въ описи села Сафарина подъ Москвой значится:¹⁶⁹ «Противъ каменной церкви палаты каменные, а въ нихъ покоевъ: первая палата большая столовая называется залъ: въ ней образъ да окладъ серебряный ветхой... столъ круглой липовой безъ петель ветхой... въ той палатѣ алебастровая подмазка вся обвалилась... одинъ столикъ китайской работы ветхой... печь муравленая круглая ветхая сдѣлана для красоты... своды въ переходахъ весьма ветхи и развалились... образъ Василія Херсонскаго попорченъ, разодранъ, въ рамѣ ветхой... зеркало разбитое... два купидона китайскіе ветхіе... пятьдесятъ пять стульевъ ободраны... При томъ же дворцѣ садъ большой, въ которомъ имѣются двадцать восемь яблонь посохлыя и скотомъ подѣданныя»...

Эта сухая опись говоритъ, въ какомъ запустѣніи находились загородные дома, насчитывающіе въ лучшемъ случаѣ болѣе полстолѣтія. Поразительно равнодушіе, съ какимъ смотрѣли на гибель всего, будь то крѣпостной, заѣденный барскими псами или созданіе искусства, гибнущее отъ небрежности.

Вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ фаворитовъ при Дворѣ во времена Екатерины и рѣзко противоположной политики круга придворныхъ при ея преемникѣ — естественно мѣнялся и составъ знатныхъ лицъ.

Новоявленные вельможи, будирующіе новый Дворъ, уѣзжали въ свои отдаленныя имѣнія и, предаваясь безпечной, праздной и разнузданной жизни, часто опускались и вновь погружались въ то состояніе дикарства, изъ котораго были такъ недавно и случайно выведены.

Вигель даетъ любопытную картину безалаберной жизни одного казанскаго самодура-помѣщика:¹⁷⁰ «Часу въ двѣнадцатомъ могли мы только пріѣхать къ нему, но домъ горѣлъ весь какъ въ огнѣ, и хозяинъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ съ музыкой и пѣніемъ. Черезъ полчаса мы были за ужиномъ».

«Господинъ Е. былъ рано состарившійся холостякъ, добрый и пустой человѣкъ, который никакого понятія не имѣлъ о порядкѣ, не умѣлъ ни въ чемъ себѣ отказывать и чувственнымъ наслажденіямъ своимъ не зналъ ни мѣры ни границъ. Онъ насъ опотчивалъ по своему. Я зналъ, что дамы его не посѣщаютъ и крайне удивился увидѣвъ съ дюжину довольно нарядныхъ женщинъ, которыя что то больно почтительно обонились съ губернаторомъ: все это были Фени, Матреши, Ариши, крѣпостныя актрисы хозяйской труппы. Я еще болѣе изумился, когда онѣ пошли съ нами къ столу, и когда, въ противность тогдашняго обычая, чтобы женщины сажались всѣ на одной сторонѣ, онѣ размѣстились между нами, такъ, что я очутился промежъ двухъ красавицъ. Я очень проголодался; столъ былъ заставленъ блюдами и обставленъ бутылками; виѣ себя я думалъ, что всякаго рода удовольствія ожидаютъ меня. Какъ жестоко былъ я обманутъ! первый кусокъ, который хотѣлъ я пропустить, остановился у меня въ горлѣ; я думалъ голодъ утолить питьемъ, еще хуже. Не было хозяевъ; слѣдственно, къ счастію, некому было заставлять меня ѣсть; за то гости и гостьи приневоливали пить. Не знаю какое названіе можно было дать этимъ ужаснымъ напиткамъ, этимъ отравленнымъ помоямъ. Это какое то смѣшеніе водокъ, винъ, настоекъ съ примѣсью кажется пива, и все это подслащенное медомъ, подкрашенное сандаломъ. Этого мало, настойчивыя приглашенія сопровождалась горячими лобзаніями дѣвъ съ припѣвами: „Обнимай сосѣда, поцѣлуй сосѣда сосѣда, подливай сосѣдъ сосѣду“. Я пилъ, и мнѣ былъ девятнадцатый годъ отъ роду; можно себѣ представить въ какомъ расположеніи духа я находился»...

«Сатурналіи, вакханаліи сіи продолжались гораздо далеко за полночь. Когда кончился ужинъ, я съ любопытствомъ ожидалъ, какому новому обряду насъ подвергнуть. Самому простому: проводили насъ всѣхъ въ просторную горницу, родъ пустой залы и пожелали намъ доброй ночи. На полу лежали тюфячки, подушки и шерстяныя одѣяла, отнятыя на время у актеровъ и актрисъ. Я нагнулся чтобы взглянуть на подлежащую мнѣ простыню и вздрогнулъ отъ ея пестроты. Спутники мои, вѣроятно зная напередъ обычай сего дома, спокойно стали раздѣваться и весело бросились на поганые свои ложа. Нечего было дѣлать, я долженъ былъ послѣдовать ихъ примѣру. Разгоряченный виномъ или тѣмъ, что называли симъ именемъ, и поцѣлуями, я млѣлъ, я кипѣлъ. Жаръ крови моей и воображенія можетъ быть наконецъ бы утихъ, еслибы темнота и молчаніе водворились вокругъ меня; самый отвратительный запахъ коровьяго тухлаго масла, коимъ напitano было мое изголовье, не помѣшалъ бы мнѣ успокоиться; но при свѣтѣ сальныхъ свѣчъ, каляканье, дурацкій нашъ дорожный разговоръ возобновился, и другіе, пріѣхавшіе прежде насъ, подливали въ него новый вздоръ. Не одинъ разъ подымалъ я негрозный, но молящій голосъ; полупьяные смѣялись надо мной, не столь учтиво, какъ справедливо, называя меня нѣженкой. Одинъ за другимъ начали засыпать, но когда послѣдніе два болтуна умолкли, завялась заря, которая безпрепятственно вливалась въ наши окошки безъ занавѣсъ. Между тѣмъ, сверху мухи и комары, снизу клопы и блохи, всѣ колючія насѣкомыя объявили мнѣ жестокою войну.

Ни на минуту не сомкнувъ очей, истерзанный, я всталъ, кое какъ одѣлся и побрелъ въ садъ, чтобы освѣжиться утреннимъ воздухомъ; такъ кончилась для меня сія адская ночь».

«Солнце освѣтило мнѣ печальное зрѣлище. Длинные аллеи прекрасно посаженнаго сада, съ безподобными липами и дубами, заросли не только высокою травою, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже кустарникомъ; изрядныя статуи, къ счастью, не мраморныя, а гипсовыя, были всѣ въ инвалидномъ состояніи; изъ довольно красиваго фонтана, прежде, говорятъ, высоко бившаго воду, она легонько точилась. Взглядъ на домъ былъ еще непріятнѣе; онъ былъ длинный, на каменномъ жильѣ, во вкусѣ большихъ деревянныхъ домовъ временъ Елисаветы Петровны, обшитый тесомъ, съ частыми пилястрами и рѣзными фестонами на карнизахъ, съ полукруглымъ наружнымъ крыльцомъ, ведущимъ сперва къ деревянной террасѣ; всѣ ступени были перегнившія, наружныя украшенія поломаны, нѣкоторыя обвалились; если запустѣніе было въ саду, то разореніе въ домѣ. Одинъ только новопостроенный театръ въ боку содержался въ порядкѣ. Видно, что отецъ жилъ баринкомъ, а сынъ фигляркомъ».

Въ такой обстановкѣ зачастую находились русскіе помѣщики въ тѣхъ великолѣпныхъ усадьбахъ, гдѣ еще наканунѣ все было такъ прекрасно и изысканно. Не видя ни въ чемъ препятствій своимъ необузданнымъ желаніямъ, живя на разстояніи нѣсколькихъ недѣль пути отъ Петербурга, окруженные толпой прислѣзниковъ, шутовъ, дураковъ и дуръ, они скоро забывали о тѣхъ салонныхъ манерахъ и обычаяхъ, которыми ихъ обучили при Дворѣ. И вполнѣ понятно, что такіе люди не только не могли создать новаго, но даже не сумѣли уберечь отъ гибели старое искусство.

Дѣвѣнадцатый годъ также погубилъ не мало. Помѣщики, спасавшіеся бѣгствомъ въ отдаленныя свои деревни, оставляли въ имѣніяхъ то, чего нельзя было запрятать или увезти съ собой. Во многихъ семьяхъ до сихъ поръ хранятся портреты дѣдушекъ и бабушекъ, «прострѣленные французской пулей». А сколько семейныхъ реликвій погибло при пожарахъ, сколько дивной старой мебели пошло на растопку костровъ для озябшей арміи «злого Корсиканца». Еще больше обстановокъ и цѣлыхъ усадебъ уничтожено пожарами, такъ какъ извѣстно, что Россія каждые три года сгораетъ до тла. А, вѣдь, даже богатѣйшіе помѣщики возводили свои дома изъ дерева, какъ построено Архангельское, Останкино, Кусково.

Параллельно съ войной и стихійными бѣдствіями, въ XIX столѣтіи началось какое то повальное вымираніе пышныхъ вельможъ Екатерининскаго вѣка. Ланской умеръ на рубежѣ двухъ столѣтій, за нимъ послѣдовали Зоричъ, Мамоновъ, послѣдній Румянцевъ, послѣдній Завадовскій, а Григорій Кирилловичъ Разумовскій эмигрировалъ. Такъ, одинъ за другимъ, опустѣли дворцы-усадьбы, полныя великолѣпныхъ затѣй. Шкловъ раньше другихъ подвергся разграбленію. «Какую ужасную переимѣну нашелъ я въ Шкловѣ по смерти генерала Зорича», пишетъ С. Тучковъ:¹⁷¹ «все опустошено. Вездѣ видны одиѣ развалины. Великолѣпное, зданіе, въ которомъ помѣщенъ былъ кадетскій корпусъ на его иждивеніе

содержимый, сгорѣло не задолго до его кончины. Огромная оранжерея, въ залахъ которой ежедневно принимаемо было множество гостей, и прекрасный театръ почти совсѣмъ обрушились. Большое деревянное строеніе, въ которомъ помѣщалось много прѣзжающихъ, извѣстное подъ названіемъ стараго замка, сгорѣло. Родственники покойнаго, жившіе при немъ съ великими выгодами, остались безъ дневнаго пропитанія».

Послѣ окончанія войны съ Наполеономъ, опять подъемъ интереса къ Россіи и къ помѣщичьему быту. Это увлеченіе продолжается до конца царствованія Николая Павловича. Между «Евгеніемъ Онѣгинымъ» и «Мертвыми душами» заключенъ періодъ нѣжнаго любованія родной природой и родными традиціями. Вотъ когда создается въ русской литературѣ милый обликъ деревенской дѣвушки Татьяны, и родившіеся въ эти годы Тургеневъ и Толстой воспринимаютъ послѣдніе завѣты помѣщичьей Россіи. И только они, видѣвшіе въ своихъ отцахъ людей стараго закала, могли предзакатнымъ свѣтомъ озарить умирающій вѣкъ. Потому такъ плѣнительно ласкаетъ насъ эта безвозвратно ушедшая красота, которая больше немыслима въ Россіи. И сколько ни сохранять старинныхъ дворянскихъ гнѣздъ и обстановокъ, гдѣ жили персонажи «Войны и мира» и «Мѣсяца въ деревнѣ» — все же никогда не возсоздать атмосферы быта и общей спокойной гармоніи. Актеры всѣ вымерли; остались лишь декорации игранныхъ ими пьесъ.

Освобожденіе крестьянъ было послѣднимъ рѣшающимъ моментомъ въ гибели старой культуры и крѣпостного искусства. Естественно, что и пріюты его — помѣщичьи усадьбы — скоро потеряли свой прежній смыслъ. Жизнь въ деревнѣ перестала быть «жизнью на вѣкъ», а лишь переходнымъ этапомъ, лѣтнимъ отдохновеніемъ. Тутъ получило свое пошлое значеніе слово «дача», которое раньше звучало скорѣе какъ пригородное маленькое имѣніе. «Русскій дачникъ» стало съ тѣхъ поръ если и не браннымъ, то, во всякомъ случаѣ, комическимъ выраженіемъ. Одно за другимъ гибли пригородныя имѣнія, но еще худшее дѣлалось въ глухихъ углахъ. Получивъ выкупныя деньги, помѣщики быстро проматывали ихъ либо въ губернскихъ городахъ, либо въ Петербургѣ. И деревенскіе кулаки — Разуваевы, Колупаевы, Подъугольниковы и Сладкопѣвдовы, такъ ярко зарисованные Щедринымъ и Атавой, скупали имѣнія за имѣніемъ, вырубали садъ за садомъ, перестраивали дома въ фабрики. Мебель и предметы убранства просто продавали на сломъ. Обезумѣвшіе помѣщики пустились въ спекуляціи, занялись устройствомъ заводовъ канареекъ или разведеніемъ зайцевъ...

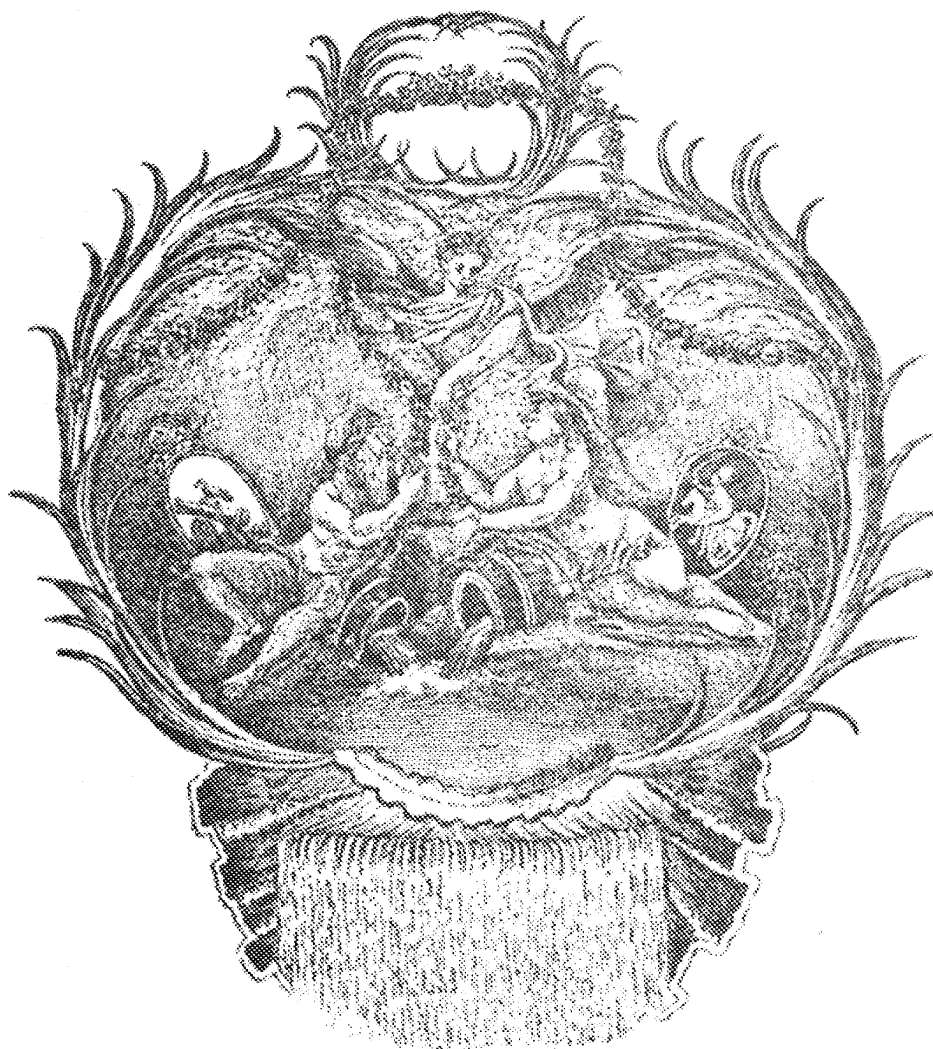
Некогда было думать объ усадьбахъ, гдѣ жили дѣды, гдѣ выросли послѣдніе владѣльцы крѣпостныхъ. Ихъ потревоженные тѣни бродили по пустымъ комнатамъ, откуда уносили мебель, гдѣ ломали стѣны скупщики-кулаки. Здѣсь началась трагедія «Вишневаго сада».

Но то, что удѣляло по странной случайности, погибло въ разрухѣ русской революціи. Бунтующіе крестьяне сожгли и уничтожили то немногое, что осталось дорогого и милаго, что напоминало о томъ, что Россія когда то могла называться культурной.

Въ общемъ кострѣ жгли безпощадно все, что поддавалось сожженію, рвали, рѣзали, били, ломали, толкали въ ступѣ фарфоръ, выковыривали

камни изъ драгоценныхъ оправъ, плавилъ серебро старинныхъ сосудовъ. Въ области разрушенія у русскихъ не было соперниковъ.

Такъ, въ грандіозномъ пожарѣ, умерло все, что существовало два вѣка, и какъ людямъ временъ Петра Великаго приходилось быть новыми строителями жизни, такъ мы въ новой пустынѣ видимъ лишь оазисы прошлаго. И чудится, что боязливо и жалостливо жмутся по стѣнамъ старыхъ домовъ одинокія и запуганныя тѣни. Блѣдныя, боязливыя, неловкія, чуть живыя бродятъ онѣ по пустымъ комнатамъ, смотрятся въ тусклыя зеркала, вздыхаютъ о старыхъ друзьяхъ: стульяхъ, столахъ, диванахъ, ширмахъ, о маленькихъ столикахъ, часахъ, фарфорѣ, бронзовыхъ фигуркахъ и портретахъ близкихъ. И тихо бесѣдуютъ съ оставшимися.

ОСТАТКИ ПРОШЛАГО.

Когда зачитываешься «рассказами бабушки», воспоминаниями Вигеля или «Дѣтскими годами Багрова внука», когда чувствуешь еще живыми и «Евгенія Онѣгина» и «Дворянское гнѣздо», — кажется страшнымъ и невозможнымъ кошмаромъ, что эта близкая намъ была уже не явь и унеслась безвозвратно. Просто не хочется вѣрить, что вырублены «Вишневые сады», что ушли съ земли старые помѣщики, что Разуваевы и Колупаевы — Щедринскіе герои — заняли ихъ мѣста. Ѣдешь по безконечнымъ дорогамъ, вдоль пахатныхъ земель, вдоль шумящихъ лѣсовъ и прихотливыхъ змѣй-рѣчекъ, Ѣдешь по бѣднымъ обнищавшимъ деревнямъ и съ ужасомъ и тоской видишь разруху, страшную разруху на каждомъ шагу. Если бы теперь какой нибудь досужій иностранецъ или російскій Маниловъ, на подобіе тѣхъ, что въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія писали и печатали свои «Прогулки по Россіи», пробѣжался бы на долгихъ изъ Петербурга въ Москву, въ Калугу, въ Тулу, въ Саратовъ, не говоря уже о далекихъ губерніяхъ — то эта, нѣкогда веселая и безмятежная «Прогулка» показалась бы ему страшнымъ сномъ.

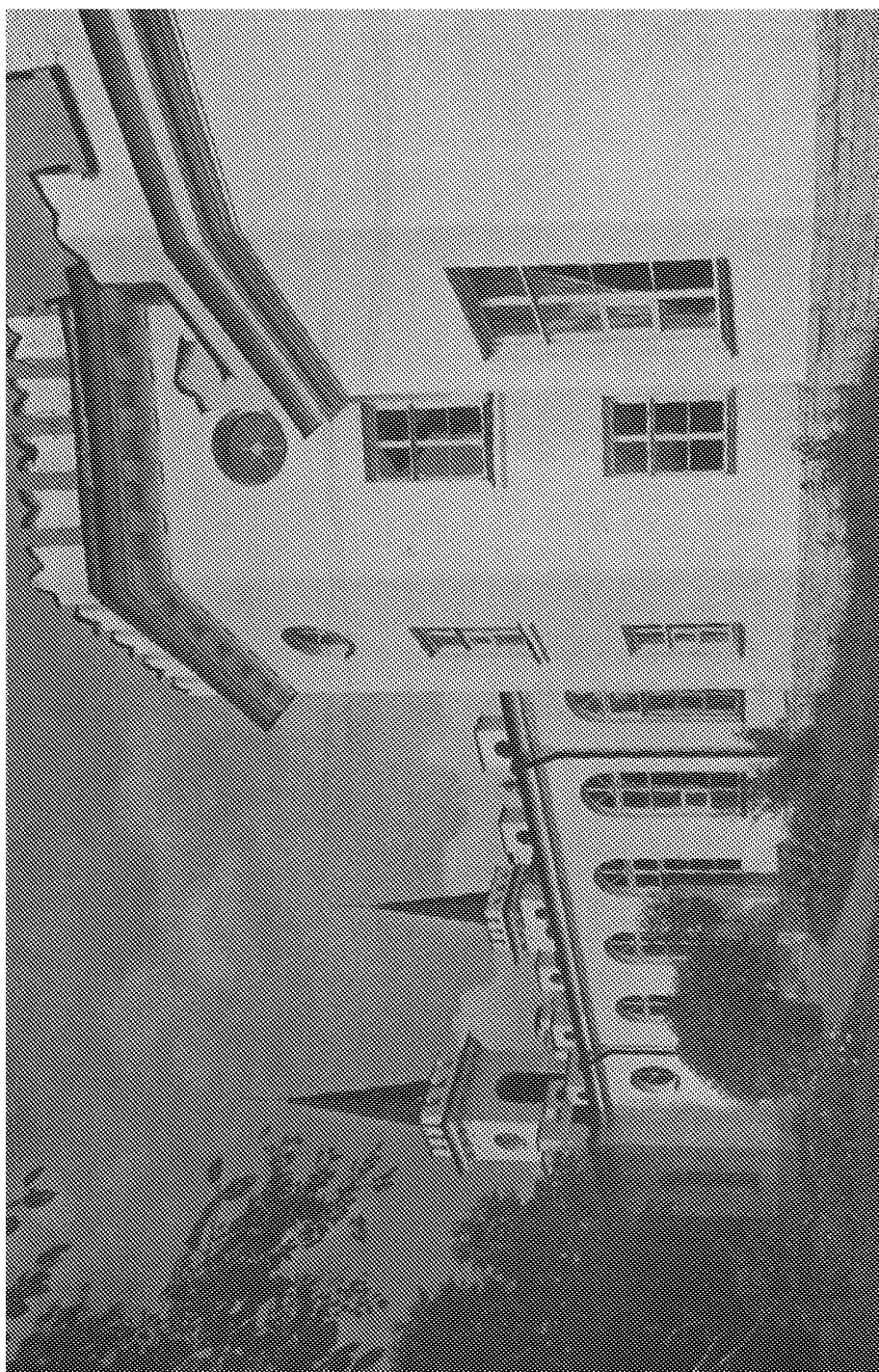
Всякій разъ, когда я въ русской деревнѣ, мнѣ чудится ясный ритмъ прежнихъ повѣствованій о Россіи, «цвѣтушій садъ», который воспѣвали стихами и прозой, «благословенные уголки земли», которые такъ заботливо зарисовывались Алексѣевымъ, послѣдователями Венеціанова, братьями Чернедовыми, Кунавинымъ, Чернышевымъ. И теперь милы намъ эти художники своей трогательной, иногда почти смѣшной, слѣпой, дѣтской вѣрой въ величіе и прелесть Россіи. Чудятся снова восхищенные и преувеличенные описанія фонъ-Гуна, Павла Свиньина, Бурьянова, Шаликова — всѣхъ тѣхъ, кто еще видѣли красоту и умѣли ее одѣлать. А главное — хотѣли ея, искали, требовали и потому, можетъ быть, иногда переоцѣнивали ее.

Боже мой, какая страшная перемѣна произошла съ тѣхъ поръ въ Россіи, какъ хочется теперь какого то новаго завоеванія земли, новой культуры, новыхъ людей и новаго искусства! И какъ безумно, до слезъ жаль этой старой, милой, дорогой и ласковой поэзіи помѣщичьяго быта, этихъ мечтательныхъ временъ, какъ жаль развалившагося, сгнившаго «Ларинскаго» дома и тѣхъ призраковъ близкой старины, что улетѣли отъ насъ...

Однако, пробѣжая сотни и тысячи верстъ по пепелищамъ и закрывая глаза на то, чего не вернуть — все же можно найти въ Россіи уцѣлѣвшіе уголки старыхъ лѣтъ. Вокругъ обѣихъ столицъ еще сохранились кое какія пригородныя имѣнія, правда, ничтожная часть того, что было.

Подъ Петербургомъ, на примѣръ, стоятъ нѣсколько помѣщичьихъ домовъ, снаружи и внутри сохранившихъ свой прежній обликъ. Вдоль Невы, по направленію къ Шлиссельбургу, можно встрѣтить старинныя усадьбы.

Дача Зиновьевыхъ, одна изъ первыхъ въ Россіи построекъ Монферрана,¹⁷² осталась почти такой же какой была. Изъ за зеленыхъ кущъ деревьевъ въ жаркій лѣтній день привѣтливо глядятъ крыши желтаго

Восточная фасадъ здания въ Одессѣ.

Личный кабинетъ князя Потемкина. Фасадъ боковой.

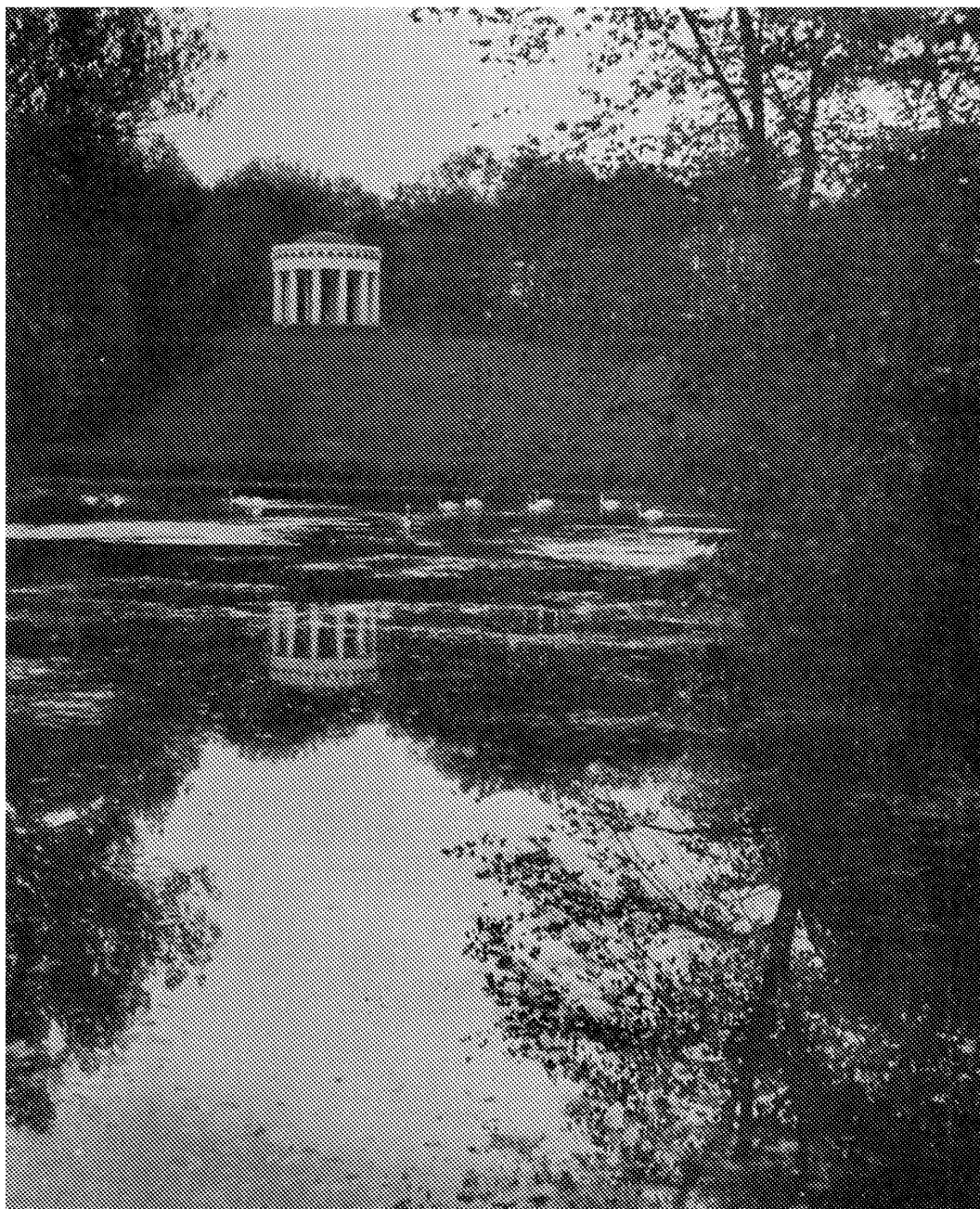
„Восточная“ на Невѣ. Соборъ Н. М. Одесса. — „Одесскій“, при Св. Писменности. Арх. и М. Одесскій.

Боковой фасадъ бывшаго дворца князя
Потемкина.

L'ancien château du prince Potemkine. Façade
latérale.

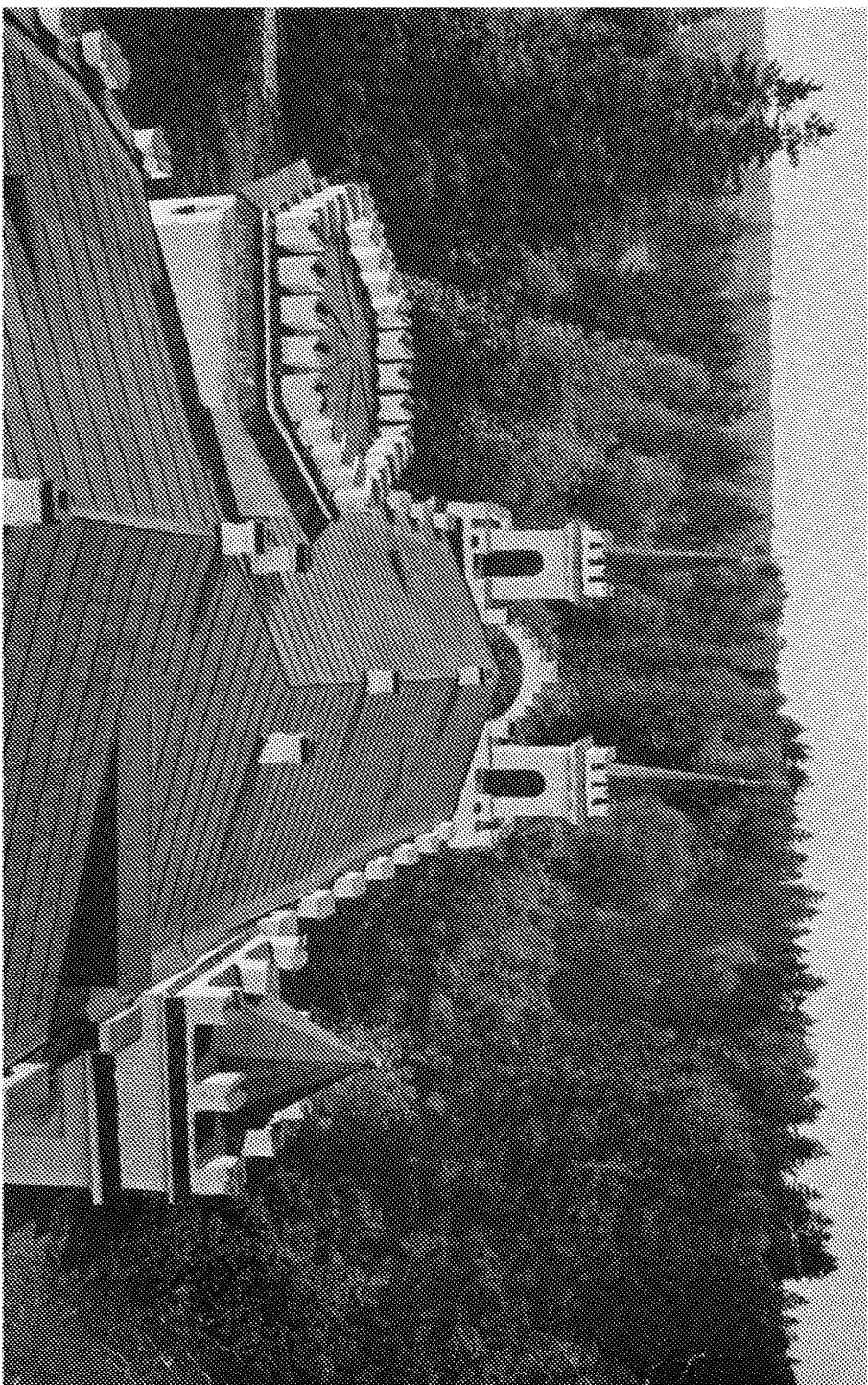
„Островки“, на Невѣ. Соборъ Н. М. Остроумова. — „Островки“, près St.-Petersbourg. App. à M. Olenchikoff.

Богатырь в парке.

Павильон в парке.

„Богатырь“ Киевской губ. Собор. на Т. П. Нуринской и гр. де-ла-Репарте.
„Богатырь“ près Kieff. App. à la princesse Kourakine et à la comtesse della Gherardese.

Большой дворец княгини Павловны Бель-О-Бель.

Ландшафт здания бывшей Павловны. Вид с юго-запада.

«Суровая», на Бель-О-Бель. М. М. Павловна. — Петербург. Арх. в М. Павловна.

съ бѣлымъ деревяннаго помѣщичьяго дома. Красива терраса, спускающаяся отъ дома къ водѣ. Широкая лѣстница по бокамъ уставлена мраморными бюстами «божествъ» и античныхъ героев. Домъ внутри простой и широкій, привѣтливый и уютный. Въ саду еще сохранился покосившійся деревянный «Эрмитажъ», съ вѣчно-заключенными, уныло-глядящими окнами. А паркъ — большой, безконечный, зеленый и радостный, также, смѣючись, шумить и шепчется листвою... По той же сторонѣ Невы, еще выше къ Шлиссельбургу, нѣкогда великолѣпные Острова стоятъ сирые и разоренные.¹⁷³

Дивное бывшее Потемкинское имѣніе торжественно высится среди ряда прихотливыхъ зеленыхъ островковъ, образуемыхъ рукавомъ Невы. На холмахъ, поросшихъ густымъ паркомъ, бѣлый гигантъ-домъ съ высокими башнями — напоминаетъ дворецъ Чесменскій. Стройно вытянулась башня, а съ нея, со сторожевой вышки, далеко-далеко видно Неву съ ея берегами. Домъ бѣлый, съ красными крышами; окна, какъ бойницы. Дальше, у подножія холма, бывшая оранжерея Свѣтлѣйшаго; теперь владѣлецъ имѣнія, купецъ И. М. Оленчиковъ, перестроилъ ее въ церковь. Внутри большого дома все разграблено: нѣтъ мебели, покрашены заново стѣны, лишь кое-гдѣ старые потолки съ затѣйливыми узорами. Аллеи парка, то прямые съ высокими деревьями, то извилисто-капризные, разбѣгаются по холмамъ и островкамъ. И всюду торчатъ назойливые и кричащіе, убогіе и неряшливые, охрой выкрашенные домики-дачи. Еще страшнѣе эти дачныя колоніи на той сторонѣ Невы, гдѣ пароходная пристань Лобаново.

Отъ старины здѣсь остались лишь маленькая хорошенькая церковь 1808 года при старомъ кладбищѣ, да покосившійся, непривѣтливый бывший Кокошкинскій помѣщичій домъ. Далѣе, въ 3 верстахъ Мѣдное, бывшее имѣніе чудака Саввы Яковлева, названное такъ по имени мѣдно-прокатнаго завода, нынѣ уничтоженнаго. Послѣ Яковлева домъ перешелъ къ какимъ то Ивановымъ, потомъ — къ писателю Лейкину; этотъ послѣдній завѣщалъ Мѣдное въ пользу Петербургскихъ городскихъ училищъ.¹⁷⁴ Домъ содержится прекрасно. Онъ съ колоннами, съ куполомъ надъ большой залой. Весь залъ расписанъ забавными фресками съ курьезными типами русскихъ крѣпостныхъ въ роляхъ боговъ мифологіи. Краски яркія и нестрыя; живопись конца XVIII вѣка, какъ бы предшественника Венеціанова, но болѣе правдиво, по краскамъ, рѣзче и пестрѣй. Общій эффектъ яркій, совсѣмъ современный *plein air*. Эти фрески въ дивной сохранности, заботливо содержатся, прикрыты бумагой отъ порчи. Съ переводомъ колоній въ другой домъ, онѣ черезъ нѣсколько лѣтъ будутъ открыты.

По той же сторонѣ Невы станція Ивановское, гдѣ бывший, великолѣпный нѣкогда, дворецъ Пелла. Остались лишь жалкіе слѣды былого величія загороднаго «увеселительнаго дома». Красивый круглый куполъ высится надъ колоннадой, какъ въ Таврическомъ дворцѣ. Домъ — бѣлый съ желтымъ; только, Богъ вѣсть, почему начальство артиллерійскаго парка, который помѣщается въ зданіи, выкрасила весь задній корпусъ, кольцомъ охватывающій дворецъ, небесно-голубой краской. Домъ въ ужасномъ видѣ: запущенъ, стѣны лунятся, внутри все

застроено безобразными клѣтушками, передѣлано и измѣнено. Обелиска Кваренги въ саду нѣтъ, да и самъ садъ безжалостно вырубленъ, и кругомъ опустѣлаго дома — голый грустный лугъ съ хозяйственными постройками.

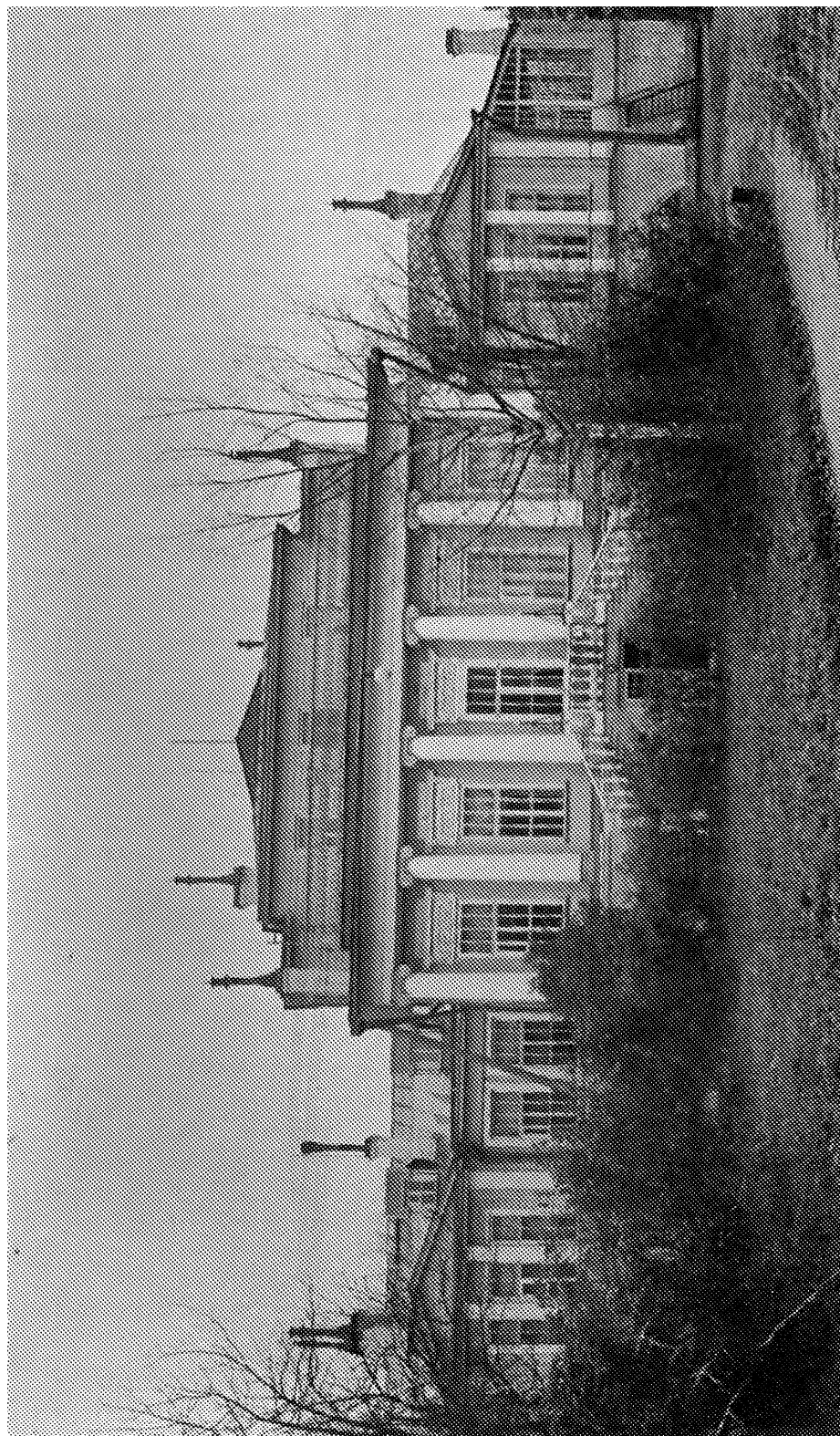
По Петергофской дорогѣ еще хуже; уничтожены и перестроены пригородныя усадьбы, отданы дивныя дачи Щербатова и Мятлева подъ сумасшедшіе дома. Только домъ графа А. Д. Шереметева еще стройно глядитъ бѣлымъ фасадомъ изъ за зеленой кущи деревьевъ огромнаго сада. А Рябово въ окрестностяхъ Петербурга, славное Рябово, гдѣ такъ мило играли въ любительскихъ спектакляхъ гости хлѣбосольнаго Всеволожскаго?

Оно цѣло, и Всеволожскіе живутъ въ немъ. Среди сада, скрытый деревьями, стоитъ большой, помѣстительный барскій домъ. Незатѣйлива его архитектура, но въ скромныхъ и спокойныхъ пропорціяхъ ясная простота, такъ идущая къ помѣщичьему дому. Внутри домъ большею частію новый, устроенъ съ комфортомъ; отъ прежняго времени сохранилась только гостиная, выходящая на террасу, въ садъ. Красива маленькая, низенькая домашняя церковь въ верхнемъ этажѣ съ великолѣпными царскими вратами. Въ домѣ есть хорошая мебель: французскій рѣзной шкафъ, второй половины XVIII, вѣлка и другой, маркетри 1753 г., диванъ Louis XV; хорошъ бронзовый «Прометей» Козловскаго, такой же, какъ мраморъ у Е. И. Всеволожской и гипсъ въ Музеѣ Александра III.¹⁷⁵ Интересны семейные портреты Кикиныхъ, Всеволожскихъ, княгини Голицыной — *La Vieille du rocher* — кисти Рокотова,¹⁷⁶ картина Рубенсовской мастерской,¹⁷⁷ «Казакъ» — Орловскаго.¹⁷⁸ Вотъ и все, что осталось стараго въ большомъ и уютномъ Рябовскомъ домѣ.

Но гдѣ же другія барскія усадьбы, пригородныя дачи, столь заботливо и красиво устроенныя уюты близкой старины? Гдѣ дачи Вольфа, Бестужевой, Шувалова, Строганова, Безбородки, В. В. Долгорукова, кн. Дашковой, Лаваль, Минихъ,¹⁷⁹ кн. Лопухиной, Кожина, Молчанова, гдѣ «Ага!» и «Ба! ба!», гдѣ дачи Мятлева, Куракина, Репнина и сотни другихъ? Въ лучшемъ случаѣ отъ нихъ сохранились стѣны, а внутри устроены фабрики, или сумасшедшіе дома; большинство цѣликомъ уничтожено.

Въ окрестностяхъ Москвы — больше помѣщичьихъ усадебъ. Родовыя традиціи бережливѣе сохранялись въ старыхъ подмосковныхъ и красивы до сихъ поръ пригородныя имѣнія. Конечно, эта «сохранность» только относительная. Вѣдь отъ Кузьминокъ, отдаваемыхъ подъ дачи, или отъ Ноева сохранились только стѣны, вѣдь не осталось и слѣда отъ великолѣпнаго Кучукъ-Кайнарджи, вѣдь безжалостно, варварски, разорены Горенки и десятки другихъ помѣстій. Но все же еще сохранилось кое что.

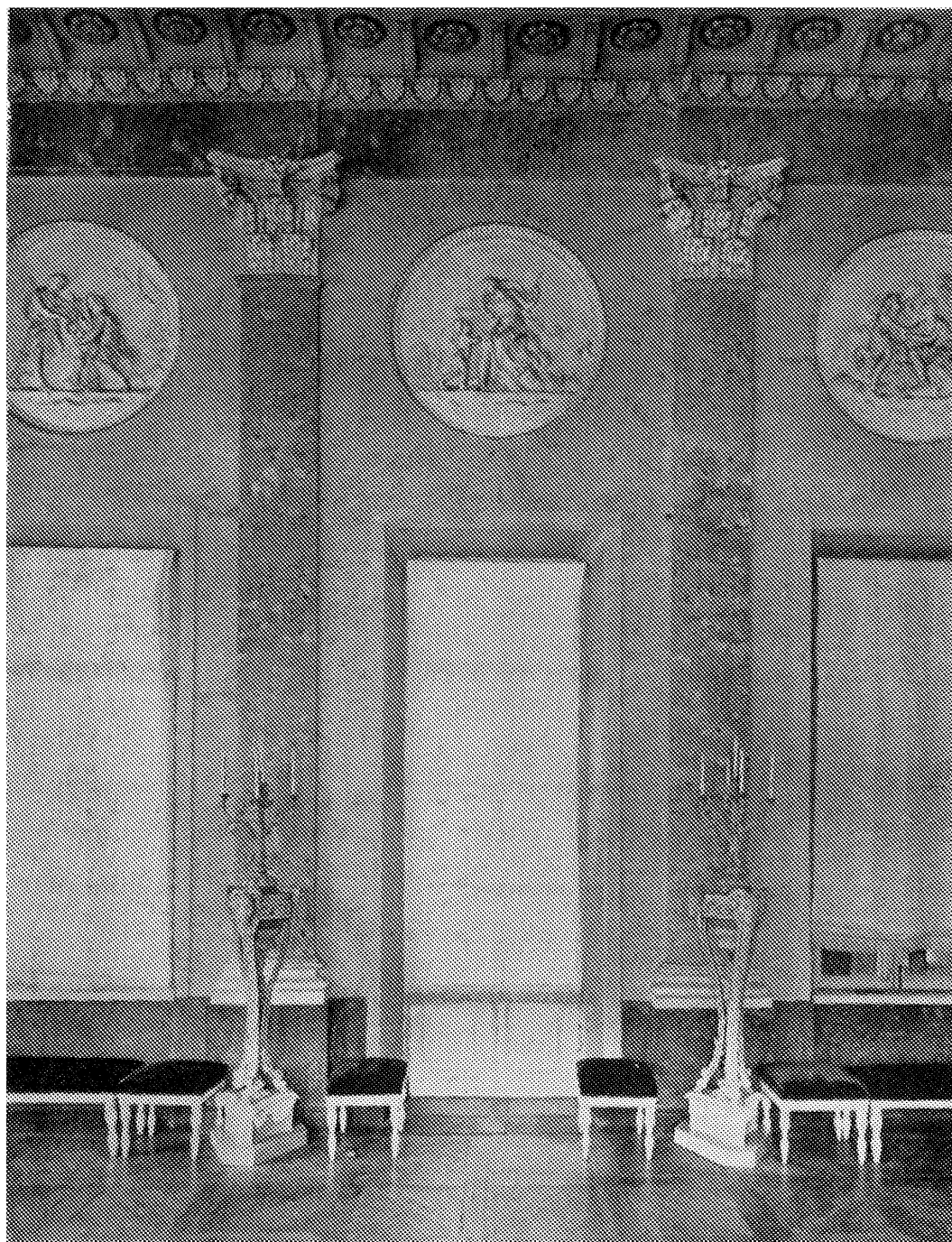
Архангельское, — кн. Юсуповыхъ,¹⁸⁰ волшебный дворецъ по своему великолѣпію, вкусу и изысканности убранства, даетъ представленіе о томъ, что въ свое время было въ Горенкахъ, въ Почепѣ, Ляличахъ и другихъ имѣніяхъ-дворцахъ; это не усадьба средней руки помѣщика, привлекательная теперь только своимъ отжившимъ бытомъ, это поистинѣ дворецъ, не уступающій по красотѣ итальянскимъ вилламъ.

Дача 2001.

„Россиа“ Гора С.-Петербург. Фото В. В. Бессонов. — „Наша“ про С.-Петербург. App. & W. F. Wainwright.

Фасад дачи.

Бѣлый залъ.

Le salon blanc.

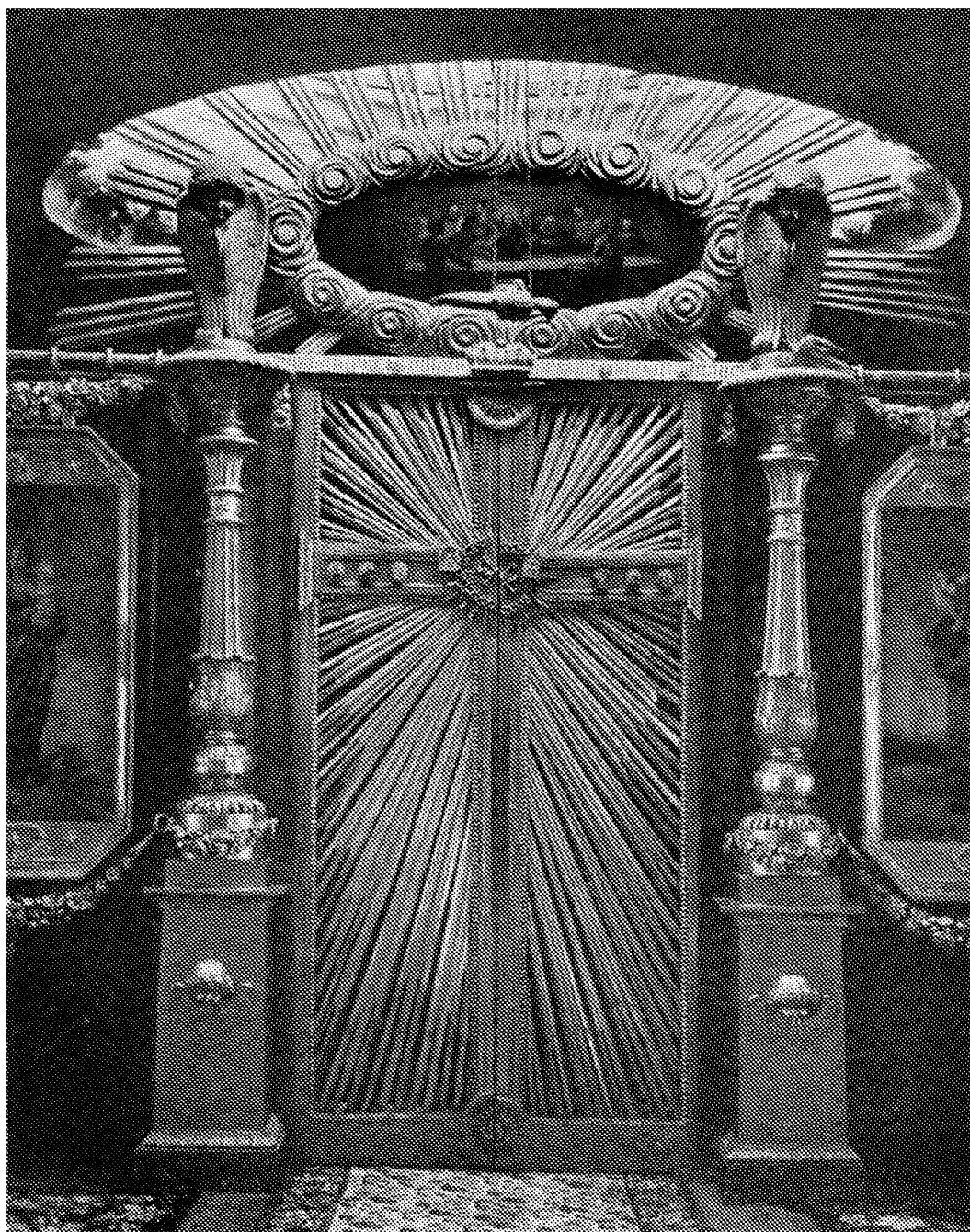
„Люблино“, вѣздъ Москвитинъ. Соборъ. Н. К. Гусарова.
„Люблино“, прѣдъ Москвитинъ. Арх. А. М. Голубевъ.

Оранжерея.

Orangerie.

„Куское“, влад. Московск. Собора, графа С. А. Шереметева.
 „Kouskovo“, près Moscou. App. au comte S. Chérémétief.

Нареша зраца на златној перси.

La porte d'antel.

„Работо“ била С-Нерепорпа. Собета, Р. Н. Востановича.
„Дабово“ прес St.-Petersbourg. App. à W. P. Wsévolsky.

Входные ворота съ летящей Славой, терраса съ рядомъ мраморныхъ бюстовъ, передняя, залъ, картинная галерея, «спальня герцогини Курляндской», домашній театръ, статуя, картины Робера, Тревизани, Гвидо Рени, ванъ Гойена, Греза, Ротари и Торелли — все это сохранилось до сихъ поръ въ полной неприкосновенности. Архангельское имѣетъ съ Кусковымъ единственныя, дошедшія до насъ, русскія помѣстья въполнѣ европейскаго уровня. Когда подъѣзжаешь къ Кускову¹⁸¹ и входишь въ массивныя бѣлыя ворота, то вдругъ кажется, что перенесся и въ другую страну и въ другое время. Трудно повѣрить, чтобы въ Московской губерніи, среди грязныхъ мужицкихъ избъ, голодающихъ крестьянъ, въ мірѣ полу-варваровъ могла родиться волшебная сказка. Но еще непонятнѣе, какъ во всеобщей разрухѣ уцѣлѣла и дошла до насъ эта прекрасная повѣсть о минувшемъ. Послѣ скверной желѣзнодорожной станціи и дачныхъ построекъ, кусковскій дворецъ и паркъ кажутся такой дивной, прелестной выдумкой, въ которую не смѣешь повѣрить. Строгія аллеи сада со стриженными деревьями чудятся грезой о Версалѣ или Шантильи. Садъ, домъ и сокровища его почти дѣлкомъ сохранились такими, какъ ихъ описывалъ Свиньинъ въ началѣ XIX вѣка:¹⁸²

«Прежде всего пустился я осмотрѣть домъ, о великолѣпіи коего слышался съ малолѣтства, великолѣпію коего, сказывали мнѣ, удивлялся Императоръ Іосифъ, и гдѣ два раза Графъ Шереметевъ достойно угощалъ Великую Екатерину. Многія картины, писанныя на особые случаи, многіе фамилные портреты, нѣкоторыя вещи, подносимыя Графомъ Шереметевымъ, и тому подобное, возбуждаютъ богатые воспоминанія. Вообще, Кусково можетъ быть причислено къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ невольно задумываешься, ходя, такъ сказать, по слѣдамъ еще не остывшимъ».

Курьезно, что Свиньинъ уже жалѣлъ о томъ, что отъ «старого» Шереметевскаго Кускова осталось мало. Но мы довольны и тѣмъ, что дошло до насъ со времени Свиньина. Останкино уступаетъ Кускову, такъ какъ сюда въ старину стекались только «остатки», ненужные большому дворцу Шереметевыхъ, но и Останкино дивная усадьба. Оно также сохранилось въ дѣлности и почти не имѣетъ послѣдующихъ наслоеній. Того же нельзя сказать о загадочно-прекрасномъ, мрачномъ имѣніи Покровское-Стрѣшнево. Оно почти все перестроено и эти перестройки производились нѣсколькими поколѣніями его владѣльцевъ. Рядомъ съ центральнымъ фасадомъ XVII столѣтія, есть боковыя пристройки XVIII вѣка, отдѣлка комнатъ еврѣе, дивный «ванный домикъ» въ саду въ стилѣ Людовика XVI и часть совсѣмъ новыхъ сооружений въ «индѣйскомъ» стилѣ, воздвигаемыхъ по рисункамъ нынѣшней владѣльцы Покровскаго, княгини Шаховской-Глѣбовой-Стрѣшневой. Но, несмотря на такое дикое сочетаніе и часто невозможную смѣсь всѣхъ эпохъ, дворецъ Покровскаго со своимъ необъятнымъ вѣковымъ паркомъ, окруженнымъ высокими, мрачными, недавно воздвигнутыми стѣнами, производитъ какое то жуткое и неизъяснимо чарующее впечатлѣніе. Совсѣмъ особый міръ воспоминаній и былинъ, длинная вереница семейныхъ хроникъ, причудливая повѣсть о чудачествахъ обитателей дома привлекаетъ и манитъ васъ. Будто видишь за высокимъ фасадомъ въ узкихъ окнахъ, порос-

шихъ плющемъ, блѣдные облики Елисаветы Петровны Глѣбовой-Стрѣшневой, ея сына Петра, племянницы Лизы Щербатовой, старой-старой крѣпостной Дарьи Ивановны Рѣпиной, скончавшейся 98 лѣтъ, въ ноябрѣ 1905 года. Хороша синяя, «цвѣта сахарной бумаги», гостиная въ большомъ домѣ, отдѣланная à l'antique въ помпейскомъ стилѣ, съ красивой, бѣлаго дерева, мебелью конца XVIII вѣка. Потомъ идешь по саду, съ безконечными прямыми дорогами, окаймленными столѣтними деревьями, идешь долго къ «ванному домику», входъ въ который охраняетъ маленькій мраморный Амуръ. Домъ стоитъ надъ гигантскимъ обрывомъ, поросшимъ густымъ лѣсомъ, который кажется мелкимъ кустарникомъ, уходящимъ въ даль. Построена эта очаровательная игрушка мужемъ Елисаветы Петровны Стрѣшневой, какъ сюрпризъ женѣ. Въ книгѣ «Mon aïeule»¹⁸³ разсказана эта повѣсть. Домъ полонъ дивныхъ англійскихъ гравюръ, хорошихъ старыхъ копій съ семейныхъ портретовъ. И на каждомъ шагу, въ каждой комнатѣ кажется будто бродятъ тѣни тѣхъ, кто здѣсь жили. Въ красной маленькой гостиной видѣется надпись:

«16 июля 1775 года Императрица Екатерина Великая изволила посѣтить Елисаветино и купать чай у владѣтельницы онаго Елисаветы Петровны Глѣбовой-Стрѣшневой». Въ другой комнатѣ на антресоляхъ опять воспоминаніе: «Въ этой библиотекѣ Николай Михайловичъ Карамзинъ писалъ многія страницы своей исторіи Россіи». И снова чудятся ушедшіе призраки, которымъ Raphaël Petrusci посвятилъ стихи:

*«Dans le palais hanté de fantômes troublants,
Spectres d'espoirs défunts et de beautés passées,
La Race finissante aux énergies lassées,
Achève de mourir ses derniers jours tremblants.*

*Car l'âpre volonté des anciens conquérants
A subi l'acclame d'un sommeil séculaire,
Et dans le soir venu d'ombre crépusculaire
S'endort l'audace aimée des chevaliers errants.*

*A travers les années écoulées lentement
Les âmes des aïeux ont forgé, silencieuses,
Le charme épanoui des beautés merveilleuses
Dont les frères rayons vacillent doucement.*

*Si la lignée se meurt pour l'avenir lointain
En un dernier éclat de splendeur souveraine,
C'est qu'au rêve adouci de la dernière Reine
L'œuvre du temps revit l'aurore d'un matin».*

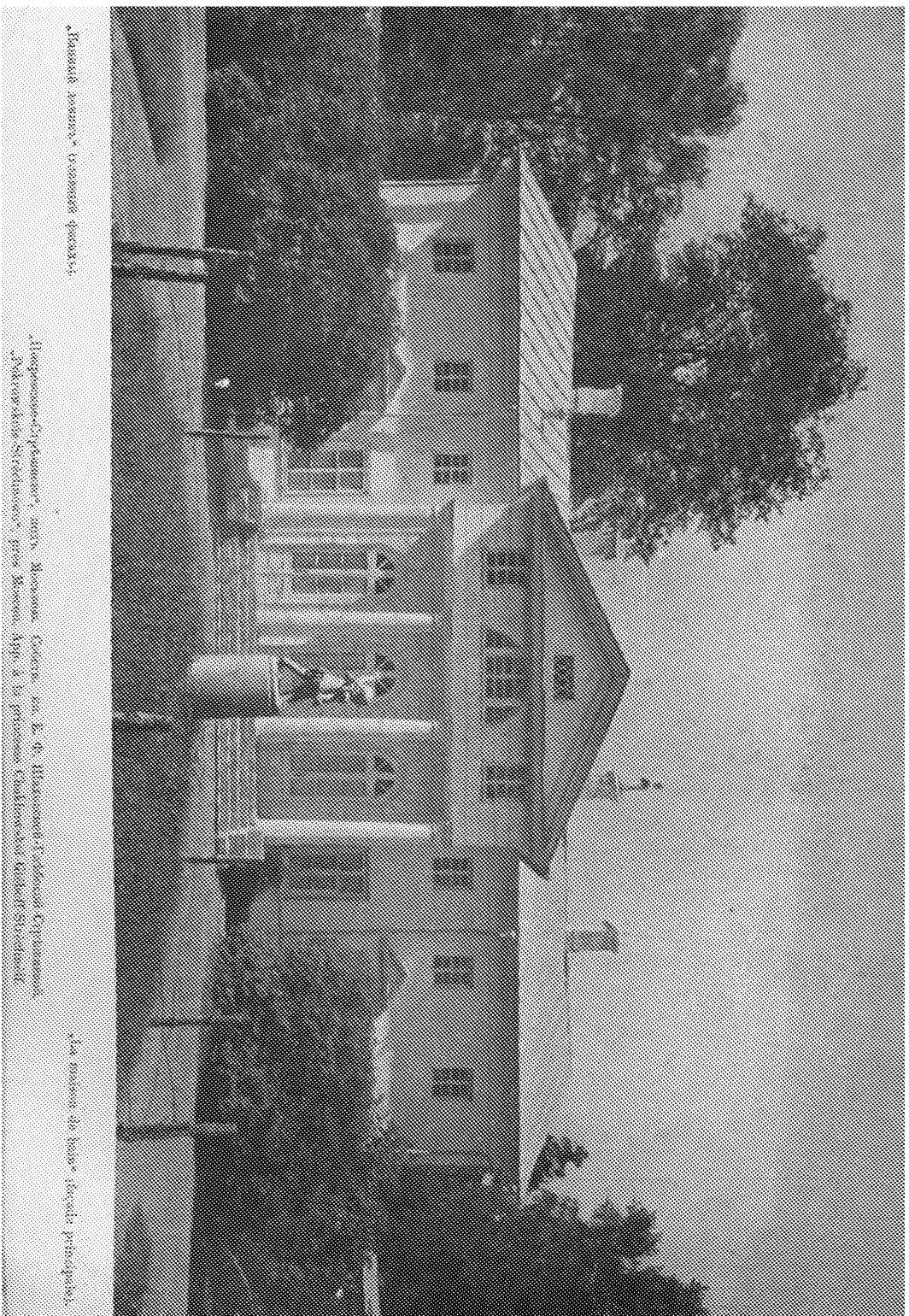
Въ другихъ уѣздахъ Московской губерніи также сохранилось нѣсколько родовыхъ имѣній. Лучшія помѣщичьи усадьбы принадлежали Голицынымъ или перешли отъ нихъ по наслѣдству. Ихъ многочисленная семья оставила въ жизни крѣпостной Россіи много памятниковъ, драгоценныхъ для исторіи культуры и искусства. Голицынскими были и Архангельское, и Маремно, и погорѣвшая Зубриловка, Саратовской губерніи, и Козацкое, Кіевской губерніи. Голицынымъ принадлежатъ те-

„Банный домик“.

La maison de bain.

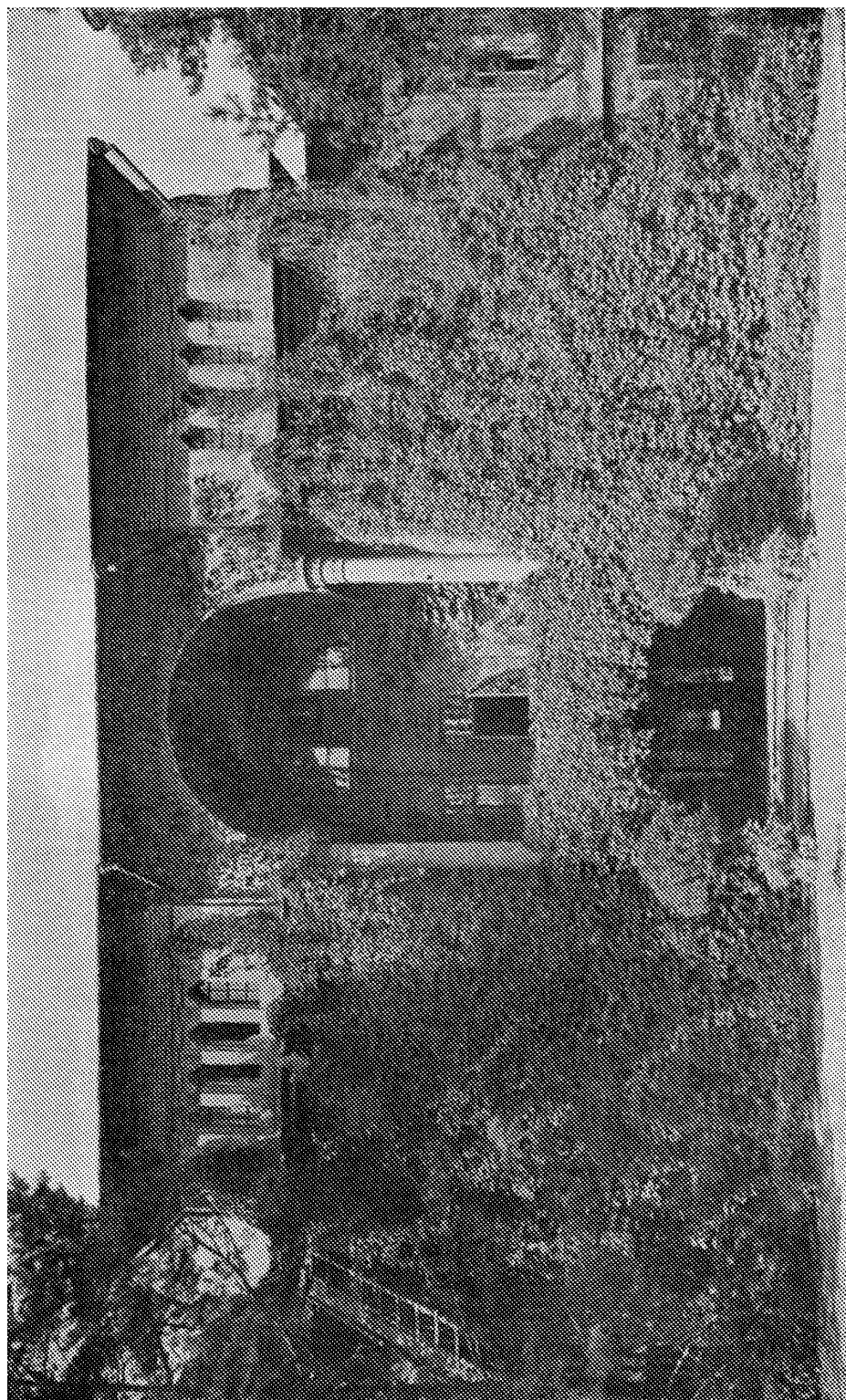
„Покровское-Стрешнево“, Московский губ. Собств. им. Е. Ф. Шаховской-Грибоской-Стрешневой.
 „Pokrowsko-Strasznewo“, près Moscou. App. à la princesse Chakhowskai-Griboff-Straszneff.

«Музей имени Г.И. Успенского».

«Дом-музей Г.И. Успенского» в Москве. Фото: И. И. Успенский. Фото: И. И. Успенский.
«Дом-музей Г.И. Успенского» в Москве. Фото: И. И. Успенский.

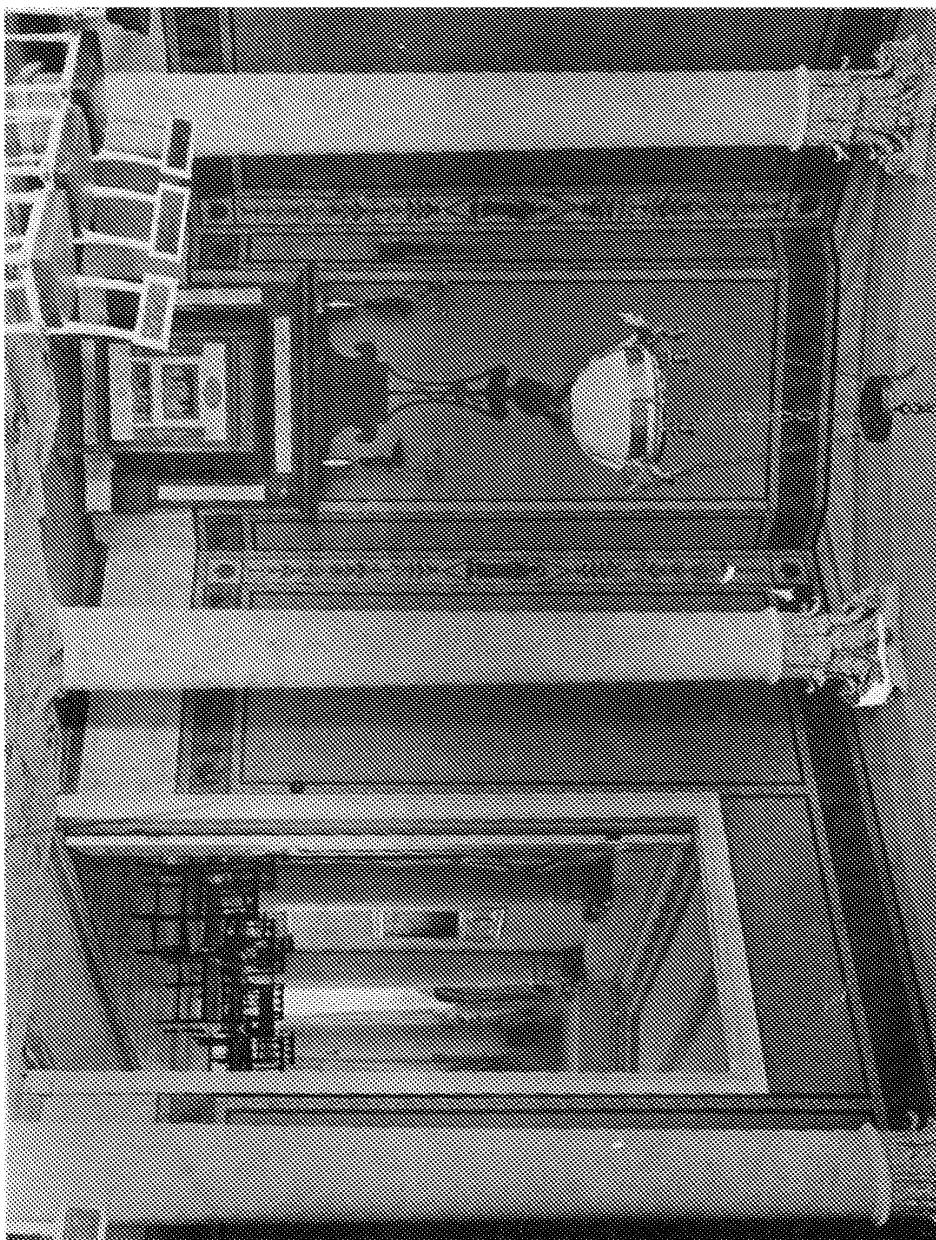
«Музей имени Г.И. Успенского».

Панорама форта № 10.

„Восточный-Сибирский“, редактор: Г. И. Исаев. Адрес: г. Иркутск, ул. Кирова, 10. Адрес: г. Иркутск, ул. Кирова, 10. Адрес: г. Иркутск, ул. Кирова, 10.

La fagda principala.

Зеркало.

«Исторический музей», Москва, зал № 6. Мраморный Пьедестал-Столбец.

Зеркало.

Сфинксъ у дверей дома.
„Никольское“, подѣ Москвою. Собств. кн.
А. Н. Голицыной.

Un des sphinx près de la porte d'entrée.
„Nicol'skoe“, près Moscou. App. à la princesse
A. Galitzine.

перѣ Городня близѣ Калуги, Марьино близѣ Новгорода, Петровское, Никольское, Дубровицы и Кузьминки подѣ Москвой.

Эти два послѣднихъ имѣнія были уже описаны въ «Старыхъ Го-
дахъ». ¹⁸⁴ Но какъ хорошо, какъ увлекательно прекрасно Никольское-
Урюпино, гдѣ такъ дивно сохранился старый домъ. Впрочемъ, въ имѣнія
ихъ два: одинъ современный Архангельскому и построенный тѣмъ же
архитекторомъ для князя Николая Сергѣевича Голицына, ¹⁸⁵ другой болѣе
поздній и простой, 1811 года. Главная прелесть Никольскаго, это старый,
екатерининскій маленькій бѣлый домикъ, изысканно - скромный сна-
ружи и, какъ драгоценная табакерка, сверкающій внутри. Въ комна-
тахъ этой маленькой сказки все обдуманно и зачерчено умѣлой рукой.
Преместенъ большой свѣтлый залъ съ бѣлой кафельной печкой дивнаго
рисунка, съ фресковыми узорами на стѣнахъ и на потолкѣ. Хорошъ гип-
совый бюстъ кн. Юсупова, работы Витали ¹⁸⁶ — такой же, какъ мраморъ въ Петербургѣ, въ Юсуповскомъ дворцѣ. Такъ же изысканны, какъ

большой залъ — маленькія комнаты: палевая, ярко-зеленая и голубая. Очаровательна живопись потолковъ, стѣнные фрески по композиціямъ, гравированнымъ Буше. Входъ въ домъ сторожатъ два бѣлыхъ сфинкса съ головами — какъ бы портретными лицами женщинъ XVIII столѣтія. Большой домъ простой и уютный; хороши въ немъ библіотека, семейные портреты. ¹⁸⁷

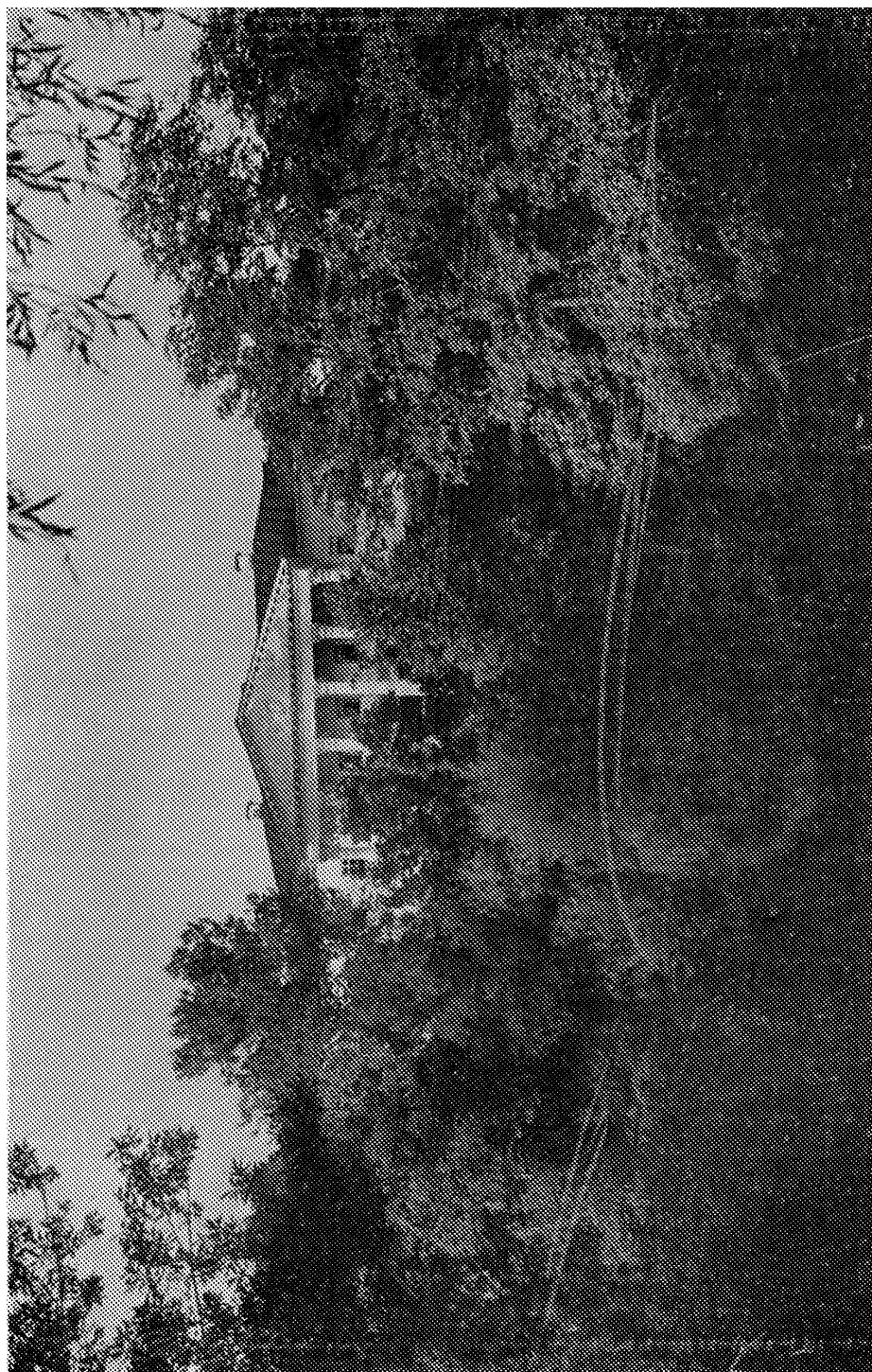
Другое Голицынское имѣніе, въ 35 верстахъ отъ Москвы — Петровское, суровое и серьезное; въ немъ еще больше воспоминаній о старинѣ. Домъ стоитъ въ большомъ тѣнистомъ саду при слияніи Истры съ Москвою. Когда то Петровское принадлежало князьямъ Прозоровскимъ, владѣвшимъ имъ съ 1646 года. Княжна Анастасія Петровна, вышедшая за Голицына, передала въ этотъ родъ имѣніе. Дивная церковь, построенная въ 1688 г., сохранилась донинѣ. На освѣщеніи ея присутствовали царь Иванъ Алексѣевичъ и царевна Софья. Въ церкви прекрасныя иконы, писанныя Милутинымъ — ученикомъ Симона Ушакова, двѣ Тихвинскія иконы, времяя Грознаго, ризы, шитыя жемчугомъ, два дивныхъ напрестольныхъ креста, изъ которыхъ одинъ пожертвованъ Θεодоромъ Лихачевымъ. ¹⁸⁸

Нѣкогда въ Петровскомъ былъ затѣйливый старый домъ.

«Этотъ готическій замокъ имѣлъ четыре башенки; во всю длину фасада тянулась галерея, боковыя двери которой соединяли ее съ флигелями. Вокругъ замка разстился громадный красивый лѣсъ, окаймлявшій равнину и спускавшійся, постепенно суживаясь, къ слиянію Истры и Москвы». ¹⁸⁹

Теперь стараго дома уже нѣтъ; на мѣсто его выстроены въ 1808 г. ¹⁹⁰ новый, большой и помѣстительный, съ классическимъ фронтономъ, поддерживаемымъ колоннами. Изумительно хороша передняя «Петровскаго»: спокойная, простая и величественная, съ бѣлаго дерева банкетками и столами съ «античнымъ» бюстомъ въ нишѣ и медальонами на стѣнахъ, съ превосходнымъ стекляннымъ фонаремъ. Потомъ идетъ рядъ большихъ, помѣстительныхъ комнатъ, уставленныхъ хорошей старой мебелью, съ галереей семейныхъ портретовъ на стѣнахъ. Въ просторной столовой отличный Шубинскій бюстъ князя Θεодора Николаевича Голицына — куратора Московскаго университета, ¹⁹¹ профильный мраморный медальонъ Императрицы Елисаветы Петровны съ подписью: L. Vassé fecit anno 1767. ¹⁹² Подъ портретомъ Государыни — историческая справка: «Императрица Елисавета Петровна посѣтила Петровское 12 іюля 1747 года». Въ этой же комнатѣ дивные часы Gillé l'aîné à Paris. ¹⁹³ Въ билліардной (синее съ сѣрымъ) опять нѣсколько портретовъ, чудныя бра Louis XVI, красивая мебель Empire, краснаго дерева. Въ красной гостиной рядъ недурныхъ картинъ, прекрасный бюстъ Екатерины II, подписной Ф. Шубинымъ (1771 г.). ¹⁹⁴ Общее впечатлѣніе спокойное, тихое и дѣльное. Отъ всѣхъ предметовъ и комнатъ этого большого серьезнаго и массивнаго дома, отъ картинъ, портретовъ и стѣнъ и отъ тѣнистаго сада вѣетъ какой то особенной сосредоточенной думой, тихимъ и ласковымъ воспоминаніемъ.

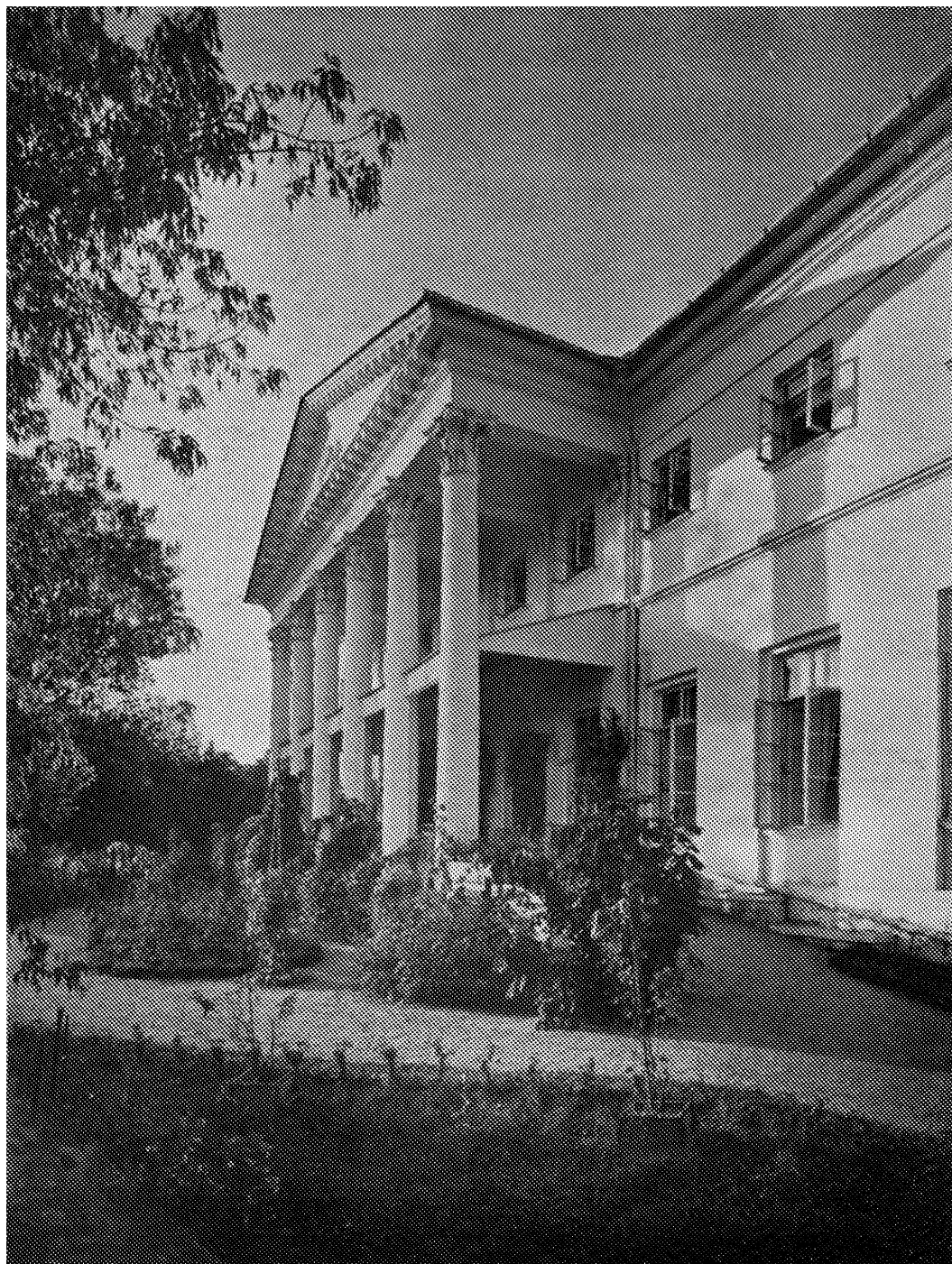
Здѣсь хочется работать и мечтать, читать длинныя книги, грезить о далекой дорогѣ, вспоминать о прошедшихъ дняхъ. Каждый домъ и

Вилла Агостино де Сиприано

Le château vu du jardin

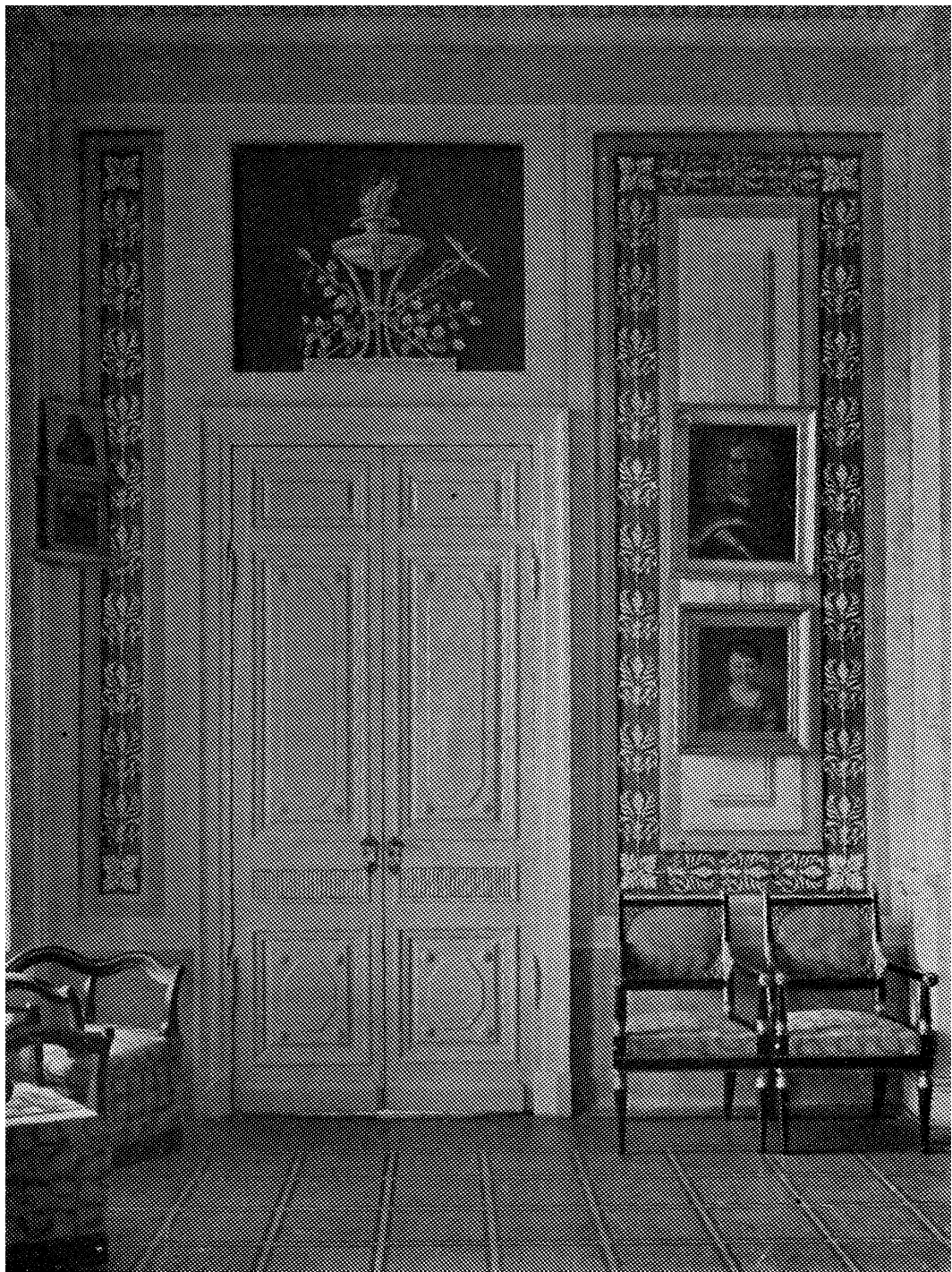
„Перепелка“, село Мачуши, Кофери, на А. В. Геммани — „Портрети“, село Мачуши, Кофери, на А. Геммани.

Фасада со стороны дома.

La façade vue du jardin.

„Непротское“, близ Москвы. Соборн. зн. А. Я. Фомина.
„Пётровка“, близ Москвы. Арх. зн. А. Галкина.

Орна въ фрескама.

Le mur orné de fresques.

„Петровское“, близ Москвы. Собранъ имъ А. М. Горюхинымъ.
„Petrovskoe“, près Moscou. App. au pr. A. Galitzine.

L'ancien couvent romain.

«Hospice», sous Monseigneur Cécile ou A. M. Foucault. — «Prieuré», sous Monseigneur App. ou sous A. Fautou.

Passage principal du couvent.

каждое жилье имѣетъ свой опредѣленный «человѣческій» характеръ: съ каждымъ думаешь, живешь и чувствуешь по разному.

Въ Никольскомъ все чудится жизнерадостной веселой улыбкой березнаго времени и прихотливыхъ куколъ-людей; въ Покровскомъ чудаческой сказкой, недоступной и щемящей своей жуткой красотой; въ Кусковѣ — пышнымъ праздникомъ «Россійскаго Версаля»; въ Петровскомъ — тихимъ рассказомъ, степеннымъ повѣствованіемъ, задумчивой грезой. Въ «Голицынской Россіи» и дальше отъ Москвы есть старая глѣзда, полная ласковой щемящей тоски о прошедшемъ. «Желѣзняки». Калужской губерніи, принадлежащіе кн. В. М. Голицыну, не историческое имѣніе, не домъ-дворецъ, а простая милая русская усадьба, тотъ уютъ помѣщичьяго быта, что далъ поэзію Пушкина, Тургенева и Толстого. И каждый, кто когда либо жилъ въ русской деревнѣ и ощущалъ на себѣ ея поработшающее обаяніе, пойметъ и почувствуетъ, что, право, помимо чисто-вишнихъ формъ жизни и вещей, въ прежнихъ предметахъ, какъ и въ людяхъ — есть магическая сила и своя, особая, непреодолимая красота. Вотъ почему такимъ добрымъ и ласковымъ эхомъ нѣжатъ насъ старыя картины, прежняя музыка, старинные дома и старосвѣтскіе люди. Старый домъ Желѣзняковъ полонъ портретами времени Екатерины и Александра. Здѣсь почти вся семья графовъ Лазаревыхъ, Деляновъ, княжна Анна Давыдовна Абамелекъ, впоследствии Баратынская.

«Когда то помню съ умиленіемъ,
Я смѣлъ васъ нянчить съ восхищеніемъ:
Вы были дивное дѣтя.
Вы расцвѣли: съ благоговѣніемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердце и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношу съ,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь!»¹⁹⁵

писалъ Пушкинъ, восхищавшійся огненными глазами и райской красотой Баратынской. Эта Пушкинская греза какъ бы до сихъ поръ вѣетъ надъ уютнымъ домомъ Желѣзняковъ. А смотря на прелестный рисунокъ А. Брюллова — «Лазарева, рожденная княжна Биронъ», вспоминаются мемуары de la duchesse de Dino, которая не разъ о ней упоминаетъ.¹⁹⁶

Но вернемся въ Московскую губернію. Здѣсь опять «Голицынская Россія» — Кучукъ-Кайнарджи — кн. Николая Сергѣевича илѣ, правильнѣе, мѣсто, гдѣ нѣкогда стоялъ Румянцевскій дворецъ.¹⁹⁷ Мѣтъ 40 назадъ онъ уничтоженъ, а теперь тутъ маленькій невзрачный домъ. Только невдалекѣ, въ деревнѣ Фенино, еще остались слѣды отъ пребыванія Румянцевыхъ. Это памятникъ Екатеринѣ II, исполненный Демутъ-Малиновскимъ.¹⁹⁸ У бюста государыни въ шлемѣ Минервы — фигура Побѣды съ копьемъ. У ногъ ея извивается змѣя. Надпись на памятникѣ говоритъ: «Отъ Екатерины дана сему мѣсту знаменитость оглашающая навсегда заслуги графа Румянцева-Задунайскаго крестьяне приобрѣли безмездную свободу въ 1833 году. Отъ благоговѣющей благодарности графа Сергія Румянцева».

Плафонъ работы Скотти.
„Люблино“, подъ Москвою.
Собств. Н. К. Голофтьева.

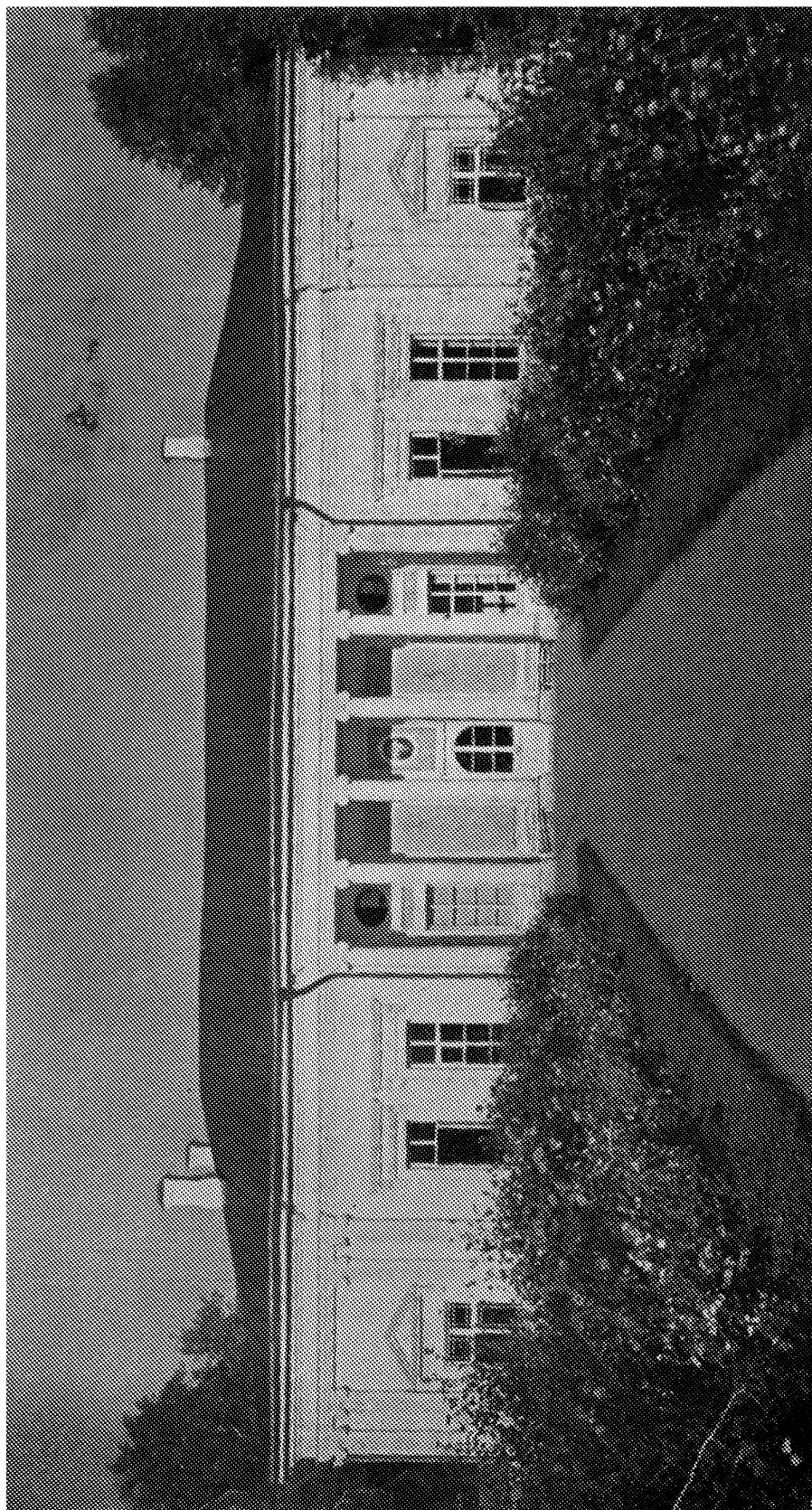
Plafond par Scotti.
„Lioubliino“, près Moscou.
App. à M. Goloftseff.

Недалеко отъ Фенина пепелище Никольскаго — бывшего имѣнія «Салтычихи». Потомъ еще, еще...

Но не одни Голицыны владѣли въ старину красивыми усадьбами.

Одна изъ самыхъ чудаческихъ построекъ крѣпостной Россіи — домъ Люблина, нынѣ принадлежащій Голофтьеву.

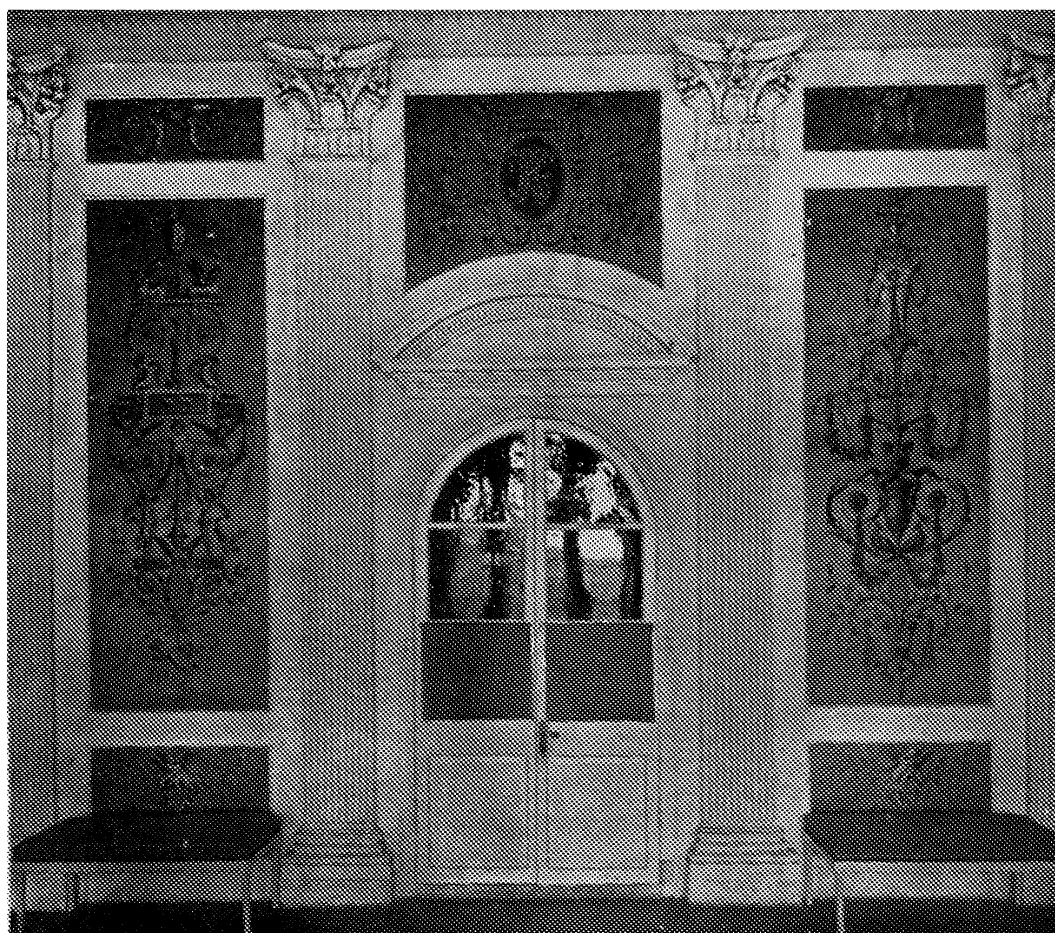
Нелѣпая на первый взглядъ затѣя Дурасова — построить домъ въ формѣ ордена — осуществилась съ такимъ изысканнымъ вкусомъ и мастерствомъ, какіе рѣдки даже въ лучшихъ архитектурныхъ созданіяхъ Россіи. Домъ снаружи и внутри содержится превосходно. Удѣляли всѣ фрески en grisaille въ прелестной столовой, пейзажи въ гостиной и дивный бѣлый залъ. Красивъ плафонъ «Пиръ Вакха», по преданію писанный Скотти. Здѣсь же отличный бюстъ Императрицы Маріи Федоровны «въ память посѣщенія 1818 г. мая 23 дня». Этотъ бюстъ работы Гишара, въ томъ же типѣ, какъ извѣстныя изображенія Императора Александра, Константина Павловича и Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Не далеко отъ дома — стоятъ театръ и два флигеля съ фризами танцующихъ фигуръ; когда то они служили помѣщеніемъ для крѣпостныхъ актеровъ Дурасовской труппы.¹⁹⁹ Прежде вокругъ дома былъ дивный садъ, который такъ восторженно описывается миссъ Вильмотъ. Теперь не осталось и слѣда отъ былого; въ 1904 году страшный ураганъ вырвалъ съ корнемъ 100 десятинъ, засаженныхъ старыми деревьями.²⁰⁰ Такъ не пощадила судьба усадьбы и только домъ говоритъ о минувшемъ великолѣпіи. Послѣ нѣжной заботливости, какой окружено Люблино теперешнимъ владѣльцемъ, страшно очутиться на развалинахъ Горенокъ, бывшего двора Разумовскихъ. Сперва имѣніе было отдано подъ фабрику, а теперь и ея нѣтъ. Хмуро, какъ раны, глядятъ глазами-выбитами выбитыя окна гигантскаго

Старый домъ.

«Никольское», вѣтъ Москвы. Собств. кн. А. Н. Галицкой.
 «Никольское», прѣд Москвою. Арх. ѡ кн. принцессѣ А. Галицкой.

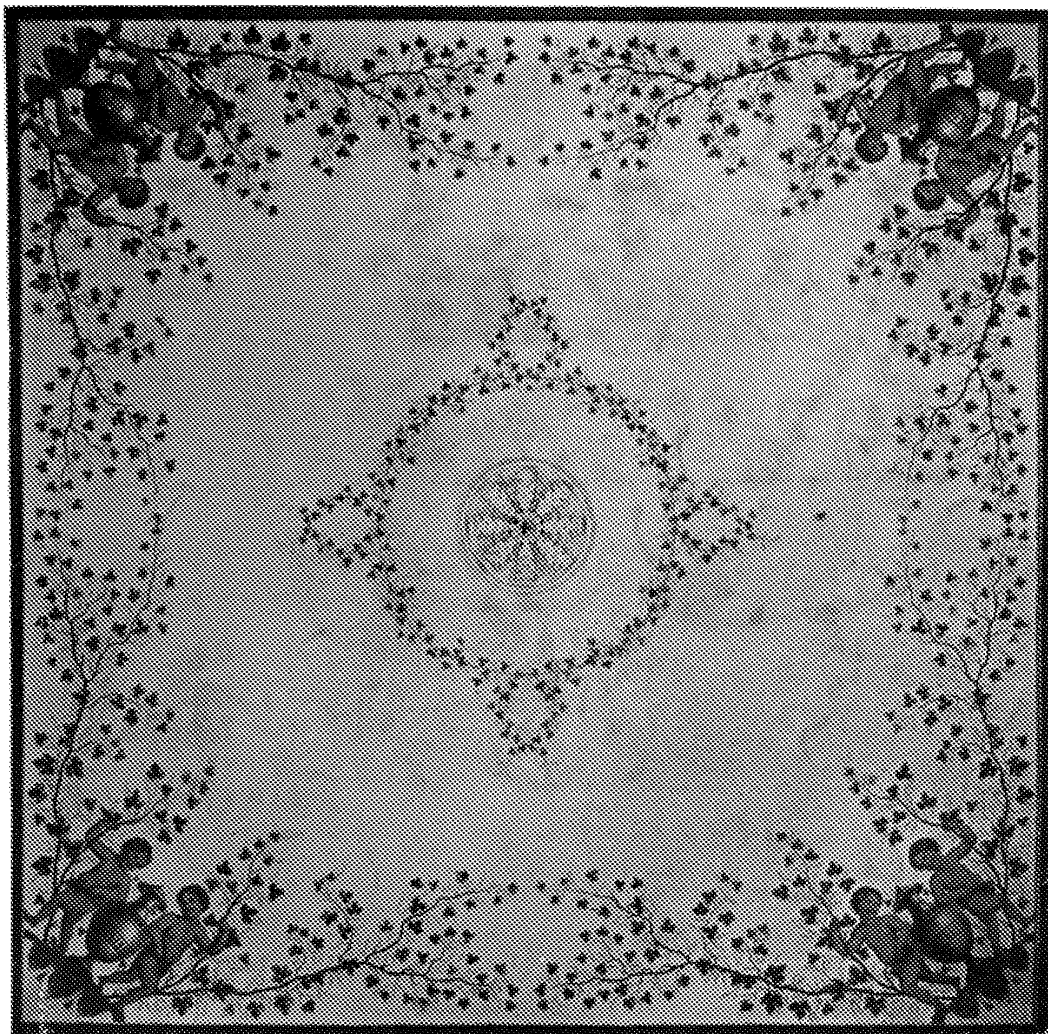
La vieille maison.

Комната съ фресками на золотомъ фонѣ.

Le salon aux fresques sur fond d'or.

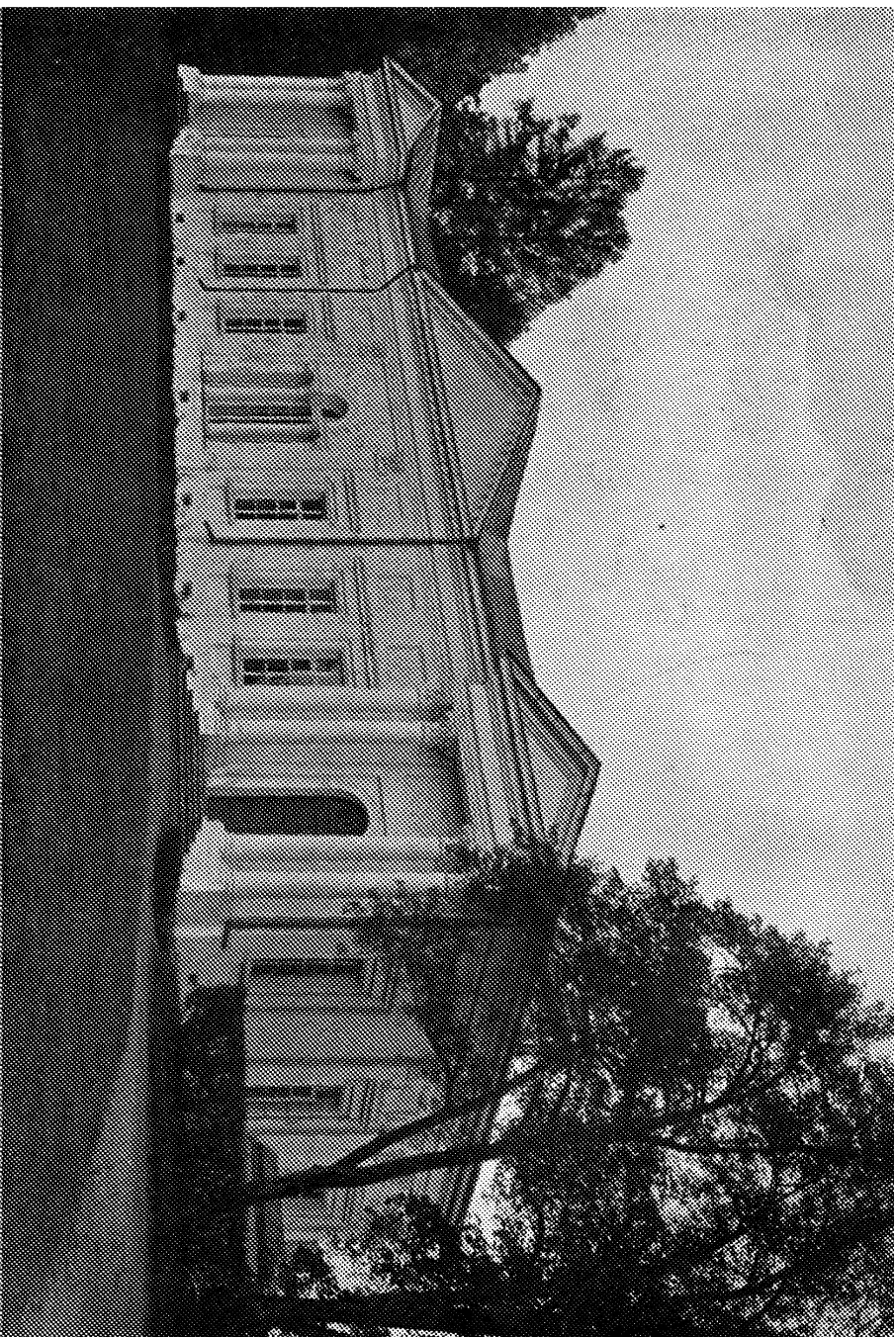
„Никольское“, подъ Москвою. Собств. кн. А. Н. Голицыной.
„Nicolskoe“, près Moscou. App. à la princesse A. Galitzine.

Плафонъ въ одной изъ комнатъ.

Plafond dans une des salles.

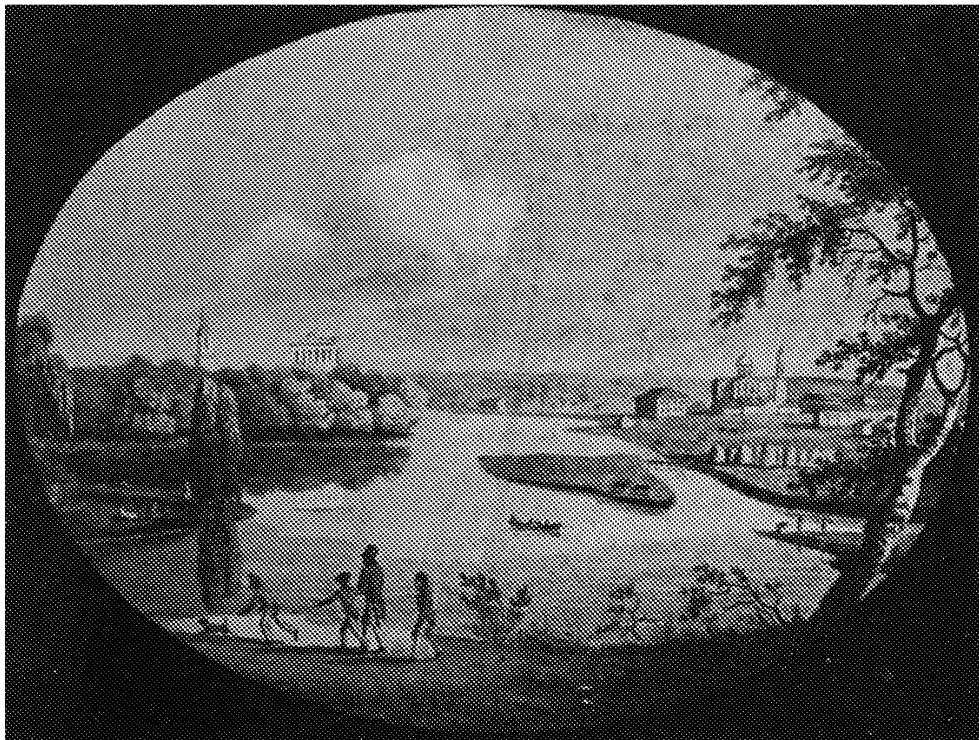
„Никольское“, вблизи Москвы, Соборъ св. А. Н. Голуминой.
„Никольское“, près Moscou. App. à la princesse A. Galitzine.

Чарльз 200X, по европейскому стилю.

„Исторический музей Москвы. Собрание А. М. Тихомирова. Москва, 1900. Издание А. Тихомирова.“

La vieille maison (vue prise du jardin).

„Богородицкѣ“ въ XVIII вѣкѣ. Съ акварели
Болотова.
Собств. графовъ Бобринскихъ въ „Богоро-
дицкѣ“, Тульской губ.

„Bogoroditsk“ au XVIII-e siècle. Aquarelle de
Bolotoff.
App. au comtes Bohrinsky à „Bogoroditsk“,
près Toul.

дома. Мѣстами на потолкахъ, гдѣ не совсѣмъ облупилась штукатурка — смутно мерещатся прелестныя фрески въ видѣ барельефовъ. Чудится, какъ хорошъ былъ плафонъ зала съ фигурами амуровъ en grisaille. Здѣсь помѣщался театръ, и еще видны здѣсь атрибуты Аполлона. Все грязно, все валится и гниетъ; окна разбиты, и воробьи летаютъ по комнатамъ; а стѣны, дивныя стѣны испещрены глупымъ мараньемъ-рисунками и надписями. Боже, что дѣлается въ бывшемъ паркѣ, въ паркѣ «русскаго Линнея», гдѣ трудились лучшіе садовники Европы! Видны мѣста, гдѣ нѣкогда находились пруды, что теперь высохли. Два зеленыхъ чугунныхъ орла сторожатъ террасу, ведущую къ заросшему зеленою молчаливому озеру. А вдали — деревня: поютъ пьяные голоса, скрипятъ телеги и визжитъ гармоника. Жалко Горенокъ, и жалко думать, что сгнило все лучшее, что было.

Въ Тульской губерніи также лишь остатки старины. Здѣсь нѣкогда славился Богородицкѣ, подарокъ Императора Павла I Бобринскому, сыну Екатерины. Дѣйствительно, это имѣніе должно было представлять въ свое время нѣчто замѣчательное. Весь городъ Богородицкѣ построенъ вѣрою къ дому, а не дому къ городу. И этимъ торжественнымъ подчеркиваніемъ какъ то особенно выдѣляется усадьба. Преданіе, какъ это часто случается, безъ всякихъ основаній считаетъ дворецъ Богородицкаго постройки Растрелли.

Однако, это невярно. Не говоря уже о классическомъ стилѣ дома (позднѣйшей, впрочемъ, передѣлки), и годъ закладки двора доказываетъ невозможность участія Растрелли. Въ запискахъ Болотова, который часто говоритъ объ этомъ имѣнии, прямо указанъ годъ закладки церкви и дома графа — 1773 г., ²⁰¹ т. е. два года послѣ смерти его псевдостроителя. Сохранились лишь старая дивная церковь и колокольня, въ которой подъѣздныя ворота; домъ сильно потерпѣлъ отъ пожара въ 1840-хъ годахъ. Надо думать, что старый домъ строился по чертежамъ самого Болотова, который, какъ извѣстно, былъ художникъ-любитель. По крайней мѣрѣ, имѣющійся въ семейномъ архивѣ планъ 1784 г. подписанъ имъ. Когда то во дворѣ были дивныя сокровища, но теперь ихъ почти не осталось.

А. Глаголевъ, посѣтившій Богородицкъ въ 1823 году, пишетъ: ²⁰² «На луговой сторонѣ обширнаго пруда видишь собраніе хижинъ и избъ, крытыхъ соломою; по другую сторону, на плоскомъ холму великолѣпный домъ Графа Бобринскаго, и обширный садъ, который въ прошломъ столѣтіи почитался чудомъ здѣшняго края.

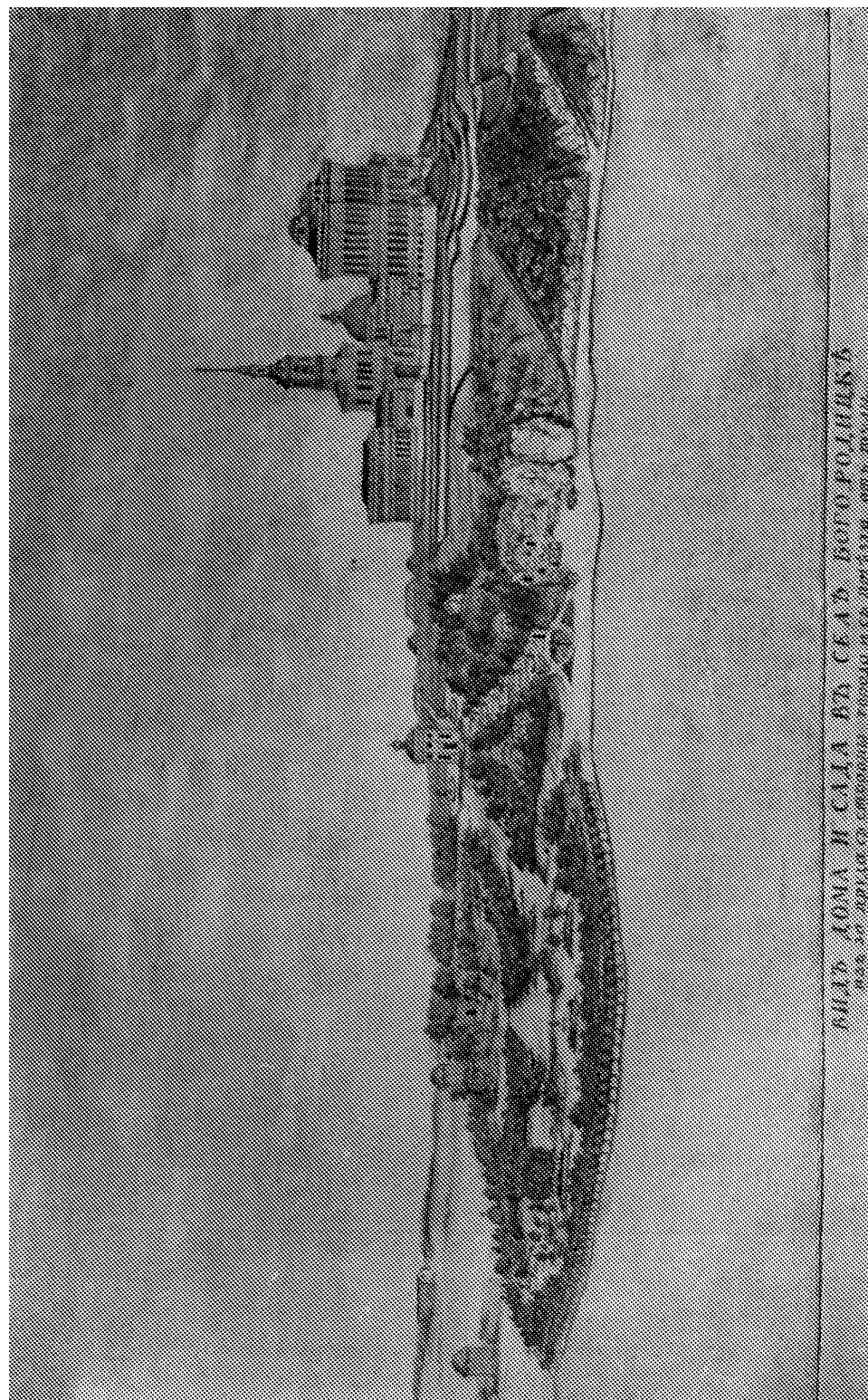
Напрасно будемъ искать здѣсь слѣдовъ прежней пышности и роскоши; но печать изящнаго вкуса надолго еще останется неизгладимою».

И вправду, до сихъ поръ — ненаглядной красоты высокій домъ надъ обрывомъ пруда среди густого, густого тѣнистаго сада. Внутри большого дома почти не сохранилось стараго. Въ передней, высоко надъ лѣстницей, сиротливо пріютились три сильно потемнѣвшихъ, но все же дивныхъ панно Гюбера Робера; въ домѣ есть хорошая мебель италіанской работы XVIII вѣка; въ боковомъ флигелѣ — отличный голландскій шкафъ съ инкрустированнымъ изображеніемъ Петра I, миниатюра Зичи, ²⁰³ нѣсколько акварелей Болотова, ²⁰⁴ красивый фарфоръ Saxe, найденный замурованнымъ въ стѣнѣ церкви.

Въ Калужской губерніи еще хуже. Чувствуется дыханіе смерти надъ портичнымъ Полотнянымъ Заводомъ, отъ дивнаго Мансурова остался лишь домъ, гдѣ живетъ гр. Илья Львовичъ Толстой, сынъ Льва Николаевича. Только Прыски — Н. С. Кашкина тщательно сохраняются. ²⁰⁵ Но самое страшное изъ всѣхъ уничтоженій Калужской губерніи — гибель Троицкаго — княгини Дашковой. Помните любовь ея къ своей усадьбѣ и восхищенные описанія миссъ Вильмотъ? Потомокъ княгини, графъ Воронцовъ-Дашковъ, не захотѣлъ сохранить родового гнѣзда; домъ въ два этажа уже дважды перестроенъ. Сперва здѣсь была помещена суконная фабрика, потомъ — писчебумажная.

Затѣмъ графъ Воронцовъ-Дашковъ продалъ все. Купилъ Дворянскій банкъ, и ушла даже жизнь фабрики. И стоитъ мертвый и унылый домъ, полный глухого проклятья. Церковь неуклюжая, старая, аннинская: снаружи нетронутая, внутри вся поновлена. Только цѣла одна риза, шитая жемчугомъ. Въ саду, что въ 1873 г. восхищалъ П. Бартенева, еще страшнѣе развалъ.

Здѣсь, недалеко отъ церкви, высится простая высокая башня. По преданію княгиня любила входить на нее смотрѣть дивныя окрестности съ далекимъ андомъ на Серпуховъ. На «Безтолковомъ мѣстѣ» еще

«Богородица» въ XVIII вѣкѣ. Акварель А. Басилова.
 Собств. графа въ Богородицѣ, Тульской губ.

«Богородица» въ XVIII вѣкѣ. Чертъ въ акварели де Болотѣ.
 Арх. въ селѣхъ Богородицѣ въ Богородицѣ, Тульской губ.

Колокольный церковъ.

Le clocher.

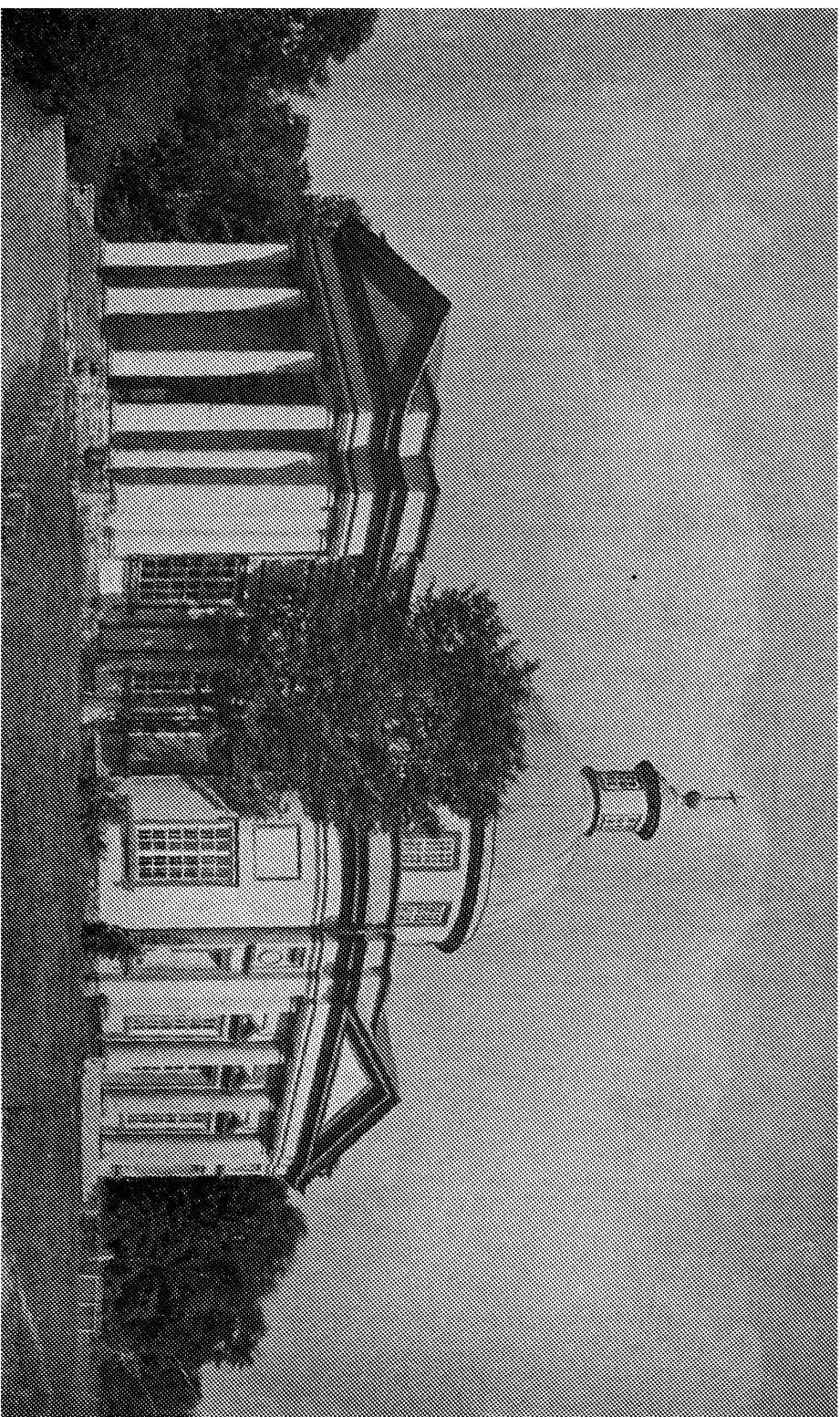
„Богородицкѣ“, Тульской гуд. Соборъ графовъ Бобринскихъ.
„Bogoroditsk“, près Toulâ. App. aux comtes Bohrinsky.

Колокольня церкви (деталь).

Le clocher (détail).

„Вознесенскъ“, Тульской губ. Собора, графовъ Вобрицкихъ.
„Vogoroditsk“, près Toula. App. aux comtes Bohrinsky.

Крестов.

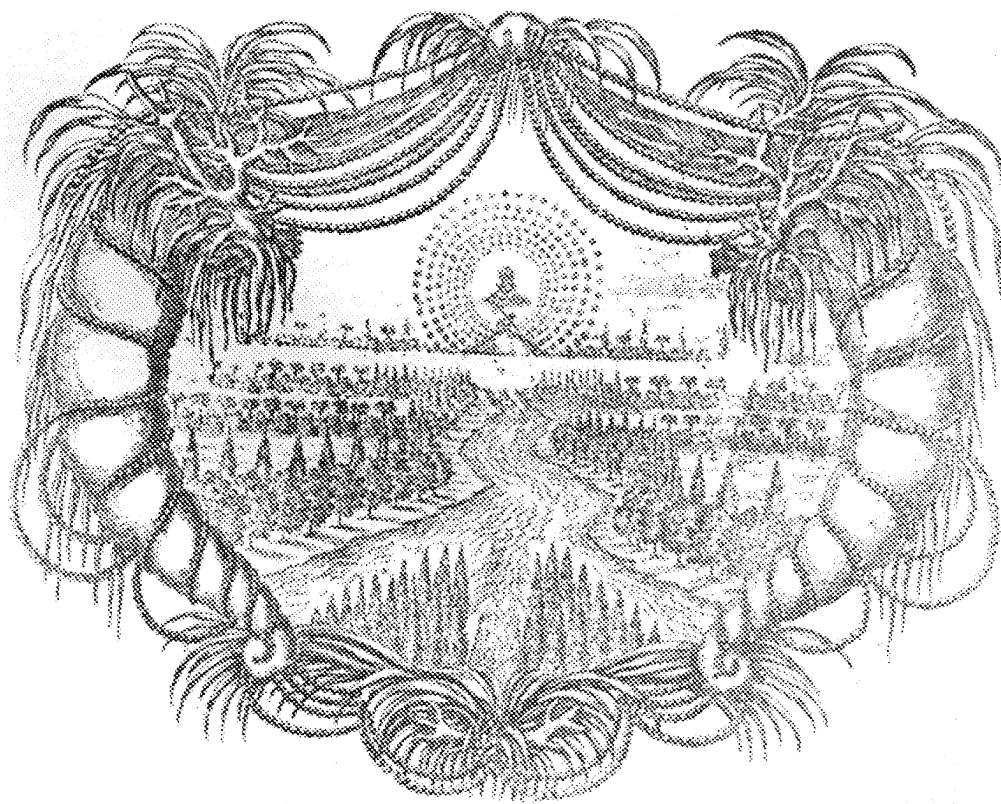
* Крестовина, 7, 1880 г.р. С. 1880 г.р. Крестовина.

Крестов.

сохранился обветшалый памятникъ въ видѣ пирамиды. Онъ весь заросъ бурьяномъ и кустарникомъ и коровы и лошади пасутся тутъ же. У дома направо какая-то покосившаяся башенка: это — бывшая «библіотека», которая вѣкогда находилась на крышѣ стараго дома. Нечего говорить, что отъ книгъ не осталось и слѣда. Я былъ въ Троицкомъ, когда три дня подъ рядъ горѣли окрестныя села. Былъ глухой набатъ, былъ днемъ и ночью, сзывая народъ. Красный языкъ пламени спокойно и настойчиво лизалъ свѣжую зелень ближняго парка и лѣса. Такъ умираю все, не только въ усадьбѣ, но и кругомъ, повсюду. И думалось, что только случайно еще не съѣлъ огонь и не постигла разруха всѣ родовыя гнѣзда...

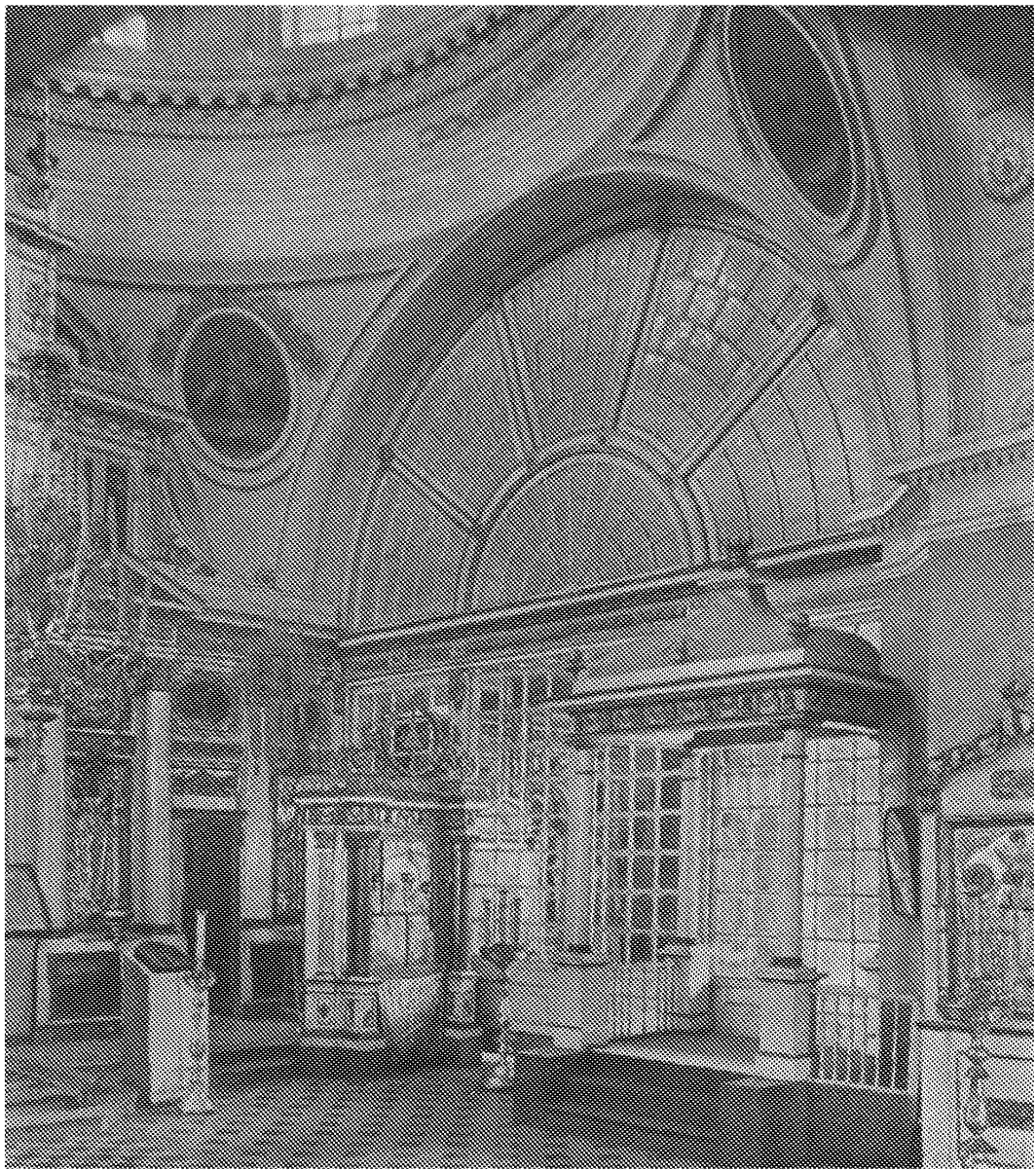
И опять длинной вереницей вспоминались изъ старыхъ книгъ описанія прежнихъ людей, прежней Россіи. Такъ же какъ прежде, бѣжали въ даль дороги и рѣки, также шумѣли лѣса и на небѣ смѣялось солнце и мечтала луна и дрожали звѣзды — все то же, что было столѣтія. Въ нерушимой своей красотѣ осталась природа великая и вѣчная; и если сгорѣли деревья Троицкаго, то вырастутъ новыя и еще лучше. Но, Богъ вѣсть, создастся ли на старыхъ пепелищахъ новая радостная и красивая жизнь...

Баронъ Н. Врангелъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

1. Адамъ Олеарій: «Описаніе путешествія въ Московію». Спб., 1906 г. (изд. Суворина), стр. 78.
 2. Е. Щепкина: «Старинные помѣщики на службѣ и дома». Спб., 1890 г., стр. 5.
 3. Флетчеръ: «О Государствѣ Русскомъ». Спб., 1905 г., (изд. Суворина), стр. 19.
 4. Адамъ Олеарій: «Описаніе путешествія въ Московію». Спб., 1906 г., стр. 202.
 5. Е. Щепкина: «Старинные помѣщики на службѣ и дома». Спб., 1890 г., стр. 12.
 6. Барсуковъ: «Родъ Шереметевыхъ». Спб., 1888 г., кн. V, стр. 56 — 58.
 7. Адамъ Олеарій: «Описаніе путешествія въ Московію». Спб., 1906 г., (изд. Суворина), стр. 198.
 8. «Альбомъ Мейерберга». Спб., 1903 г., (изд. Суворина), рисунокъ 52. А. М. Ловягинъ объ этомъ рисунокѣ говоритъ: «Село Никольское послѣдняя станція передъ Москвою, гдѣ для отдохновенія пословъ и приготовленія ихъ къ торжественному въѣзду, раскинуты были шатры. Подпись: «Никольское, или Николина деревня, дача, церковь и деревня нѣкоего боярина. Здѣсь были раскинуты для насъ два шатра, одинъ красный, а другой зеленый, но по причинѣ наступившаго вдругъ сильнаго дождя, съ громомъ и молніей, мы принуждены были искать себѣ пріюта въ близлежащей бесѣдкѣ. Это мѣсто находится въ двухъ небольшихъ миляхъ отъ столичнаго города Москвы и въ трехъ миляхъ отъ Черкизова». По «Спискамъ населенныхъ мѣстъ», Никольское, «село владѣльческое, при колодцѣ, въ 9 верстахъ отъ г. Москвы».
 9. Іоаннъ Георгъ Корбъ: «Дневникъ путешествія въ Московію». Спб., 1906 г., (изд. Суворина), стр. 40.
 10. І. Г. Корбъ: «Дневникъ путешествія въ Московію». Спб., 1906 г., (изд. Суворина), стр. 71.
 11. Е. Щепкина: «Старинные помѣщики на службѣ и дома». Спб., 1890 г., стр. 65, 66, 67.
 12. «Извѣстія Казанской ученой архивной коммисіи». 1898 г., томъ I, стр. 7, (выпускъ 9 — 10).
 13. Кн. М. М. Щербатовъ: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», «Русская Старина». 1870 г., томъ II, стр. 35.
 14. «Записки А. Т. Болотова». Спб., 1873 г., стр. 381, 382.
 15. «Записки Ф. Вигеля». М. 1866 г., I, 22.
 16. «Записки А. Т. Болотова». Спб., 1873 г., томъ III, стр. 112.
 17. Гетманъ Разумовскій писалъ въ 1755 г. графу Воронцову: «Архитекторъ Ринальди выписанъ по контракту изъ Италіи для строенія города Батурина, которое быть должно по силѣ именного указа; но сіе потому безъ дѣйства остается, что скарбъ войсковой недоступенъ къ строенію города». («Архивъ кн. Воронцова», кн. 25, стр. 221).
 18. «Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малоросію къ осени 1805 года», сочиненіе Оттона фонъ Гуна. Москва. 1806 г., I, 34 — 36.
 19. См. подробнѣе — «Старые Годы», 1907 г., июль — сентябрь.
 20. И. Е. Бондаренко: «Архитектурные памятники Москвы», II — III, 43.
 21. Степановское, — Тверское имѣніе А. А. Козень и Е. А. Нарышкиной, вѣроятно построено по планамъ Кваренги, т. е. хранящіеся у кн. О. А. Куракина въ Москвѣ планы Степановскаго всѣ съ замѣтками по италіански. (См. «Восемнадцатый Вѣкъ», изд. кн. Куракинымъ, т. I, стр. 486).
 22. См. ниже, статью Макаренко.
 23. См. «Старые Годы». 1910 г., май — июнь.
 24. Это имѣніе Черняговской губ., Нижне-Стародубскаго уѣзда, принадлежало малороссійскому ген.-губ. М. П. Миклашевскому.
- Князь Алексѣй Б. Куракинъ писалъ объ этой усадьбѣ 22 сент. 1804 года: «Vous vous trompez, mon ami, croyant que la terre de Miklachevsky ne doit pas attirer l'attention du voyageur; c'est un très joli bâtiment et un local très agréable. Le plan est de Quarenghi, et il l'a bâti pendant qu'il était gouverneur ici; la maison est à

Церковь.

L'église.

„Вознесенск“, Тульской губ. Собств. графовъ Бобринскихъ.
„Voznesensk“, pres Tula. App. aux comtes Bobrinsky.

Боковой фасад дома.

Le château. Façade latérale.

„Богородице“, Тульской губ. Собора графов Вобренских.
„Bogoroditsk“, près Toula. App. aux comtes Kobrinsky.

trois étages avec colonnades et un très beau péristyle». — «Восемнадцатый Указ», издаваемый кн. О. А. Куракиным, т. I, стр. 392.

25. Fabbriche e disegni di Giacomo Quarenghi architetto di s. m. Illustrate di russiani. Illustrate dal cav. Giulio. Milano, 1821.

26. «Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію въ осени 1803 года», сочиненіе Оттона фонъ Гуна. М. 1806 г., II, 48—49.

27. «Записки Ф. Вигеля». М. 1896 г., IV, 6, 7.

28. «Начертаніе художествъ или правила въ живописи, скульптурѣ, гравированіи и архитектуры съ присовокупленіемъ разныхъ отрывковъ, касательно до художествъ избранныхъ изъ лучшихъ сочинителей». А. Писаревъ. Спб., 1808 г., стр. 187.

29. См. прилагаемую репродукцію съ акварели Кунакина.

30. Георги: «Описаніе столичнаго города Санкт-Петербурга». 1794 г., ч. III, стр. 709.

31. Обѣ дачи воспроизведены въ гравюрахъ Махаева.

32. «Сады или искусство украшать сельскіе виды». Сочиненіе Делпи, перевелъ Александръ Воейковъ. Спб., 1816 г., стр. 19—20.

33. Плафонъ приписывается Скотти на основаніи преданій и это предположеніе весьма вѣроятно, судя по живописи. То же говоритъ Н. Е. Бондаренко въ изданіи: «Архитектурные памятники Москвы», I, 2.

34. Адамъ Олеарій: «Описаніе путешествія въ Московію». Спб., 1906 г., стр. 320.

35. Такъ какъ родъ гр. Вязмитиновыхъ пресѣлся, то это собраніе разошлось по его потомкамъ; часть картинъ принадлежитъ Суходольскимъ, часть Бибиковымъ.

36. «Записки русскаго путешественника А. Глаголева». Спб., 1813 г., ч. I, стр. 77, 78.

37. «Voyage en Russie, en Tartarie et en Turquie par M. E. D. Clarke». Paris 1813 p. 121—122.

38. Приведемъ въ перепечаткѣ и съ сохраненіемъ орфографіи полный списокъ картинъ изъ весьма рѣдкаго каталога Н. Н. Фундуклея: «Каталогъ картинъ принадлежащихъ Его Высочайшему Превосходительству Ивану Ивановичу Фундуклею». Спб., 1876 г. 1) Казакъ: «Швейцарскій видъ съ озеромъ». 2) Ауарбахъ: 1830 г. «Неаполитанскій морской видъ съ рыбаками». 3) Айвазовскій: «Морской видъ, ночь въ Гурзуфѣ, имѣніи Н. Н. Фундуклея въ Крыму». 4) «Босфоръ при восходѣ солнца». 5) Эйссель: «Зимній пейзажъ». 6) Куккукъ: 1836 г. «Пейзажъ». 7) Молящаяся Магдалина, головка. 8) (Копія съ Баттони) «Св. Магдалина». 9) Школы Веронеза: «Взятіе Божіей Матери на небо». 10) Фламандской школы: «Пейзажъ съ всадниками». 11) Ромбуть: (1597-1637). «Мальчикъ съ яблокомъ». 12) Голландской школы: «Подкутившій испанецъ съ кубкомъ». ¹ 13) Фандеръ Мюленъ: (1634-1670) «Кавалерійская схватка среднихъ вѣковъ». 14) Хальсъ: «Выпитый бокалъ». ² 15) Французской новѣйшей школы: «Ромео и Джулія, подблуды». 16) А. Остаде: «Угощеніе». ³ 17) Рембрандтъ: «Мужской портретъ». ⁴ 18) Гверчино: «Мать и два близнеца». 19 и 20) I. G. E. p. «Пиръ боговъ». ⁵ 21) Теньеръ: «Жанръ изъ двухъ фигуръ». ⁶ 22) «Угощающійся старикъ». 23) Итальянской школы: «Ксендъ художникъ». 24) Грезъ: «Голова мужчины». 25) Новѣйшей школы: «Двѣ моющіяся женскія фигуры у грота». 26) Бракклеръ: «Жанръ — семейная группа». 27) Полинбургъ: «Обличеніе Калисты». 28) Рембрандтъ: «Портретъ мужчины». 29 и 30) Мирисъ: «Женская фигура съ собакой» и «Женская фигура съ птичкой на рукѣ». ¹ 31) Вонго:

¹ По моему мнѣнію работы итальянскаго художника XVII вѣка.

² Подписное произведеніе ванъ деръ Гельста, находится у графини делья Герардеска во Флоренціи. Работы не Гальса, а ванъ деръ Гельста.

³ Въ Козацкомъ. Весьма грубая подбѣлка.

⁴ Въ Козацкомъ. Плохое подражаніе Дитриха.

⁵ Въ Козацкомъ. Голландской школы XVII в. (подпись I. G. E. p.).

⁶ Въ Козацкомъ. Подбѣлка.

«Польская королева съ зеркаломъ въ рукѣ». 32) Рубенсъ: «Перифой, освобождающій Гипподамію отъ кентавровъ». 33) Цѣль Пале-ролла, франц. школы: «Женская полуфигура съ разбитымъ кувшиномъ»² (копія). 34) «Пейзажъ съ животными». 35) и 36) Айвазовскій: «Морской видъ во время бури»³ и «Морской берегъ съ рыбаками». 37) «Благовѣщеніе (мозаика)». 38) Vanden Hallug: «Зимній видъ». 39) Рубенсъ: «Судъ Париса». 40) «Голова кающейся Магдалины» (копія). 41) Мирисъ: «Мужчина, облокотившійся на балюстраду». 42) «Приваль соколиныхъ охотниковъ». 43) Karel du Jardin: 1637. «Группа овецъ». 44) Теньеръ: «Жанръ, группа изъ двухъ фигуръ». 45) Рембрандтъ: «Обрѣзаніе Господне». 46) Соломонъ Рейсдааль: «Лѣсной пейзажъ». 47) Карлъ Моратти «Св. Семейство». 48) Kriens et Madare. 1834 г. «Пейзажъ съ гротомъ». 49) «Соколиная охота». 50) D. Teniers f.: «Группа играющихъ на интересъ». 51) Филиппъ Вуверманъ: «Пейзажъ съ верховыми охотниками». 52) Айвазовскій: «Морской видъ». 53) Голландской школы: «Эмблемы человеческой жизни». 54) Написанный въ Вѣнѣ портретъ Николая I. 55) Доминикино: «Лежащая женская голая фигура». 56) Тиціанъ: «Лежащая женская голая фигура». 57) Аллегорическій эскизъ — паденіе и спасеніе человека. 58) Портретъ Горчакова, намѣстника Польши. 59) Новѣйшей школы: «Женщина передъ купаньемъ». 60) Новѣйшей школы: «Женщина, пробующая воду — холодна или нѣтъ». 61 и 62) Двѣ баталическія картины — сраженіе съ турками. 63) Нефъ: «Двѣ обнаженныя женскія фигуры» (копія). 64) Bonaventura Peters: «Морской видъ». 65) Рубенсъ: «Жена Рубенса». 66) Новѣйшей школы: «Пейзажъ съ группою дѣвѣвъ при купальнѣ». 67) Тырановъ: «Поясная женская фигура». 68) E. Delacroix: «Лежащая женская фигура». 69) London 1793 «Цѣлующій Юпитеръ спящую Венеру». 70) Джузіо Романо: «Св. Іоаннъ Креститель въ пустынѣ». 71) Икона св. Николая на кирпичѣ, кievская древность. 72) Божія Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, на кости. 73) Фанъ Дейкъ: «Портретъ мужчины». 74) Портретъ французскаго короля. 75) Портретъ юноши Людовика XIV. 76) Adm M. DLVIÆ tatis. 36 Н.М. Портретъ дамы. 77) Портретъ императора Петра. 78) Портретъ императрицы Екатерины. 79) Портретъ Елисаветы. 80) Портретъ Павла. 81) Портретъ Николая I. 82) Портретъ Александра I. 83) Икона святителя Николая чугуевскаго. 84) Икона Божьей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. 85) Школы Поттера: «Пейзажъ съ двумя всадниками». 86) Копія съ Веронеза «Моисей». 87) Итальянской школы: «Буря въ морѣ, ночью». 88) Копія съ Карло Дольче: «Играющая на фортепіано». 89) Итальянской школы: «Пейзажъ съ рыбаками».

Кромѣ перечисленныхъ картинъ, въ Козацкомъ находятся еще нѣкоторыя другія, почему то не попавшія въ каталогъ и, вѣроятно, прибрѣтенныя позже.

¹ Обѣ въ Козацкомъ. Первая подписана: Riepard, 1724, вторая несомнѣнная и подписная работа старшаго Мириса.

² Вѣроятно—La gluche cassée — Греза.

³ Въ Козацкомъ.

⁴ Въ Козацкомъ. Несомнѣнная работа Веніамина Кейпа.

⁵ Въ Козацкомъ. Вѣроятно работа Дюбуа.

⁶ Въ Козацкомъ. Подѣлка.

⁷ Въ Козацкомъ. Копія.

⁸ Въ Козацкомъ. Превосходная картина; быть можетъ К. де Хеема-младшаго (?)

⁹ Въ Козацкомъ. Подробности см. ниже.

¹⁰ Въ Козацкомъ.

¹¹ Посредственная картина нидерландской школы конца XVI вѣка.

¹² Въ Козацкомъ. Школы Кранаха.

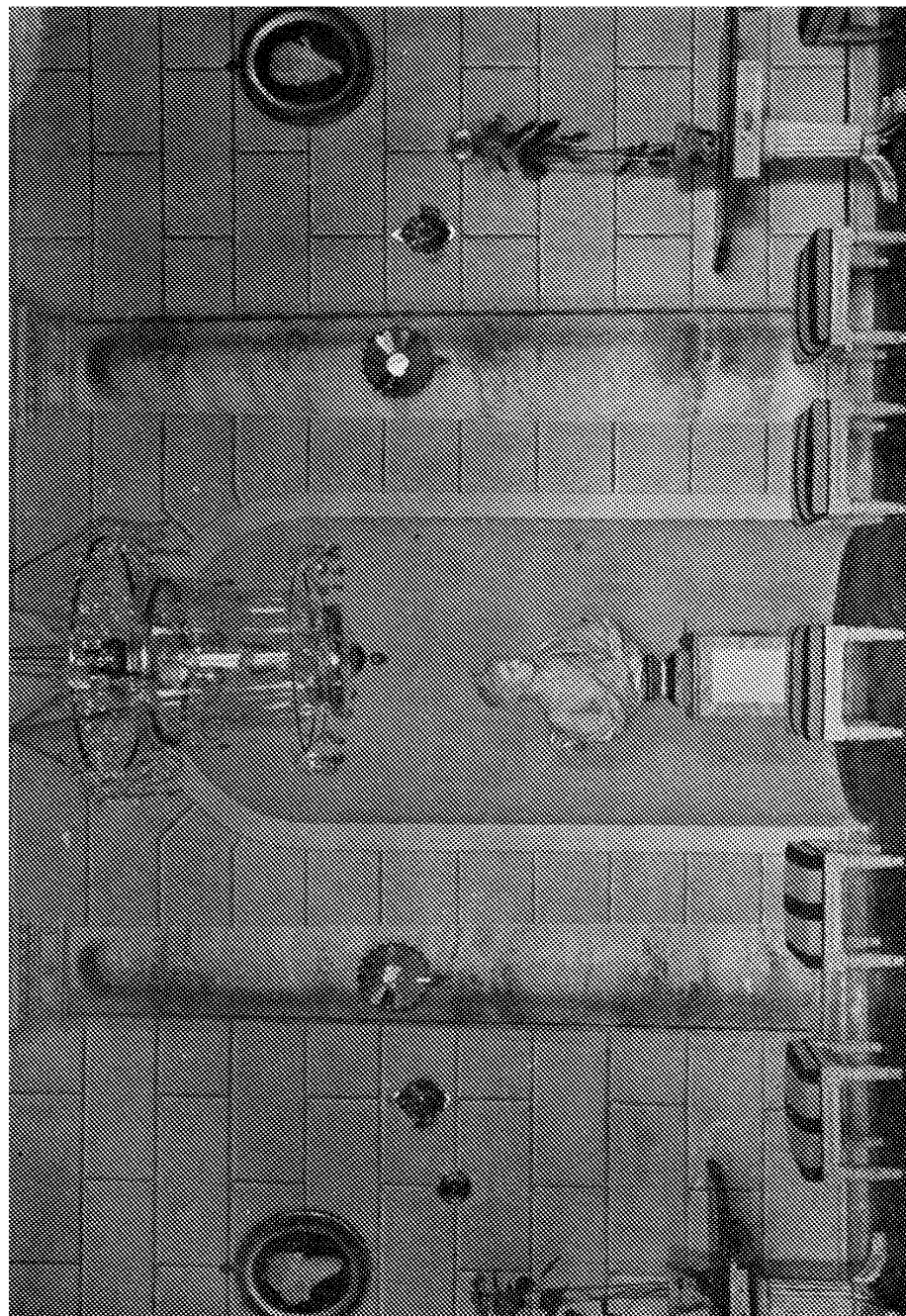
¹³ Въ Козацкомъ. Профильный типъ Таннауэра.

¹⁴ Въ Козацкомъ. Типъ Ростена (по грудь).

¹⁵ Въ Козацкомъ. Погружная копія съ Каравакка.

¹⁶ Въ Козацкомъ. Типъ Жерара, какъ въ Лозанскомъ музеѣ.

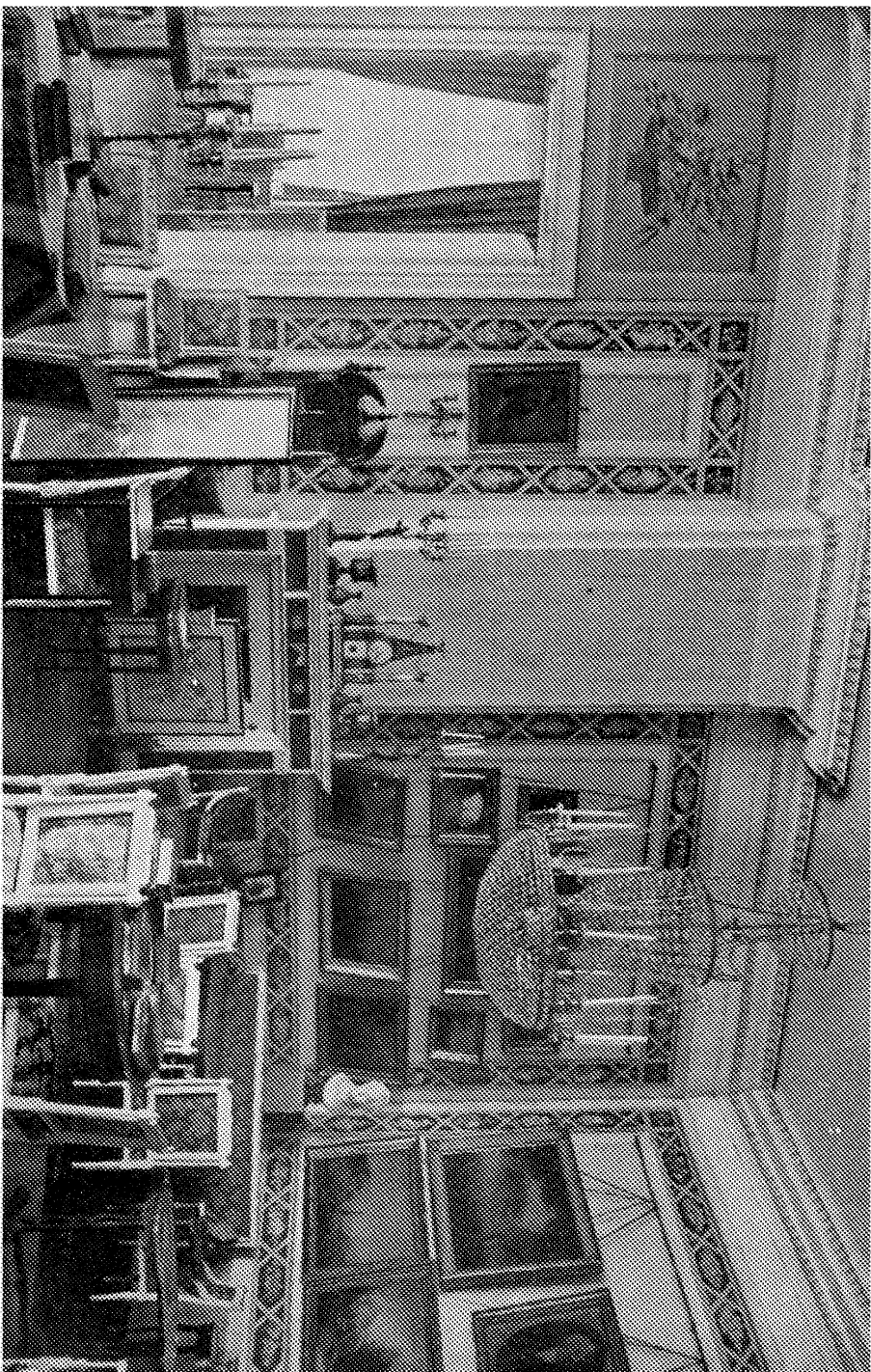
¹⁷ Въ Козацкомъ. «Св. Цецилія».

Вестибюль

«Народный», Москва, Москва, Совет, ул. А. М. Горького, «Петровский», перед Москвой, ул. у дома А. Гайдара.

Le vestibule

Апартаменты в музее.

„Изображение, по которому можно узнать, что А. М. Пушкин, в Петербурге, при Музее. Это не просто А. Пушкин.“

Вид сзади комнаты.

Изъ нихъ мы упомянемъ «Венеру», купленную П. П. Фундуклеемъ за огромныя деньги, за оригиналъ Тиціана. Однако, это несомнѣнное подражаніе XVIII вѣка. Годуки въ дѣломъ углу очень характерны по своей размахистой живописи для французскихъ пастичіо. То же можно сказать и о собачкѣ, такъ какъ собачки этой породы на картинахъ италіанцевъ Возрожденія не встрѣчаются. Подражатель, несомнѣнно, поддѣлывался подъ Тиціана, взявъ съ его картины женскую фигуру (типъ извѣстной «Венеры» Уффици), и даже «аксессуары мастерской»: одѣяло, браслеты. Картина переведена съ дерева на холстъ.

«Дѣти, играющіе съ тиграми» — отличный огромный холстъ одного изъ ближайшихъ учениковъ Рубенса. По нѣскольکو тусклой живописи можно предположить, что фигуры дѣтей и тигры писаны вакъ-Тульденомъ, а пейзажъ А. ванъ-Уденомъ. Картина была приобретена отцомъ швейцарскихъ владѣльцевъ бар. Г. Г. Врангелемъ изъ извѣстной галереи графа Ланжерона (нѣкоторые другія картины этого собранія находятся у бар. Н. Е. Врангель въ Спб.).

Картина «Галатея» по всей вѣроятности какого либо италіанскаго мастера XVII вѣка. Въ общей композиціи и въ фигурахъ морскихъ боговъ видно вліяніе школы Караваджо.

«Св. Ирина и Варвара», воспроизводимыя здѣсь, очень близки къ работамъ Дирика Боутса. Особенно характерны для него типы лицъ съ неподвижными глазами, застывшее «стѣсненное» положеніе тѣла и рукъ, густая «компактная» зелень. Главная фигура напоминаетъ одну изъ женщинъ на картинѣ Брюссельскаго музея.

Картина приобретена бар. Г. Г. Врангелемъ въ Италіи.

Наконецъ, «Хозяйка», по всей вѣроятности работы Г. Метсю, его «Лейденскаго» періода. Техника живописи напоминаетъ его раннія работы: типъ женщины очень близокъ къ «Кружевницѣ» въ Дрезденскомъ музеѣ и женской фигурѣ въ «Рынкѣ» Лувра.

39. Первые двѣ были на выставкѣ «Старыхъ Годовъ» 1908 г. подъ №№ 382, 235. «Курльщикъ» считался за работу школы Брувера, но по болѣе внимательному разсмотрѣнію весьма вѣроятно, что это произведеніе самого мастера, но нѣсколько пострадавшее отъ реставраціи.

40. Эскизъ Рубенса къ этой картинѣ находится въ музеѣ Прадо, въ Мадридѣ. А. Розенбергъ по поводу этой композиціи Рубенса говоритъ: «Es sind Vorbilder zu Wandteppichen, die die Infantin Isabella bei Rubens bestellt hatte, um sie dem Klarissenkloster in Madrid zum Gehenck zu machen. Rubens fertigte die Skizzen, von denen sich einige ein Prado-Museum in Madrid erhalten haben, und danach führten seine Schüller die grossen Bilder aus, die den Teppichwerben als Kartons dienten. Die ganze Reihe bestand aus 15 Stück» (Adolf Rosenberg: «P. P. Rubens». Stuttgart und Leipzig. 1905, s. 489). Воспроизведенная при книгѣ картина музея Прадо вполне сходится съ картиной В. П. Всеволожскаго. Всего вѣроятнѣе, что это одна изъ большихъ композицій, скопированныхъ въ ателье Рубенса его учениками для изготовленія по ней гобеленовъ.

41. Обѣ послѣднія воспроизводятся при настоящей статьѣ. Картина Кастильоне покрыта темнымъ, сильно потрескавшимся лакомъ, и снимокъ съ нея не удался.

42. Здѣсь находятся, между прочимъ, интереснѣйшіе портреты графовъ Матюшкиныхъ работы Гловачевскаго, о которыхъ мы дадимъ специальную замѣтку.

43. «Разказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній, записанныя и собранныя ея внукомъ Д. Благово». Спб. 1885 г., стр. 268.

44. «Биографическій очеркъ графа В. Г. Орлова составленъ внукомъ его гр. В. Орловымъ-Давыдовымъ». Спб. II, 3.

45. «Разказы бабушки»..., стр. 55.

46. Тамъ же, стр. 25.

47. В. Бурьяновъ: «Прогулка съ дѣтьми по Россіи». Спб., 1839 г. ч. I, 140, 141.

48. «Биографическій очеркъ гр. В. Г. Орлова» II, 14.

49. «Memoires de M-me Vigée-Lebrun». Paris, 1835, II, 316, 317.

50. В. Бурьяновъ: «Прогулка съ дѣтьми по Россіи». Спб., 1839 г., ч. I, 102 — 106.

51. «Разказы бабушки»..., 293, 294.

52. «Биографическій очеркъ гр. В. Г. Орлова», т. II, стр. 2.
53. «Старые Годы», 1908 г., июль — сентябрь.
54. «Русскій Вѣстникъ», 1861 г., ноябрь, 54.
55. Тамъ же, стр. 63.
56. «Разказы бабушки»..., стр. 255.
57. Отпускающую получили 27 лѣтъ, въ 1786 г.
58. Собко: «Словарь русскихъ художниковъ».
59. «Старые Годы», 1910 г., февраль.
60. «Разказы бабушки»..., стр. 268.
61. «Старые Годы», 1908 г., июль — сентябрь.
62. «Старые Годы», 1910 г., май — июнь.
63. «Mémoires de M-me Vigée-Lebrun», III, 71, 72.
64. Видѣть ошейниковъ, шитыхъ бисеромъ, мнѣ не приходилось, но у Льва Толстого въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ» при описаніи приготовленій къ охотѣ говорится: «въ бисерномъ ошейникѣ, побрякивая жемчужкой, выбѣжала Милка». («Сочиненія графа Л. Н. Толстого». М. 1886 г., стр. 26).
65. Интересные образцы бисерныхъ работъ можно видѣть у С. Н. Троицкаго, у Н. Е. Макаренко, въ музеѣ Плюшкина въ Псковѣ и въ Музеѣ Александра III.
66. О вышивкахъ см. статью въ «Золотомъ Рунѣ», 1906 г., № 3, со многими воспроизведеніями.
67. «Разказы бабушки»..., стр. 350.
68. «Письма изъ Россіи въ Ирландію», «Русскій Архивъ», 1873 г., стр. 1881.
69. Собко: «Словарь русскихъ художниковъ» и «Старые Годы», 1910 г., май — июнь.
70. «Разказы бабушки»..., стр. 25.
71. Въ спискѣ учениковъ Ступина, обучавшихся у него съ 1809 по 25 г.г. значатся крѣпостные:

I Отдѣленіе:

Кузьма Макаровъ¹ (г. Горихвостова), отпущенъ на волю, Никита Шведовъ (г. Соловцова), Павелъ Снѣтковъ (Горихвостова), Михайло Морозовъ (г. Болтина, отпущенъ на волю), Иванъ Соколовъ (княгини Оболенской), отпущенъ на волю, Афанасій Надеждинъ² (г. Степанова).

II Отдѣленіе:

Григорій Мельниковъ (г. Гладкаго), Николай Алексѣевъ (г. Колокольцова), отпущенъ на волю, Епафродитъ Рамейскій (г. Языкова), Иванъ Каширинъ (Ульянова), Александръ Миловановъ (его же), Дмитрій Щегловъ (Павлова), Константинъ Молчановъ (Бетлинга).

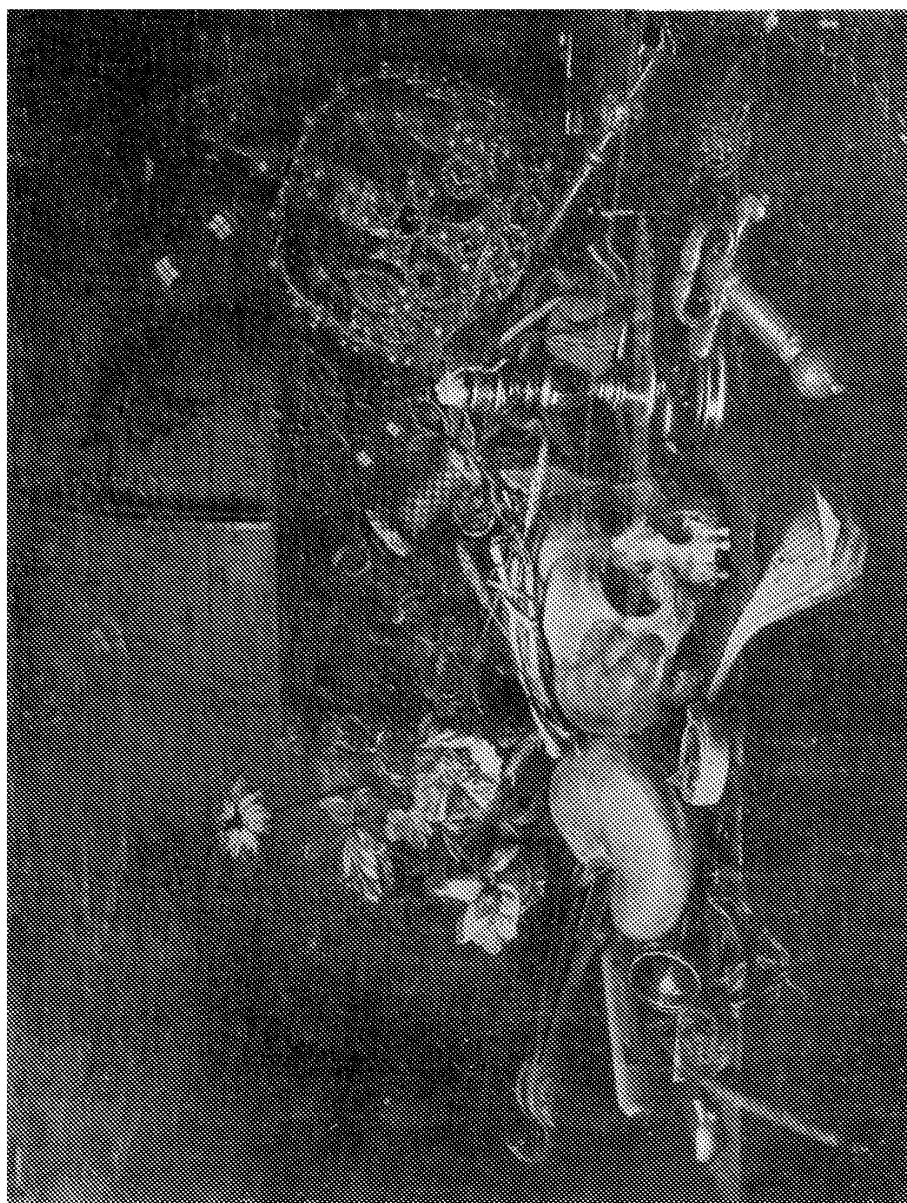
III Отдѣленіе:

Дмитрій Ботовъ (г-жи Микулиной), Петръ Мироновъ (г. Грязновскаго, отпущенъ на волю), Иванъ Кутайсовъ (генерала Котлубидкаго), Василій Раевъ³ (г. Купчелева), Аполлонъ Воскресенскій (г. Аргамакова), отпущенъ на волю.

¹ Отецъ извѣстнаго Ивана Кузьмича. Основатель художественныхъ школъ въ Саранскѣ и Пензѣ. (А. Сомовъ: «Каталогъ картинной галереи И. Академіи Художествъ». Спб. 1872, I, 217 и «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ», III, 36, 81, 175, 176, 427).

² А. Н. Надеждинъ — основатель художественной школы въ Козловѣ. (См. «Отчетъ И. А. Х.» отъ 1-го сент. 1860 г. по 1861 г., стр. 16; и «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ» II, 349, 364, 391, 401; III, 9, 37, 243, 276, 369 и 401).

³ Его картины находятся въ Музеѣ Александра III, въ Третьяковской галереѣ и т. д. Биографію см. въ книгѣ бар. Н. Врангеля: «Русскій Музей Императора Александра III», Спб. 1904 г., ч. II.

K. de Hoon le jeune (?) : «*Видеи восточной Азии*».

C. de Hoon le jeune (?) : «*Les emblèmes de la vie*».

«*Восток*», Киевский р.б. Седра. и. Т. Т. Купченко и р.б. Купченко.

«*Светлый*», près Kieff. App. à la princesse Kourakine et à la comtesse de la Chardacca.

Церковь.

L'église.

„Богородицкѣ“, Тульской губ. Собств. графовъ Бобринскихъ.
„Boguroditisk“, près Toulâ. App. aux comtes Bobrinsky.

IV Отдѣленіе.

Лука Лопиновъ (Караулова), Василій Карасевъ (Арапова), Николай Стрелковъ (Турчанинова), Иванъ Зайцевъ (Зайцева).

Въ спискѣ учениковъ Ступина 1838 г. значатся крѣпостные:

III Отдѣленіе:

Крѣпостные: Карлъ Виноградовъ (Поповой) Симбирской губ., Памфилъ Пезинаевъ (Полтева), Оренбургской губ., Антонъ Кудряшовъ (Карнова), Симбирской губ., Михайло Галкинъ (Янычаровой), Нижегородской губ., Корнелъ Сбровъ, княгини Мустафиной), Нижегородской губ.

Въ рапортѣ Ступина въ Академію за 1843 г. значатся:

Василій Нащокинъ (дана свобода), Гавріилъ Малышевъ (общана свобода), Афанасьевъ крѣпостной.

См. статью бар. Н. Врангеля въ «Русскомъ Архивѣ», 1906 г. книга 3-ья, стр. 442 — 443.

72. См. пред. примѣч.

73. То же.

74. То же.

75. То же.

76. «Русскій Вѣстникъ», 1861 г., ноябрь, стр. 59 — 83; «Русскій Художественный Архивъ», 1892 г., III, IV, 183; «Православная Подолія» (ежедневникъ) 1909 г., № 41, октябрь.

77. «Русскій Вѣстникъ», 1861 г., ноябрь.

78. Тамъ же, стр. 50.

79. Тамъ же, стр. 60.

80. Тамъ же, стр. 54.

81. Собко: «Словарь русскихъ художниковъ».

82. Ровинскій: «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ». IV, 411, 412, 722.

83. «Русскій Вѣстникъ», 1861 г., ноябрь, стр. 54.

84. А. Оленинъ: «Краткое историческое извѣстіе о состояніи Академіи Художествъ». Спб., 1829 г., стр. 77.

85. «Русскій Вѣстникъ», 1861 г., ноябрь, стр. 54.

86. «Разказы бабушки»..., стр. 235.

87. Тамъ же, стр. 256.

88. Тамъ же.

89. «Воспоминанія стараго учителя». «Русская Старина», 1887 г., стр. 662.

90. «Сборникъ Русскаго Историческаго О-ва», томъ LXII.

91. Находится въ Бѣлой Колпи, Моск. губ. у кн. А. В. Шаховскаго. Былъ на выставкѣ 1905 г. въ Таврическомъ дворцѣ подъ № 1355.

92. «Русская Старина», 1878 г., ноябрь, стр. 474.

93. Вотъ эти надписи: «1737. Юля 22 Строчилъ Григорій Тепловъ», а на другой: «Дѣлалъ Трофимъ Дьяковъ. 1737 сент. 26».

94. «Разказы бабушки»..., стр. 93.

95. Ровинскій въ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» относитъ эти работы Махачева къ 1733 — 1734.

96. Надпись на гравюрѣ: «Des Zu Königl. Grossbritannischen Residenten und General Konsuls H-n Barons von Wolff Luft Hauss und Garten aus der Petersburge Seite. St.-Petersburg 1757. (Maison de Plaisance de M-le Baron de Wolf Resident et Consul General de S. M. le Roi de la Grande Bretagne à S.-Petersbourg 1757».

97. Надпись на гравюрѣ: «Загородный дворъ на Каменномъ острову по малой Невкѣ близъ С.-Петербурга принадлежащей Ея Сіятельству Графинѣ Бесту-

¹ И. К. Зайцевъ (1805 — 1887 г.) сынъ крѣпостного живописца помѣщика Ранцева; родился въ селѣ «Архангельскомъ», Пензенской губ. Керенскаго уѣзда. Ученикъ Ступина (1824 — 27 г.) и Академіи Художествъ. Авторъ записокъ въ «Русской Старинѣ» 1887 г., стр. 663 — 691.

жевой-Рюминой урожденной Графини освященной Римской империи Беттингеровой Гофмейстерини двора Ея Императорскаго Величества Всероссийской». «Maison de Campagne dans l'Isle nommée Kamennoy Ostrow, sur la petite Newka près de S.-Petersbourg à Son Excellence Madame la Comtesse de Bestoucheff-Rumin née Comtesse du S. Empire Romain de Boettinger Gouvernante du Palais de la Majesté Imperial de toutes les Russies».

98. Георги: «Описание столичнаго города Санкт-Петербурга». 1794 г., ч. III, 668.

99. Тамъ же, стр. 674.

100. Тамъ же, стр. 677.

101. «Дневникъ Храповидкаго». Спб. 1874 г., стр. 11, 15, 16, 44, 315, 554.

102. Георги: «Описание столичнаго города Санкт-Петербурга» 1794 г., III, 678.

Озерки теперь называются Островками (см. ниже).

103. Тамъ же, 680.

104. «Старые Годы», 1907 г., июль — сентябрь.

105. Георги: «Описание столичнаго города Санкт-Петербурга» 1794 г., III, 706.

106. Тамъ же, 708.

107. Тамъ же, 709.

108. Тамъ же, 709 — 712.

109. Тамъ же, 712 — 716.

110. Существуетъ до сихъ поръ (собств. П. П. Дурново).

111. У кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова имѣется акварельный видъ этой дачи работы Сергѣева (воспр. въ каталогѣ бар. Н. Врангеля «Старый Петербургъ». Спб., 1903 г.). Замѣтка о дачѣ и воспроизведение ея ксилографіей см. въ «Иллюстраціи», 1848 г., № 27, стр. 45.

112. Нынѣ находится въ гротѣ Царскосельскаго дворца. (См. «Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ», 1883 г., статья Кобеко и «Русскій Архивъ», 1877 г., т. I, стр. 35).

113. В. Бурьяновъ: «Прогулка съ дѣтьми по Петербургу» Спб., 1838 г., ч. I стр. 135 — 137.

114. Замѣтку объ этой дачѣ см. ниже.

115. Эта прелестная нѣкогда дача два года назадъ разрушена и на мѣстѣ ея гр. Строгановъ построилъ доходный домъ. Виды дачи находятся: въ Музеѣ Александра III (раб. Воронихина) и у кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова (раб. Щедрина).

116. В. Бурьяновъ: «Прогулка съ дѣтьми по Петербургу». Спб., 1838 г., ч. I, стр. 142.

117. Сохранился лонинѣ. Изображеніе дачи см. на литографіи К. Беггрова, (по рис. Гахактіонова).

118. Нынѣ собств. М. О. Вольфъ. Изображеніе дачи см. на литографіи К. Беггрова и Александрова. Въ саду дачи сохранился прелестный дѣиной мостикъ.

119. Изображеніе дачи см. на литографіяхъ: К. Беггрова и Александрова и на акварели Чернедова, находящейся въ собр. кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова. (См. «Старые Годы» 1908 г., № 6 — 8, стр. 580 — 583).

120. В. Бурьяновъ: «Прогулка съ дѣтьми по Петербургу». Спб., 1838 г., стр. 143, 146. Изображеніе дачи см. на литографіяхъ К. Беггрова.

121. «Воспоминаніе гр. В. А. Сологуба». Спб., 1887 г., стр. 35.

122. «Прогулка съ дѣтьми по Петербургу». Спб., 1838 г., III, 34.

123. Пыляевъ: «Близкое прошлое изъ окрестностей С.-Петербурга». Спб., 1889 г., стр. 167.

124. Построена Кваренги, (см. примѣч. 25).

125. «Художественная Газета», 1837 г., № 11 — 12.

126. «Иллюстрація», 1860, г. № 116.

127. «Отечественныя Записки», 1822 г. ноябрь, № 31, стр. 266 — 288. Воспроизведеніе дома, театра и участниковъ спектакля въ домѣ см. въ изданіи литографій А. Дезарно: «Описание праздника, даннаго родными и друзьями Всеволоду Андреевичу Всеволожскому. 25 октября 1822 г.».

128. «Художественная Газета», 1837 г., № 11 — 12, стр. 184.

129. Тамъ же, стр. 185.

130. «Записки Ф. Вигеля». М. 1892 г. III. 83.
131. «Отечественныя достопамятности, издаваемые Павломъ Свиннымъ» М. 1823 г., III, 129.
132. «Отечественныя достопамятности», III, 129.
133. Павелъ Сумароковъ: Прогулка по 12 губерніямъ, Спб., 1839 г., стр. 96, 97.
134. Тамъ же, стр. 103, 104. Нынѣшнимъ (1910 г.) домъ Кузьминки проданъ имъ владѣльцемъ, кн. С. П. Голицынымъ, городу Москвѣ и, по слухамъ, дивный домъ будетъ приспособленъ для дачниковъ.
135. «Русскій Архивъ», 1873 г., стр. 1889 — 91.
136. Тамъ же, стр. 147.
137. Тамъ же, стр. 181.
138. «Художественная Газета», 1837 г., № 11 — 12.
139. См. «Біографическій очеркъ графа В. Г. Орлова, составленъ его внукомъ гр. В. Орловымъ-Давыдовымъ», (приложенъ видъ Отрады и Рамазановъ: «Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи». М. 1863 г., стр. 312.
140. См. ниже, статью П. П. Вейнера.
141. «Художественная Газета», 1837 г., № 11 — 12.
142. «Разказы бабушки»..., стр. 238.
143. Нынѣшніе Апраксины. Домъ построенъ Кампорези. (См. «Разказы бабушки»..., стр. 79, 111, 113, 114, 250, 268). Плохая акварель, изображающая Олыво, находится въ собраніи кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова.
144. См. статью Бондаренко: «Архитектурныя памятники Москвы». II — III, 44.
145. «Архивъ князя Воронцова», IV, 181.
146. «Русскій Архивъ», 1873 г., стр. 1846, 1847.
147. Тамъ же, стр. 1851 — 53, 1848.
148. Тамъ же, стр. 1840.
149. «Записки Ф. Вигеля». М. 1866 г., I, 204.
150. «Иллюстраціи», 1848 г. № 34, (приложены видъ Надеждина).
151. Списано съ ряда гравюръ-изображеній дома и парка Надеждина (изъ собранія Императорскаго Эрмитажа).
152. «Иллюстрація», 1848 г., № 34, стр. 87.
153. «Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію къ осени 1805 года», сочиненіе Оттона фонъ Гуна. М. 1806 г., ч. I, стр. 34 — 36.
154. Тамъ же, I, 39 — 41, (приложена гравюра — видъ Ивантенокъ).
155. Тамъ же, I, 55 — 57, (приложена гравюра — видъ Баклани).
156. Тамъ же, II, 30.
157. Тамъ же, II, 48, 49.
158. «Записки русскаго путешественника А. Глаголева». Спб., 1855 г., ч. I, стр. 77, 78.
159. «Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію къ осени 1805 года», сочиненіе Оттона фонъ Гуна, М. 1806 г., ч. II, стр. 79.
160. «Кіевская Старина», 1896 г., т. 55, стр. 382.
161. Тамъ же, стр. 391. Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Эфрона сказано, что Вишенки построены Кваренги, но откуда взято это свѣдѣніе — неизвѣстно. Судя по воспроизводимой здѣсь акварели Кунавина, это врядъ ли вѣрно.
162. «Иллюстрація», 1848 г. № 26, стр. 22, (приложена ксилографія «Видъ дома»).
163. «Записки Глинки», «Русская Старина», 1879 г., сентябрь, стр. 275, 276.
164. Нынѣ собств. Авшнова (называется «Пануровка», см. снимокъ).
165. «Путешествіе въ Малороссію», изданное К. П. Шапковымъ. М. 1803 г. стр. 177 — 179.
166. См. прилагаемый снимокъ съ акварели Кунавина. Портреты изъ Диканьки были на Таврической выставкѣ 1905 г.
167. См. прилагаемый снимокъ съ акварели Кунавина. Портреты изъ Очнина были на Таврической выставкѣ 1905 г.
168. Неоднократно упоминается въ «Запискахъ Ф. Вигеля» и въ «Архивѣ Раевскихъ». Спб. 1908 г. ч. I, стр.: 13, 55, 56, 92, 124, 134, 135, 142, 174, 187, 227, 237, 238, 241, 242, 246, 253, 254, 258, 259, 262, 273, 280, 281, 288. Альбомъ фото-

графий-видовъ Бѣлой Церкви и портретной галереи находится у бар. А. Е. Фелькерзама.

169. М. Мартыновъ: «Подмосковная старина». М. 1889 г. стр. 14, 15.

170. «Записки Ф. Вигеля». М. 1866 г. II, 133 — 136.

171. «Записки Тучкова». Спб. 1908 г. стр. 261.

172. Семейное преданіе.

173. Пылаевъ: «Близкое прошлое изъ окрестностей Петербурга». Спб., 1889 г.

174. Таково преданіе, сохранившееся у старожиловъ. Пылаевъ рассказываетъ исторію Мѣднаго нѣсколько иначе (см. «Близкое прошлое изъ окрестностей Петербурга»).

175. Бар. Н. Врангель: «Русскій Музей Императора Александра III». Спб., 1904 г. ч. II.

176. Портретъ былъ на выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ въ 1905 г.

177. См. выше, примѣчаніе 40.

178. Писанъ масломъ. Хотя картина и не подписана, но, судя по живописи, очень близка къ работамъ А. Орловскаго.

179. Эта прелестная дача была построена по проекту архитект. Стасова. Въ архивѣ М-ва Императорскаго Двора имѣется акварельный видъ ея.

180. См. «Миръ Искусства», 1904 г. № 2, а виды дома у П. Е. Бондаренко: «Архитектурные памятники Москвы», II — III, 45.

181. Владѣлецъ имѣнія не разрѣшаетъ снимать фотографій съ дома и парка, почему мы и не могли дать ихъ при настоящемъ очеркѣ. Въ домѣ имѣется замѣчательное собраніе портретовъ (многіе кисти Аргуновыхъ) и нѣсколько интересныхъ голландскихъ картинъ начала XVII вѣка, среди которыхъ особенно хорошъ портретъ молодого человѣка, подписанный: «Adam Pitten fecit 1596».

182. «Отечественныя достопамятности, издаваемыя П. Свинынымъ» М. 1823 г., стр. 80 — 82. См., также, «Разсказы бабушки»..., стр. 205; «Прогулка по 12 губерніямъ Павла Сумарокова». Спб., 1839 г., стр. 99. «Художественная Газета», 1837 г., № 11 — 12, стр. 188 — 189.

183. Princesse Schakhoffskoy-Stréchnéff: «Mon aïeule».

184. «Старые Годы», 1910, январь.

185. Миниатюрный портретъ его, раб. Рокштула - отца находится въ Никольскомъ.

186. Бюстъ изъ Юсуповскаго дворца воспроизведенъ въ «Художественныхъ Сокровищахъ Россіи».

187. Лучшіе изъ нихъ были на Таврической выставкѣ 1905 года.

188. «Русскій Архивъ», 1899 г., № 7.

189. «Историческій Вѣстникъ», 1899 г., январь, стр. 57.

190. «Русскій Архивъ», 1899 г., № 7.

191. Въ «Петровскомъ» находится и масляный портретъ кн. Θεодора Николаевича — повтореніе экземпляра, писаннаго Θ. Шубинымъ и находящагося у Е. И. Всеволодской въ Спб. (см. воспр. въ книгѣ бар. Н. Врангеля: «150 лѣтъ русской портретной живописи». Спб., 1902 г., стр. 135).

192. Vassé, Louis Claude (1716-1772) — знаменитый французскій скульпторъ, ученикъ Пюже и Бушардона. Медальонъ Елисаветы сдѣланъ въ 1767 г. (Auvray et de la Chavignerie: «Dictionnaire général des artistes français». Paris M. D. C. C. C. LXXXV, II, 636). Имъ исполненъ также въ 1763 г. «Dessin représentant l'ensemble du tombeau de M-me la princesse de Galitzine». Не есть ли это кто либо изъ «петровскихъ» Годицкихъ?

О Vassé см.: «Archives de l'art français», т. VI, стр. 269 — 272.

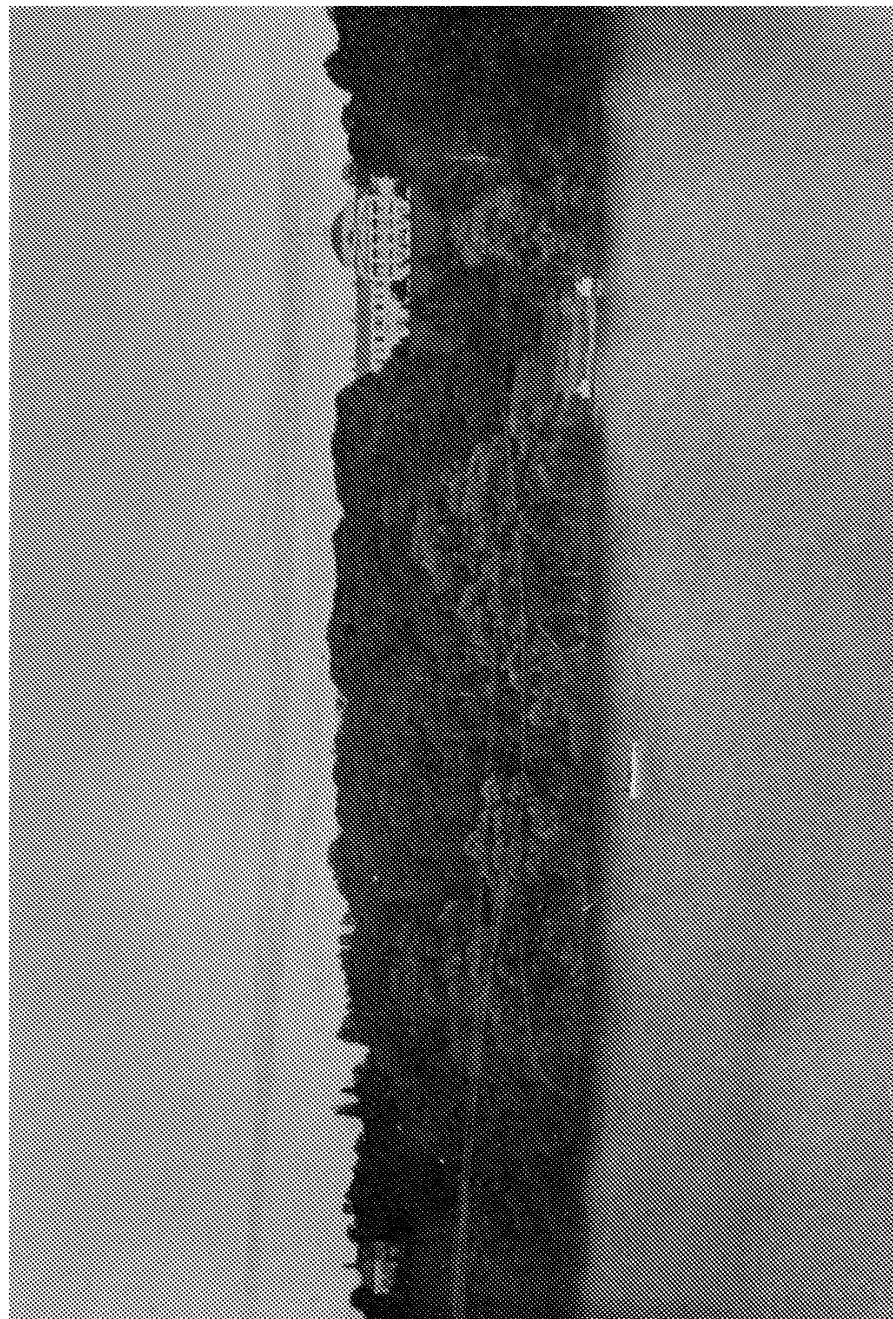
193. А также другіе, со змѣей, работы «Stonier à Paris».

194. Подпись: д. въ римѣ ф. шубинъ, 1774-го.

195. «Сочиненія А. С. Пушкина», изд. Ефремова, 1882 г., т. III, стр. 250.

196. «Memoires de la duchesse de Dino», Paris, 1908 г.

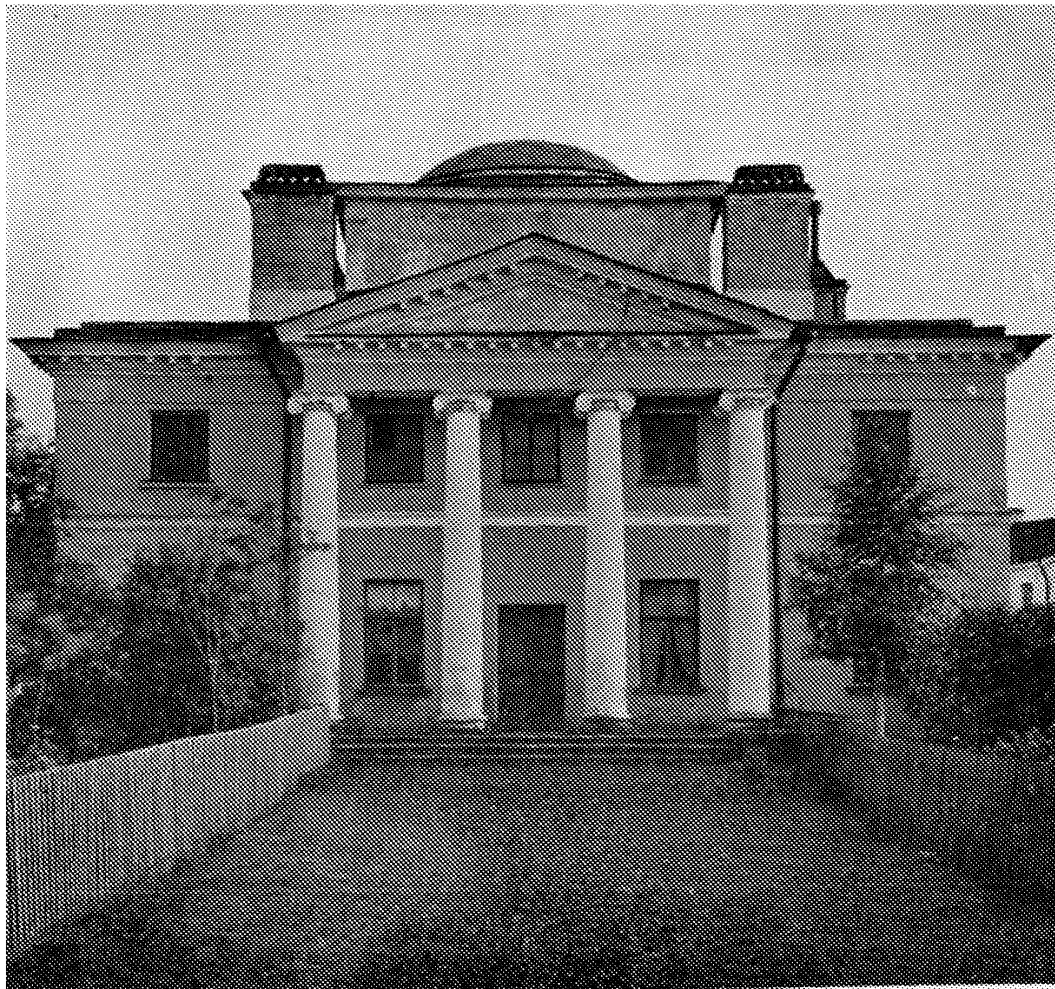
197. «Я четвертый день, какъ въ „Канаржи“, писала 7-го мая 1779 г. гр. Е. М. Румянцеву мужу: «время столь хорошо стоитъ, что почти немовѣрно, только я своею оранжереєю не утѣшена: садовникъ, который у меня былъ

Вид с моря.

Vue de la maison.

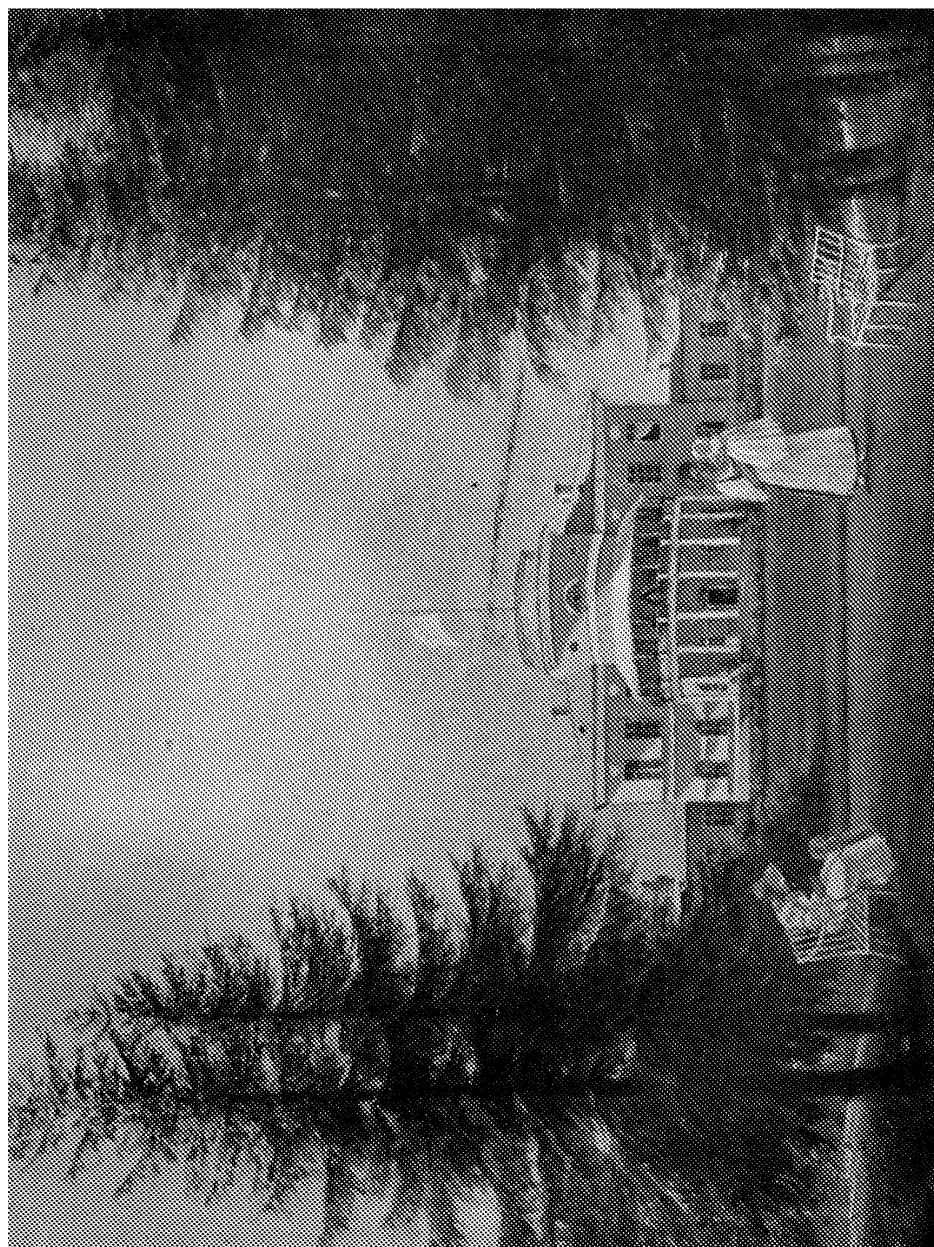
«Кавказская», принадлежащая г-де. М. С. Омар. — «Кавказская», принадлежащая г-де. М. М. Омар.

Видъ дома.

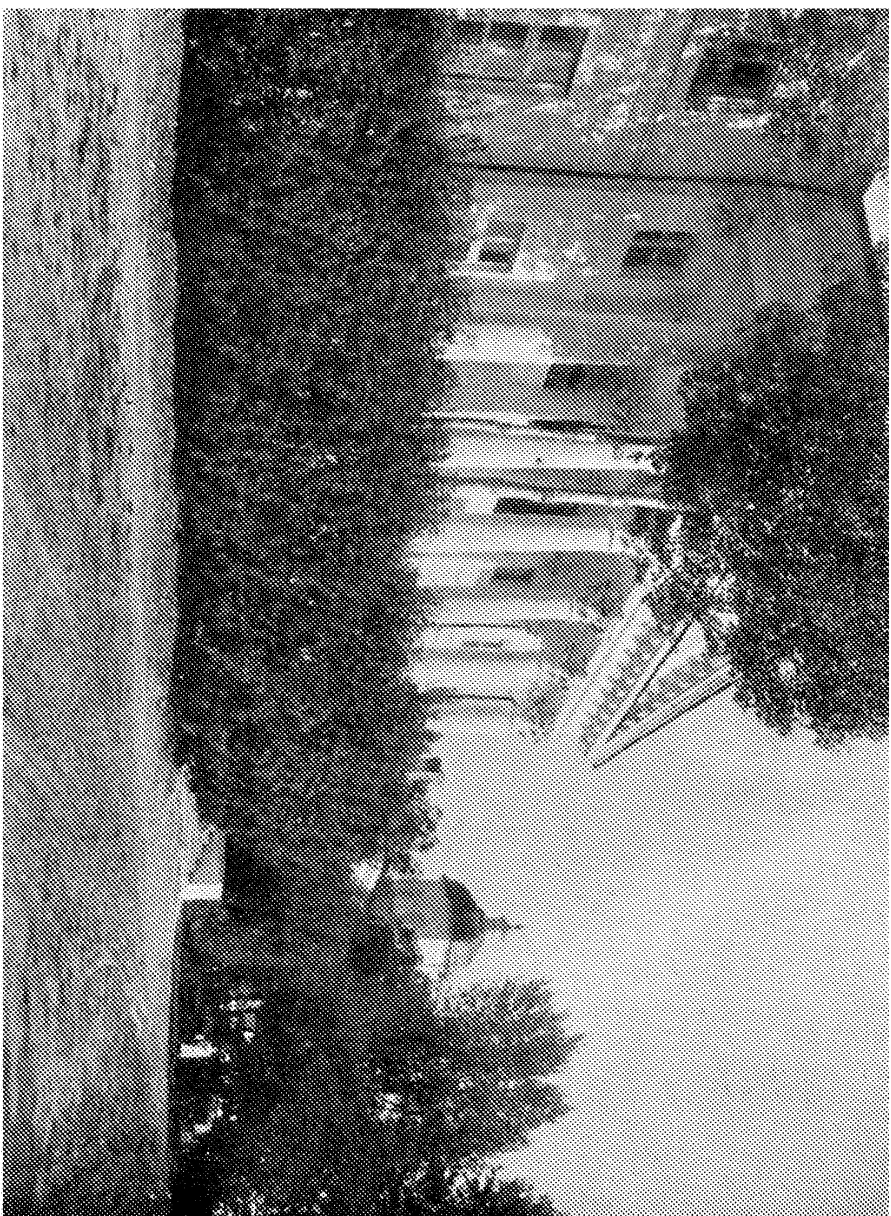
Façade du château.

Домъ „мисъ Пелла“, подъ Петербургомъ. -- Ancien château „Pello“ près St.-Petersbourg.

«Самарское», Троицкий гуд. Собор. А. А. Косов. и Е. А. Нароменко
 (св. старинный картина).
 (Собр. кн. У. А. Куракина в М. Москвит).

«Самарское», Троицкий гуд. Собор. А. А. Косов и Е. Нароменко.
 (Собр. кн. У. А. Куракина в М. Москвит).

Correspondence: Dr. J. A. J. H. van't Hof, Department of Infectious Diseases, University Hospital Groningen, P.O. Box 30.001, 3000 RB Groningen, The Netherlands. Tel: +31 (0) 931 206100. Fax: +31 (0) 931 206101. E-mail: j.a.j.h.van't.hof@azg.umcg.nl

Figure 1

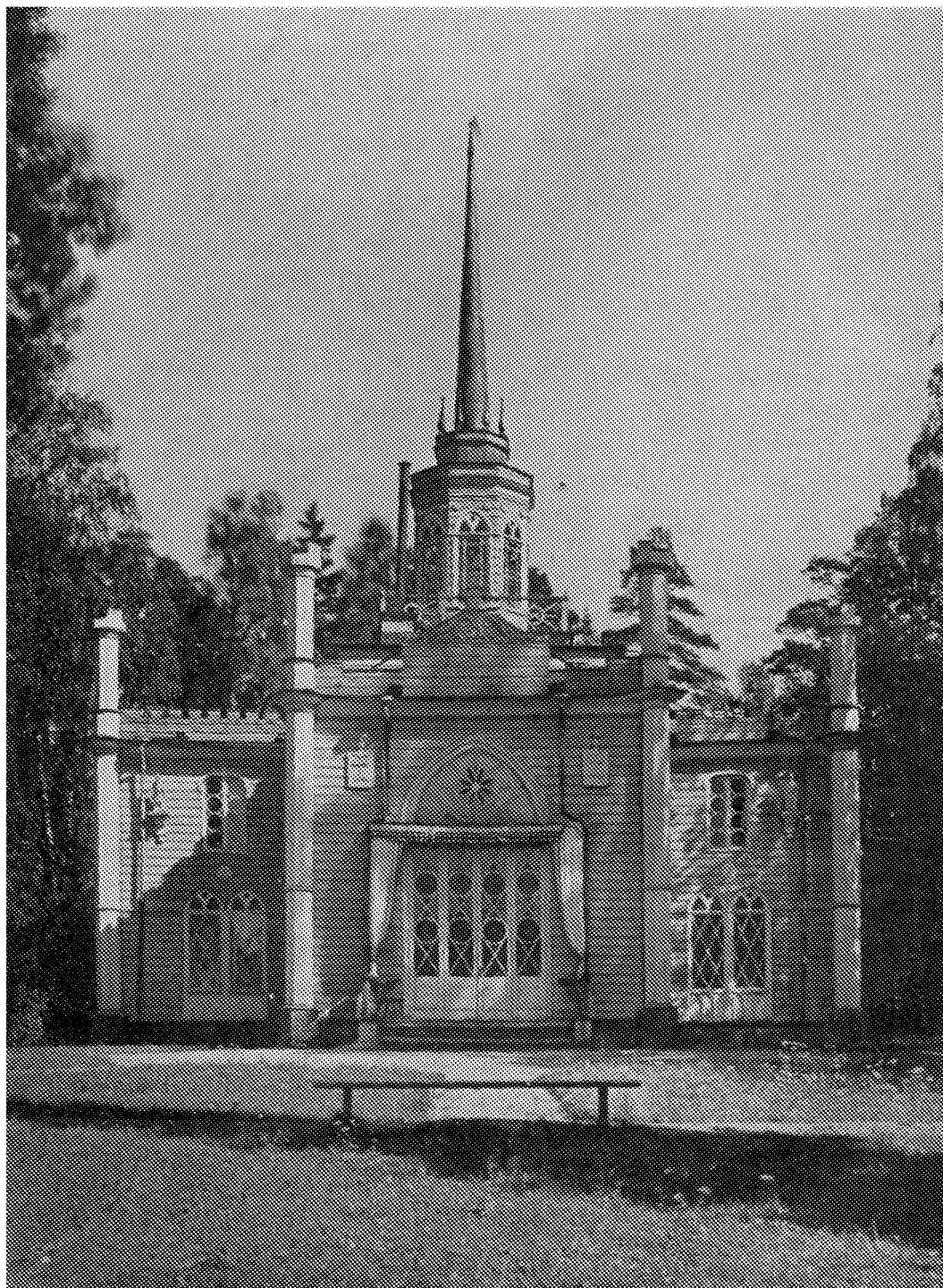
Научная группа по исследованию проблематики "Политическая система М. М. Мухоморова" под руководством А. А. М. М. Мухоморова.

Главный фасад дома.

Facade principale du château.

„Зимовьецо“, подъ Петербургомъ. Соборъ С. С. Зимоваго. — „Зимовьецо“, подъ С.-Петербургомъ. Арх. А. Е. Зимоваго.

„Эрмитажъ“ въ саду.

„L'Ermitage“ dans le jardin.

„Зинovievo“, подъ Петербургомъ. Собств. С. С. Зинovieva.
 „Zinovieva“, près St.-Petersbourg. App. à E. E. Zinovieff.

прежде все изгадилъ.. Объ каменщикахъ тебѣ ничего не могу сказать, отъ знакомъ работы, и время уходитъ..

«Письма гр. Е. М. Румянцева къ мужу», Спб. 1888 г., стр. 232. У церкви села Фенина, подлѣ бывшаго Канаркина, похороненъ гр. Н. П. Румянцева и надъ могилою его донынѣ сохранился дивный мавзолей.

198. Исполненъ въ 1834 г. и Демуть награжденъ за него преміей въ тысячу рублей. «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ», II, 294, 295, 317.

199. Пылаевъ: «Старая Москва», Спб. 1891 г., стр. 157.

200. «Путеводитель по Московской окружной жел. дорогѣ», М. 1900 г., стр. 72. Здѣсь сказано, что домъ построенъ въ 1801 году. То же говоритъ и Бондаренко въ «Архитектурныхъ памятникахъ Москвы», I, 24.

201. «Записки Болотова», Спб. 1873 г., стр. 156, 176. Церковь построена по планамъ архитектора Я. Ананьина. Собоко: «Словарь русскихъ художниковъ».

202. «Записки русскаго путешественника А. Глаголева», Спб. 1845, I, 36.

203. См. воспроизведеніе въ «Старыхъ Годахъ», 1900 г., октябрь.

204. См. воспроизведенія нхъ.

205. Въ домѣ имѣются любопытные семейные портреты, см. «Русскіе дѣтели въ портретахъ», Спб. 1886 г., стр. 57, 58 (портретъ Е. П. Кашкина).

